

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 7 (176) июль 2025

В НОМЕРЕ:

Маркина Л. Л.

Активное и пассивное избирательное право:
взаимосвязь и конституционное регулирование

Панова А. С.

Значение SMART-стандартизации как передовой
технологии в правовом обеспечении качества
промышленного производства

Корма В. Д.

Использование теории катастроф в расследовании
преступлений

LEX RUSSICA

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г., ISSN 1729-5920 (Print), ISSN 2686-7869 (Online);
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ является преемником научных трудов ВЮЗИ-МЮИ-МГЮА, издаваемых с 1948 г.;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Lex russica — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории государства и права (в том числе этноправа), совершенствования законодательства и повышения эффективности правоприменения, правовой культуры, юридического

образования и методики преподавания правовых дисциплин, международного права, сравнительного правоведения и др.

Журнал знакомит с юридическими школами вузов России; публикует очерки об ученых, чьи имена золотыми буквами вписаны в историю юридической науки, обзоры конференций и круглых столов, проведенных в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах, рецензии на новые юридические издания; содействует сближению и гармонизации российского и зарубежного права.

Авторами журнала являются известные российские и зарубежные ученые-юристы (из Германии, Китая, Польши, Франции, Финляндии и др.).

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998 (Print), ISSN 2782-6163 (Online);
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, издаваемых Университетом (Lex russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Том 20 № 7 (176) ИЮЛЬ 2025

Ежемесячный научный журнал.
Издается как СМИ с 2006 г.

РОССИЙСКОГО ПРАВА

«Актуальные проблемы российского права» — научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования.

Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются также материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

СИТНИК Александр Александрович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — эксперт отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

БЕКЯШЕВ Дамир Камильевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Московского государственного института международных отношений МИД России.
Почтовый адрес: пр-т Вернадского, д. 76, г. Москва, Россия, 119454.

БЕЛОВА-ГАНЕВА Габриела — кандидат юридических наук, профессор, декан историко-правового факультета Юго-Западного университета имени Неофита Рильского (Болгария).
Почтовый адрес: ул. Ивана Михайлова, д. 66, г. Благоевград, Болгария, 2700.

БОЛТИНОВА Ольга Викторовна — доктор юридических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой финан-

сового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук.
Почтовый адрес: ул. Знаменка, д. 10, г. Москва, Россия, 119019.

ВИННИЦКИЙ Данил Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Уральского государственного юридического университета, директор Института права БРИКС.
Почтовый адрес: Комсомольская ул., д. 21, г. Екатеринбург, Россия, 620137.

ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ГАЗЬЕ Анн — доктор права, доцент Университета Paris Nanterre (Франция).
Почтовый адрес: авеню Републик, д. 200, г. Нантер, Франция, 92001.

ГОЛОВНЕНКОВ Павел Валерьевич — доктор права, ассессор права, адвокат, Берлин, Германия.

ДУБРОВИНА Елена Павловна — кандидат юридических наук, член Центральной избирательной комиссии РФ (2003—2016), руководитель Центра законодательных инициатив политической партии «Российская объединенная демократическая партия «Яблоко»».
Почтовый адрес: Пятницкая ул., д. 31, стр. 2, г. Москва, Россия, 119017.

ЗАХАРОВ Владимир Викторович — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Северо-Кавказского округа.
Почтовый адрес: Рашипилевская ул., д. 4, г. Краснодар, Россия, 350063.

КАЛИНИЧЕНКО Пауль Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КОКОТОВ Александр Николаевич — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации.

Почтовый адрес: Сенатская пл., д. 1, г. Санкт-Петербург, Россия, 190000.

КОРНЕВ Аркадий Владимирович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КУРБАНОВ Рашад Афатович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова.

Почтовый адрес: Стремянный пер., д. 36, г. Москва, Россия, 117997.

ЛИПСКИ Станислав Анджеевич — доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права Государственного университета по землеустройству.

Почтовый адрес: ул. Казакова, д. 15, г. Москва, Россия, 105064.

МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИНБАЛЕЕВ Алексей Владимирович — доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МОХОВ Александр Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой медицинского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПАНАГИОТОПОЛОС Димитриос — профессор права Афинского национального университета имени И. Каподистрии (Афины), судебный поверенный, проректор Университета Центральной Греции, президент Международной ассоциации спортивного права (МАСП).

Почтовый адрес: ул. Веранжероу, д. 4, г. Афины, Греция, 10677.

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

РЕШЕТНИКОВА Ирина Валентиновна — доктор юридических наук, профессор, председатель Арбитражного суда Уральского округа в отставке.

Почтовый адрес: пр-т Ленина, д. 32/27, г. Екатеринбург, Россия, 620075.

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВ Александр Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, директор Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского, д. 135, г. Саратов, Россия, 410028.

ФОКИНА Марина Анатольевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Российского государственного университета правосудия.

Почтовый адрес: Новочеремушкинская ул., д. 69, г. Москва, Россия, 117418.

ХВАН Леонид Борисович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного права и управления Ташкентского государственного юридического университета.

Почтовый адрес: Главпочтамт, а/я № 232, г. Ташкент, Республика Узбекистан, 100000.

ЧАННОВ Сергей Евгеньевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой информационного права и цифровых технологий Саратовской государственной юридической академии.

Почтовый адрес: ул. Чернышевского Н.Г., зд. 104, стр. 3, г. Саратов, Россия, 410031.

ШАЛУМОВ Михаил Славович — доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника управления систематизации законодательства и анализа судебной практики Верховного Суда Российской Федерации — начальник отдела систематизации законодательства и анализа судебной практики в области уголовного судопроизводства, судья Верховного Суда Российской Федерации (в почетной отставке).

Почтовый адрес: Поварская ул., д. 15, г. Москва, Россия, 121260.

ШИТКИНА Ирина Сергеевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского права, руководитель программы магистратуры по направлению «Корпоративное право» юридического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Почтовый адрес: Ленинские горы, д. 1, стр. 13, г. Москва, ГСП-1, Россия, 119991.

ЯСКЕРНЯ Ежи — доктор юридических наук, профессор Университета имени Яна Кохановского в г. Кельц (Польша), декан кафедры права и социальных наук отделения конституционного, европейского и международного публичного права.

Почтовый адрес: ул. Зеромского, д. 5, г. Кельц, Польша, 25369.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

КАШАНИНА Татьяна Васильевна — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

КЛЕПИЦКИЙ Иван Анатольевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

МИХАЙЛОВ Сергей Михайлович — кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

ПОДУЗОВА Екатерина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

СОКОЛОВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
Почтовый адрес: Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Россия, 125993.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г.

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://aprp.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11178
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет 07.08.2025
Объем 20,92 усл. печ. л., формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

М. В. Баукина, Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

А. Б. Рыбакова

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на «Актуальные проблемы российского права» обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций.

ACTUAL PROBLEMS

Monthly scientific journal.
Published media since 2006

Vol. 20 № 7 (176) JULY 2025

OF RUSSIAN LAW

The Actual Problems of Russian Law Journal is an academic and practical law journal devoted to current issues of the theory of law, practice of its application, improvement of the legislation, and problems of legal education.

Sections of the Journal cover all major branches of law, take into account the full range of legal issues, including the theory and history of the State and law, constitutional law, civil law, criminal law, international law, etc. On the pages of the Journal, you can find conference proceedings, reviews of the most recent legal publications.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

CHIEF EDITOR

Aleksandr A. SITNIK — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — expert of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

COUNCIL OF EDITORS

Damir K. BEKYASHEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of International Law of Moscow State Institute of International Relations under the Ministry of Foreign Affairs of Russia.
Mailing address: prosp. Vernadskogo, d. 76, Moscow, Russia, 119454.

Gabriela BELOVA-GANEVA — PhD in Law, Professor, Dean of the Faculty of Law and History of South-West University «Neofit Rilski» (Bulgaria).
Mailing address: 66 Ivan Mihailov Str., Blagoevgrad, Bulgaria, 2700.

Olga V. BOLTINOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Znamenka, d. 10, Moscow, Russia, 119019.

Danil V. VINNITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of the Ural State Law University, Director of the BRICS Law Institute.
Mailing address: Komsomolskaya ul., d. 21, Yekaterinburg, Russia, 620137.

Lidia A. VOSKOBITOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Criminal Procedure Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Anne GAZIER — Doctor of Law, Associate Professor of the University Paris Nanterre (France).
Mailing address: Universite Paris Nanterre, 200 avenue de la Republique, 92001 Nanterre Cedex (France).

Pavel V. GOLOVNENKOV — Doctor of Law, Law Assessor, Advocate, Berlin, Germany.

Elena P. DUBROVINA — Cand. Sci. (Law), Member of the Central Election Committee of the Russian Federation (2003—2016), Head of the Center for Legislative Initiatives of the Russian United Democratic Party "Yabloko".
Mailing address: Pyatnitskaya ul., d. 31, build. 2, Moscow, Russia, 119017.

Vladimir V. ZAKHAROV — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairman of the Court of Arbitration of North Caucasus district.
Mailing address: Rashpilevskaya ul., d. 4, Krasnodar, Russia, 350063.

Paul A. KALINICHENKO — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr N. KOKOTOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation.
Mailing address: Senatskaya pl., d. 1, St. Petersburg, Russia, 190000.

Arkadiy V. KORNEV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Rashad A. KURBANOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law Disciplines of the Plekhanov Russian Economic University.
Mailing address: Stremyanny per., d. 36, Moscow, Russia, 117997.

Stanislav A. LIPSKI — Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor, Head of the Department of Land Law of the State University for Land Use Planning.
Mailing address: ul. Kazakova, d. 15, Moscow, Russia, 105064.

Igor M. MATSKEVICH — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminology and Penal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey V. MINBALEEV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of IT and Digital Technologies Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr A. MOKHOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Medical Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Dimitrios PANAGIOTOPOULOS — Professor of Law at the National and Kapodistrian University of Athens, Attorney-at-Law, Vice-Rector (f) of the University of Central Greece, President of International Association of Sports Law (IASL).
Mailing address: 4, Veranzerou Str., 10677, Athens, Greece.

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Irina V. RESHETNIKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Chairperson of the Court of Arbitration of the Urals District (emeritus), Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of the Judicial System.
Mailing address: prosp. Lenina, d. 32/27, Ekaterinburg, Russia, 620075.

Elena R. ROSSINSKAYA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Forensic Examination of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksandr Yu. SOKOLOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Director of Saratov Branch, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 135, Saratov, Russia, 410028.

Marina A. FOKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of the Russian State University of Justice.
Mailing address: Novocheremushkinskaya ul., d. 69, Moscow, Russia, 117418.

Leonid B. KHVAN — PhD in Law, Associate Professor of the Department of State Law and State Administration of Tashkent State Law University.
Mailing address: Glavpochtamt, a/ya 232, Tashkent, Republic of Uzbekistan, 100000.

Sergey E. CHANNOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Information Law and Digital Technology of the Saratov State Law Academy.
Mailing address: ul. Chernyshevskogo, d. 104, b. 3, Saratov, Russia, 410031.

Mikhail S. SHALUMOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Deputy Head of the Department for Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Head of the Department of Systematization of Legislation and Analysis of Judicial Practice in the Field of Criminal Procedure, Justice of the Supreme Court of the Russian Federation (emeritus).
Mailing address: Povarskaya ul., d. 15, Moscow, Russia, 121260.

Irina S. SHITKINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Business Law, Head of the «Corporate Law» Master's Program of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University.
Mailing address: Leninskie Gory, d. 1, str. 13, Moscow, GSP-1, Russia, 119991.

Jerzy JASKIERNIA — Prof. dr hab. Jan Kochanowski University, Kielce, Poland, dean, Department of Law and Social Sciences chair, Division on Constitutional, European and International Public Law.
Mailing address: PL 25-369 Kielce, ul. Żeromskiego 5.

EDITORIAL BOARD

Tatyana V. KASHANINA — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Theory of the State and Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ivan A. KLEPITSKIY — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Sergey M. MIKHAILOV — Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil and Administrative Court Proceedings of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Aleksey M. OSAVELYUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Ekaterina B. PODUZOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

Natalya A. SOKOLOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of International Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL).
Mailing address: Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, Moscow, Russia, 125993.

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 7 May 2014. The Certificate of Mass Media registration: PI No. F577-25128

ISSN

1994-1471 (Print), 2782-1862 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
"Kutafin Moscow State Law University (MSAL)"
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://aprp.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through "Press of Russia" joint catalogue
and the Internet catalogue of "Kniga-Servis" Agency
Subscription index: 11178
Subscription to the journal is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

07.08.2025
Volume: 20.92 conventional printer's sheets, format 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

M. V. Baukina, E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

A. B. Rybakova

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to "Actual Problems of Russian Law" is obligatory. Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors. The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors of publications.

Содержание

ТЕОРИЯ ПРАВА

- Любчик А. А., Минкова О. Г., Щербакова Н. В.**
«Правовая природа» — юридический термин
или неудачное заимствование 11
- Чечельницкий И. В.** Специализированные институты
государственной правозащиты 21

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

- Маркина Л. Л.** Активное и пассивное избирательное право:
взаимосвязь и конституционное регулирование 33
- Масталиев К. Т.** Конструкция правового механизма
принудительного прекращения гражданства опитрованных граждан 43
- Ахременко А. С.** Риски, связанные с отменой ограничения занятия
одним и тем же лицом должности главы субъекта
Российской Федерации более двух сроков подряд 52

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Бортников С. П.** Конкуренция национальных правил
по борьбе с уклонением от уплаты налогов с основными законами
высокоинтегрированных формирований 60
- Лютова О. И.** Развитие правового регулирования
налоговой обязанности в условиях цифровизации в Китае 75

ГРАЖДАНСКОЕ И СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Яровой А. В.** Добросовестность: проблемы доктринального
определения и практического применения 83

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

- Лукашевич Е. Н.** Правила состязания в арбитражном процессе,
сформированные в результате судебного правоприменения 94

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

- Панова А. С.** Значение SMART-стандартизации как передовой технологии
в правовом обеспечении качества промышленного производства 104

МЕДИЦИНСКОЕ ПРАВО

- Давыдова М. Л.** Развитие законодательства
о телемедицине: противоречия и тенденции 114

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Сушина Т. Е.** Приоритеты судебного порядка рассмотрения
жалоб как составной части механизма судебной
защиты прав граждан в досудебном производстве по уголовным делам 124

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

- Корма В. Д.** Использование теории катастроф в расследовании преступлений 139
- Мулявко Д. Е.** Уведомление федеральным государственным служащим
о фактах склонения к совершению коррупционных преступлений:
проблемы правового регулирования 148

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Скопцова Е. И.** Признание решений иностранных судов по делам
о трансграничной несостоятельности в разрезе компаративистского анализа 161
- Сигаури-Горский Е. Р.** Доктрина Дж. Л. Кунца о системных изменениях
науки международного права в XX в. 172

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

- Шаманский Д. А.** Проблемы эффективности
организационно-распорядительных
функций и полномочий судебной власти РФ 181

Contents

THEORY OF LAW

Lyubchik A. A., Minkova O. G., Shcherbakova N. V. «The Legal Nature» — a Legal Term or a Falsely Borrowed Word	11
Chechelnitkiy I. V. Specialized Institutes for State Legal Protection	21

STATE AUTHORITY AND LOCAL SELF-GOVERNMENT

Markina L. L. Active and Passive Voting Rights: Interrelation and Constitutional Regulation	33
Mastaliev K. T. The Design of the Legal Mechanism for the Compulsory Termination of Opted Citizens' Citizenship	43
Akhremenko A. S. Risks Associated with the Abolition of Restrictions on Individuals Holding the Position of Head of a Constituent Entity of the Russian Federation for More than Two Consecutive Terms	52

FINANCIAL LAW

Bortnikov S. P. Competition between National Anti-Tax Evasion Rules and Basic Laws of Highly Integrated Formations	60
Lyutova O. I. Development of Legal Regulation of Tax Obligations in the Context of Digitalization in China	75

CIVIL LAW AND FAMILY LAW

Yarovoy A. V. Good Faith: Issues of Doctrinal Definition and Practical Application	83
---	----

CIVIL AND ADMINISTRATIVE COURT PROCEDURE

Lukashevich E. N. Rules of Adversarial Proceedings in Arbitration Formed Through Judicial Application	94
---	----

BUSINESS AND CORPORATE LAW

Panova A. . The Importance of SMART Standardization as an Advanced Technology in Legal Support of Industrial Production Quality	104
---	-----

MEDICAL LAW

Davydova M. L. Development of Telemedicine Legislation: Contradictions and Trends	114
--	-----

CRIMINAL PROCEDURE

Sushina T. E. Priorities of Judicial Review of Complaints as a Component of the Judicial Protection Mechanism for Citizens' Rights in Pre-Trial Criminal Proceedings	124
---	-----

CRIMINALISTICS AND CRIMINOLOGY FORENSIC EXAMINATION

Korma V. D. The Use of Catastrophe Theory in Crime Investigation	139
---	-----

Mulyavko D. E. Notification by Federal Civil Servants of Incitement to Commit Corruption Offenses: Issues of Legal Regulation	148
---	-----

INTERNATIONAL LAW

Skoptsova E. I. Recognition of Foreign Court Decisions in Cross-Border Insolvency Cases: A Comparative Analysis	161
Sigauri-Gorsky E. R. J. L. Kunz's Doctrine on Systemic Transformations in the Science of International Law during the 20th Century	172

JUDICIAL SYSTEM

Shamanskiy D. A. Issues of Efficiency of Organizational and Administrative Functions and Powers of the Judicial Authority of the Russian Federation	181
---	-----

А. А. Любчик*,
О. Г. Минкова**,
Н. В. Щербакова***

«Правовая природа» — юридический термин или неудачное заимствование

Аннотация. В статье анализируются взгляды ученых-правоведов на значение и спектр научного применения словосочетания «правовая природа». Более 100 лет в российской правовой науке это словосочетание активно использовалось самыми известными учеными, но единства в понимании его смысла не сложилось. Масштаб и спектр применения российскими учеными этого словосочетания увеличились настолько, что появились авторы, которые забили тревогу, указывая, что оно не несет в себе признаков научного термина. В последнее десятилетие проведено несколько специализированных исследований, в которых показано, что словосочетание «правовая природа» используется в юриспруденции более чем в 10 значениях. Авторы отмечают, что слово «природа» не имеет единого значения не только в юриспруденции, но и в философии. При этом каждый из них попытался сформулировать определение научного понятия, номинируемого указанным словосочетанием. Ученые аргументированно доказывают несостоятельность этих попыток, раскрывают негативные аспекты научного применения словосочетания «правовая природа», формулируют предложения по преодолению оформившейся тенденции к применению многозначных терминов вообще и данного словосочетания в частности.

Ключевые слова: правовая природа; природа; многозначность применяемых в науке слов; признаки терминов; значение терминов; формулировка терминов; появление терминов в терминосистеме; роль юридической науки; негативный фактор развития науки; перспективы использования словосочетания «правовая природа».

© Любчик А. А., Минкова О. Г., Щербакова Н. В., 2025

* *Любчик Александр Антонович*, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публично-правовых дисциплин Мелитопольского государственного университета
Б. Хмельницкого пр., д. 18, г. Мелитополь, Российская Федерация, 272312
lyubchikaa@mail.ru

** *Минкова Ольга Геннадиевна*, кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Мелитопольского государственного университета
Б. Хмельницкого пр., д. 18, г. Мелитополь, Российская Федерация, 272312
minkovaolgaurist@yandex.ru

*** *Щербакова Нина Владимировна*, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Мелитопольского государственного университета
Б. Хмельницкого пр., д. 18, г. Мелитополь, Российская Федерация, 272312
nina.shcherbakova.2505@bk.ru

Для цитирования: Любчик А. А., Минкова О. Г., Щербакова Н. В. «Правовая природа» — юридический термин или неудачное заимствование // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 11–20. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.011-020.

«The Legal Nature» — a Legal Term or a Falsely Borrowed Word

Alexander A. Lyubchik, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Public Law Disciplines, Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation
lyubchikaa@mail.ru

Olga G. Minkova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation
minkovaolgaurist@yandex.ru

Nina V. Shcherbakova, Cand. Sci. (Philology), Head of the Department of Criminal Law Disciplines, Melitopol State University, Melitopol, Russian Federation
nina.shcherbakova.2505@bk.ru

Abstract. The paper examines the perspectives of legal scholars regarding the significance and scope of the scientific application of the term «legal nature». This expression has been actively employed by prominent figures in Russian legal scholarship for over a century; however, a consensus regarding its definition remains elusive. The frequency and scope of its use by Russian academics have escalated to the point where some commentators have suggested that it lacks the requisite characteristics of a scientific term. Over the past decade, numerous specialized studies have revealed that «legal nature» is employed in jurisprudence with more than ten distinct meanings. The authors emphasize that the term «nature» lacks a uniform definition not only in jurisprudence but also in philosophy. Each scholar has endeavored to articulate a definition for the scientific concept encapsulated by this phrase. The authors of the study cogently criticize the validity of these attempts, highlighting the detrimental implications of the scientific use of «legal nature» and proposing strategies to mitigate the prevalent trend of employing polysemous terms broadly and this particular phrase specifically.

Keywords: legal nature; nature; polysemy of terms used in science; characteristics of terms; significance of terms; formulation of terms; emergence of terms in a terminological system; role of legal science; negative factors affecting the development of science; prospects for the use of the phrase «legal nature».

Cite as: Lyubchik AA, Minkova OG, Shcherbakova NV. «The Legal Nature» — a Legal Term or a Falsely Borrowed Word. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):11-20. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.011-020.

Каждый ученый-правовед встречает в научных трудах, описывающих какое-либо правовое явление, термин «правовая природа». Такая ситуация возникает настолько часто, что уже стала обыденным делом, и многие авторы считают за правило описать «правовую природу» очередного юридического явления или процесса. Данное понятие

в российской юриспруденции появилось еще во времена формирования юридической терминологии и широко использовалось в период конца XIX — начала XX в. Известные российские ученые, такие как Д. И. Мейер¹, Г. Ф. Шершеневич², Е. Н. Трубецкой³, В. И. Синайский⁴, посредством этого понятия обосновывали различные юридические конструкции. Нужно отметить, что

¹ Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. М. : Статут, 1997. Ч. 1. С. 80.

² Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. М. : Спарк, 1995. С. 265.

³ Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юридического института, 1998. С. 90.

специальных научных исследований о сущности данного термина до недавнего времени не существовало, и каждый ученый использовал его в том контексте, который считал правильным и возможным. Однако в последнее десятилетие этот термин получил настолько широкое применение, что с неизбежностью привлек внимание ученых-юристов. Наиболее глубокое исследование термина «правовая природа» принадлежит Н. П. Асланян и Т. В. Новиковой, которые указывают, что на сайте eLIBRARY.RU при поиске по ключевым словам «правовая природа» найденный список состоит из 4 990 источников, а по словам «юридическая природа» — из 1 260 источников⁴. Там же авторы утверждают, что в большинстве проанализированных ими работ не акцентируется внимание на значении этого термина, а из контекста, в котором он употребляется, можно сделать вывод о его многозначности и многоаспектности использования.

О многозначности рассматриваемого «научного» термина, о его неконкретности (а следовательно, ненаучности) говорили и другие правоведы. Между тем на сегодняшний день это никак не влияет на частоту его применения.

Е. Г. Комиссарова указывает на весьма сомнительную адекватность использования термина «правовая природа» в юридических исследованиях. Она пишет, что «удобство использования данной категории и универсальность случаев, когда она может быть употреблена, как правило, отодвигают на второй план вопрос о сущности этого понятия»⁵, и там же отмечает, что словосочетание «правовая природа» в научных трудах почему-то всегда воспринимается

как данность, не требующая анализа его сущности.

Такое мнение действительно является обоснованным, учитывая настойчивость, с которой указанный термин применяется в научных исследованиях юристов. На первый взгляд — обычное дело, прижился в юриспруденции удобный и компактный термин, который всем понятен и интерпретируется в науке однозначно. Но если проанализировать контекст его употребления, то оказывается, что никакого единообразного понимания не существует, при этом присутствует запутанное, а потому сложно воспринимаемое изложение сущности юридических конструкций, их структуры и признаков.

Так, С. С. Алексеев⁷ и И. В. Матвеев⁸ интерпретируют правовую природу правового явления как его *юридическую характеристику*. А. В. Захаров утверждает, что термин «правовая природа» отвечает на вопрос *об отраслевой принадлежности правового явления, а именно об отраслевой относимости норм права*, которые «ответственны» за регулирование данной группы общественных отношений⁹. Т. Н. Вязовская отстаивает тезис о том, что правовая природа залога определяется концепцией «двойственного характера залога, включающего вещно-правовые и обязательствано-правовые элементы»¹⁰. Е. Г. Комиссарова подчеркивает, что определение правовой природы заключается в «*анализе с позиции права его существенных свойств* (как потенциально возможных, так и признаков реально присущих) и раскрытии основания»¹¹.

С. В. Малюгин с правовой природой ассоциирует целый спектр юридических терминов, а именно: *правовую (юридическую) сущность,*

⁴ Синайский В. И. Русское гражданское право. М. : Статут, 2002. С. 208.

⁵ Асланян Н. П., Новикова Т. В. Прологомены к интерпретации термина «правовая природа» // Baikal research journal. 2017. Т. 8. № 4. С. 28. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).28.

⁶ Комиссарова Е. Г. Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. 2012. № 2 (16). С. 23.

⁷ Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. М. : Юридическая литература, 1998. С. 227.

⁸ Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 5.

⁹ Захаров В. А. Создание юридических лиц: правовые вопросы. М. : Норма, 2002. С. 52.

¹⁰ Вязовская Т. Н. Гражданско-правовая природа залоговых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2004.

¹¹ Комиссарова Е. Г. Указ. соч. С. 25.

совокупность существенных признаков юридического объекта; явление правовой жизни¹². Там же автор формулирует «итоговое» определение понятия «правовая природа»: «набор постоянных существенных характеристик юридического объекта... позволяющих определить смысловое значение правового явления, а также установить принадлежность юридического факта гипотезе нормы права или иного объекта, связанного с правом, соответствующей юридической категории».

В данном определении больше вопросов, чем ответов, и его содержание не помогает приблизиться к пониманию термина, затрудняя отслеживание даже самой логики такой формулировки. Во-первых, почему «набор характеристик», а не набор признаков при единой характеристике? Во-вторых, чем тогда «правовая характеристика» отличается от «правовой природы»? В-третьих, принадлежность какого юридического факта? какой гипотезе? какой нормы? В-четвертых, что это за объект, «связанный с правом», и какой «категории» он должен соответствовать?

Чтобы ответить на эти вопросы, нужно провести еще одно исследование, но у нас другая задача. Анализ подходов к понятию «правовая природа» в трудах ученых-юристов позволяет сделать однозначный вывод об отсутствии не только единого подхода к его определению, но даже общего представления о его содержании и сущности.

Как видно из приведенных примеров, термин интерпретируется по-разному (*юридическая характеристика; он отвечает на вопрос об отраслевой принадлежности правового явления; анализ с позиции права его существенных свойств; набор постоянных существенных характеристик; правовая (юридическая) сущность; совокупность существенных признаков юридического объекта; явление правовой жизни*). Е. Г. Комиссарова предлагает еще несколько

вариантов значений термина «правовая природа»: 1) «ведущее начало»; 2) «первооснова»; 3) «сущность»; 4) «суть»; 5) «основание»¹³.

Н. П. Асланян и Т. В. Новикова указывают, что многие авторы, определяя правовую природу правового явления, оперируют понятиями «правовая характеристика», «правовая сущность», «правовой режим», «правовая оценка». При этом термин «правовая природа» становится просто синонимом этих словосочетаний¹⁴.

Такой плюрализм мнений специалистов в области права, посвятивших свои научные работы именно определению смысла словосочетания «правовая природа», убеждает, что данное словосочетание на данный момент не имеет ничего общего с определенным научным термином — и относиться к нему следует соответственно.

Словосочетание «правовая природа» не должно использоваться в юридических научных трудах без предварительного пояснения для читателя, раскрывающего, что автор понимает под этим термином. Это единственный выход для авторов, не нашедших в юридической терминосистеме нужных терминов, которыми они бы хотели охарактеризовать исследуемое явление. Но даже такой подход не придаст этому словосочетанию научности, так как научность (понятность и единообразная применяемость в построении научных конструкций и в научных дискуссиях) термина предполагает принятие его большинством научного сообщества, изучающего или развивающего определенную науку, в нашем случае юриспруденцию. Нельзя считать научным термином слово (словосочетание), значение которого требуется постоянно пояснять при использовании. Уместно привести мнение специалиста в терминологии В. П. Даниленко, утверждающего, что в каждой области науки и практики существует своя терминология, которая содержательно и функционально к ним прикреплена. Только специа-

¹² Малюгин С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 47.

¹³ Комиссарова Е. Г. Указ. соч. С. 25.

¹⁴ Асланян Н. П., Новикова Т. В. Пролегомены к интерпретации термина «правовая природа».

листы этой науки предельно точно эти термины применяют¹⁵.

Здесь необходимо акцентировать внимание на том, что это должно быть все-таки подавляющее большинство специалистов, иначе в науке вообще может не остаться понятных для научной дискуссии терминов. Чему такая наука может научить будущих юристов и можно ли ее вообще считать наукой? Тот или иной термин может попасть в терминосистему определенной науки, если он обозначает самостоятельное правовое явление и не синонимичен другим используемым в этой науке терминам.

В свете этого приведем очень точные слова Н. П. Асланян и Т. В. Новиковой о том, что назначение термина — его номинация (называние) какого-либо предмета или понятия. Термины, так же как и слова, обеспечивают взаимопонимание между людьми, только эти люди — специалисты. Обязательное требование к терминам — их однозначность¹⁶.

В этом же направлении мыслил А. А. Реформатский, который, поясняя значение терминов, указывал, что термину не нужен контекст, он является элементом терминологии, может выступать самостоятельно (без контекста). Именно с этой целью его содержание должно быть однозначным в данной терминологии¹⁷.

Анализируя научность того или иного юридического термина, необходимо помнить о той особой роли, которую наука юриспруденция играет в формировании законодательства РФ. Известно, что юридические термины в действующие нормативные акты попадают, как правило, из этой науки. Именно ученые-правоведы выстраивают и обосновывают понятными и однозначными научными терминами ту или иную юридическую конструкцию. После этого соответствующая юридическая логика и тер-

минология усваивается и применяется в правотворчестве теми или иными органами власти.

Согласно известному российскому ученому-цивилисту А. П. Сергееву, целью гражданского права как науки выступает разработка и систематизация объективных знаний о гражданском праве как отрасли права, а также формулировка на этой основе предложений по его совершенствованию¹⁸.

В этой связи отметим, что, если каждый автор будет использовать слова и словосочетания произвольно, опираясь на свою логику их содержания, значения и применения, мы не добьемся систематизации объективных знаний для соответствующей отрасли права, не сможем сформулировать понятных и эффективных норм права. Ну и, конечно же, не сможем создать единую юридическую терминосистему, не только дающую возможность выстраивать научные умозаключения и юридические конструкции, но и позволяющую другим ученым оценивать такие конструкции и принимать участие в понятных научных дискуссиях. Иными словами, юридическая наука будет не способствовать развитию отраслей права и соответствующих систем законодательства, а напротив, тормозить их, приводить к принятию противоречивых норм права и нормативных правовых актов.

Во второй своей статье, посвященной определению значения словосочетания «правовая природа», Н. П. Асланян и Т. В. Новикова заявляют, что это словосочетание «с безусловностью признается юридическим термином, а понятие, им номинируемое, — правовой категорией»¹⁹.

Достаточно неожиданный вывод, учитывая проведенные ими обширные исследования различных научных позиций авторов, по-разному понимающих и применяющих данное словосочетание. Они убедительно доказали, что слово

¹⁵ Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М. : Наука, 1977. С. 53.

¹⁶ Асланян Н. П., Новикова Т. В. Прологомены к интерпретации термина «правовая природа».

¹⁷ Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. М. : Аспект-Пресс, 1996. С. 115.

¹⁸ Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2020. Т. 1. С. 56.

¹⁹ Асланян Н. П., Новикова Т. В. Об интерпретации термина «правовая природа» // Baikal research journal. 2018. Т. 9. № 4. С. 17.

«природа» не имеет единого значения не только в юриспруденции, но и в философии, привели точки зрения многих ученых, утверждающих, что термины — это не просто словосочетания, а составные элементы терминосистем, поэтому должны быть понятными, четко сформулированными, иметь единое значение для возможности войти в соответствующую терминосистему. Убедив читателя в том, что словосочетание «правовая природа» не содержит ни одного из этих признаков, авторы в первых строках статьи делают вывод, который противоречит логике их же исследования.

Итак, на сегодняшний день нет оснований признать данное словосочетание научным термином. Мы полностью согласны с мнением В. М. Баранова о том, что язык юристов состоит из языка правовой науки, языка юридических документов, а также разговорного юридического языка²⁰. На разговорном уровне это словосочетание применяется и, как отмечала Е. Г. Комиссарова, когда речь идет о правовой природе: «Термин обретает характер “оборотного канцеляризма”, употребляемого во всех тех случаях, когда есть трудности в выборе “имени” научного вопроса»²¹. Во множество научных трудов этот термин попал по инерции, вследствие того, что одни авторы полагают, что все их читатели придерживаются именно их подхода к интерпретации этого словосочетания, другие же рассчитывают на то, что читатели сами из контекста поймут его смысл.

Такой подход к применению подобных «терминов» не способствует ясности изложения мыслей самого автора и является негативным фактором для развития науки и осмысления действительно сложных юридических научных конструкций, понятий настоящими и будущими юристами.

Зададимся вопросом: что побуждает многих авторов применять столь размытое и многозначное словосочетание при формулировке своих мыслей? Обычно термин рождается, если кто-то из известных (или не очень) авторов ком-

пактно и понятно обосновал его индивидуальную сущность и признаки, чем определил спектр его применения. Удобный и понятный термин быстро подхватывается другими участниками научных дискуссий и при широком использовании в научных трудах становится научным, в противном случае он иногда применяется в разговорной речи юристов, но не перетекает в научную терминологию.

Словосочетание «правовая природа» не получило на сегодняшний день обоснования его индивидуальной сущности, его всегда можно заменить более понятными терминами: «отраслевая принадлежность», «основной признак (основные признаки)», «юридическая характеристика» и др. Собственного правового понятия, которое бы обозначалось только словосочетанием «правовая природа», в науке нет. При этом вызывает удивление тот факт, что только единицы из его применяющих пытаются раскрыть тот смысл, который они в него вкладывают.

Рассмотрим еще одну попытку сформулировать то понятие, которое должно обозначать словосочетание «правовая природа». Н. П. Асланян и Т. В. Новикова в конце второй своей статьи, посвященной правовой природе, указывают, что термин «правовая природа» призван номинировать родовую принадлежность правового явления, обуславливающую свойства, приобретенные им при происхождении²².

Здесь речь не может идти о попытке формулировки определения, скорее авторы предложили вариант функциональной характеристики искомого понятия. Определение предполагает формулировку, отвечающую на вопрос «что это такое?», и оно должно содержать основные (постоянные) признаки. Только после этого требуются пояснения, что оно делает, как применяется и др. Но и к этому тезису авторов можно задать вопросы, которые приведут к дальнейшим исследованиям значения данного словосочетания, а именно:

— что значит родовая принадлежность? Авторы пытаются определить сущность одно-

²⁰ Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. М. : Проспект, 2021. С. 156.

²¹ Комиссарова Е. Г. Указ. соч. С. 23.

²² Асланян Н. П., Новикова Т. В. Об интерпретации термина «правовая природа».

го интуитивного понятия с помощью другого такого же. Разве в юриспруденции сложилось единообразное представление о родовой, видовой принадлежности юридических явлений?

— что это за «свойства, приобретенные им при происхождении»? Что считать происхождением?

Снова нужно проводить дополнительные исследования для поиска ответов на эти вопросы.

Любое определение того или иного понятия не должно содержать неизвестных составляющих, иначе это не определение, а уравнение с несколькими неизвестными. Главное, что мы можем отметить в работах авторов и с этим согласиться: доктрина применяет словосочетание «правовая природа» в основном в смысле «правовая сущность», а также то, что «термины “природа” и “сущность” синонимами не являются»²³. Следствие такого вывода — констатация наличия в юриспруденции ситуации, в которой словосочетание «правовая природа» применяется стихийно, интуитивно, без оглядки на лингвистические корни слов, логику и контекст использования его другими авторами.

Е. Г. Комиссарова утверждает, что если говорить о природе явления, то «мы в первую очередь имеем в виду первооснову, ведущее начало, обусловившие существование самого явления, его суть, сущность»²⁴. В этом высказывании присутствует очень много неизвестных: первооснова, ведущее начало, суть, сущность. Не только в юриспруденции эти слова являются неизвестными, но и в философских трудах нет единства в понимании их смысла и отличий.

Таким образом, попытки хотя бы приблизиться к интерпретации словосочетания «правовая природа» выглядят у авторов, труды которых мы проанализировали, как минимум неубедительными.

К таким же результатам приходим при исследовании попыток *полутно* интерпретировать данный термин упомянутыми выше авторами. Так, С. С. Алексеев рассматривает правовую природу как юридическую характеристику какого-либо правового явления, которое выражает его специфику, функции и определяет его место среди других правовых явлений²⁵. Всё просто, «правовая природа» — это правовая характеристика. Это не худший вариант применения словосочетания «правовая природа». Автор указал, что под ним понимает, и тем самым продемонстрировал, что это не какой-то специальный термин с индивидуальным значением, а просто красивый синоним.

И. В. Матвеев также утверждает, что правовая природа — это исчерпывающая характеристика того или иного юридического факта, процесса, явления²⁶. Как видим, сходный подход: «правовая природа» — это исчерпывающая характеристика.

Другие исследователи, определяя правовую природу договора поставки, подчеркивают, что для определения правовой природы договора необходимо «выделить основную черту, которая определяет содержание договора, его место и роль в системе основных юридических понятий»²⁷. Здесь стоит добавить, что одна черта (один признак) не в состоянии определить содержание ни одного правового явления, правового процесса или факта. По одному признаку можно сравнивать явления, но давать характеристику самостоятельному правовому явлению невозможно из-за поверхностности информации.

Достаточно оригинальна позиция авторов, которые, определяя правовую природу моратория на применение смертной казни в Российской Федерации, указывают, что она имеет комплекс-

²³ Асланян Н. П., Новикова Т. В. Об интерпретации термина «правовая природа».

²⁴ Комиссарова Е. Г. Указ. соч. С. 25.

²⁵ Алексеев С. С. Указ. соч. С. 227.

²⁶ Матвеев И. В. Указ. соч. С. 5.

²⁷ Сковороца Т. А., Церунян Г. В. К вопросу о правовой природе договора поставки и о его месте в системе гражданско-правовых договоров // Актуальные научные исследования в современном мире. 2021. № 2–9 (70). С. 159.

ный характер, так как нет единого нормативного правового акта, устанавливающего такой мораторий²⁸. Другими словами, сущность правовой природы моратория авторы видят в том, что правовой режим моратория урегулирован несколькими нормативными правовыми актами.

Очевидно, что смысловое наполнение словосочетания «правовая природа» весьма замысловатое и каждый раз неожиданное. После анализа вариантов его интерпретации уместно привести такие слова: «Научные тексты порой напоминают творения инопланетян. И это вопреки тому, что нередко языки мифологии и религии нарочито усложняют для сокрытия обыденности содержания, в то время как наука изо всех сил стремится к простоте и ясности»²⁹. Проводя подобное исследование словосочетания «правовая природа», В. А. Филипенко резюмирует: «...До сих пор мы, юристы, часто занимаемся метафизикой. Абстрактно и возвышенно рассуждая о таких “неуловимых” вещах, как право, принципы права, правовая природа, правоотношения, мы упускаем реальную сущность данных категорий»³⁰.

Последние два высказывания достаточно точно характеризуют ситуацию с применением в научных трудах правоведов псевдонаучного словосочетания «правовая природа». Единственная позитивная функция использования такого словосочетания — это придать словам автора таинственности и показать «глубину» понимания исследуемого правового явления. При этом авторы (особенно те, которые не раскрывают в своей работе вкладываемого смысла) не задумываются, что следствие такой «глубины» подхода к научному анализу — засоренность

науки словами с неизвестным содержанием, в свою очередь ведущая к невозможности юридической науки полноценно выполнять главную свою функцию — познавательную.

Позаимствовав слово «природа» у представителей философии, которые не смогли даже в рамках своей науки определиться с единым пониманием значения этого слова, юридическое научное сообщество приобрело головную боль, которая не позволяет трудиться в полную силу и с требуемой эффективностью. Такую проблему нужно лечить, пока осложнения, которые она вызвала, не сказались на состоянии всего научно-правового организма.

В заключение можно сделать вывод, что есть два приемлемых для научной дискуссии пути использования анализируемого словосочетания в научных трудах:

— каждый раз, применяя словосочетание «правовая природа», указывать на тот смысл, который автор в него вкладывает, что, во-первых, непрактично с точки зрения затруднений восприятия каждый раз нового смысла уже известного словосочетания, во-вторых, самому автору, осмыслившему однажды многозначность применения такого словосочетания, практичнее и логичнее будет использовать другой научный термин при построении соответствующей правовой конструкции;

— не применять вообще термин «правовая природа» в научных трудах, кроме тех случаев, когда автор нацелен все-таки на обоснование наличия индивидуального научного понятия, которое данное словосочетание должно номинировать, чтобы тем самым приобрести статус юридического термина.

²⁸ Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Правовой режим неприменения смертной казни в России: правовая природа и проблемы обратной силы // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2022. Т. 2. № 4 (103). С. 95. DOI: 10.51965/2076-7919_2022_2_4_93.

²⁹ Анисов А. М. Что такое наука? // Вестник РУДН. Серия «Философия». 2011. № 3. С. 120.

³⁰ Филипенко В. А. Правовая природа с точки зрения философии // Вопросы российской юстиции. 2022. № 19. С. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Общие дозволения и запреты в советском праве. — М. : Юридическая литература, 1998. — 285 с.
2. Анисов А. М. Что такое наука? // Вестник РУДН. Серия «Философия». — 2011. — № 3. — С. 120–130.
3. Асланян Н. П., Новикова Т. В. Об интерпретации термина «правовая природа» // Baikal research journal. — 2018. — Т. 9. — № 4. — С. 17. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(4).17.
4. Асланян Н. П., Новикова Т. В. Прологомены к интерпретации термина «правовая природа» // Baikal research journal. — 2017. — Т. 8. — № 4. — С. 28. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).28.
5. Вязовская Т. Н. Гражданско-правовая природа залоговых отношений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2004. — 24 с.
6. Гражданское право : учебник : в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2020. — 1040 с.
7. Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. — М. : Наука, 1977. — 246 с.
8. Дубовиченко С. В., Карлов В. П. Правовой режим неприменения смертной казни в России: правовая природа и проблемы обратной силы // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. — 2022. — Т. 2. — № 4 (103). — С. 93–99. — DOI: 10.51965/2076-7919_2022_2_4_93.
9. Захаров В. А. Создание юридических лиц: правовые вопросы. — М. : Норма, 2002. — 202 с.
10. Комиссарова Е. Г. Формально логические аспекты понятия «правовая природа» // Вестник Пермского университета. — 2012. — № 2 (16). — С. 23–29.
11. Малюгин С. В. Категория «правовая природа»: понятие, детерминанты, основные характеристики и подходы к определению // Российский юридический журнал. — 2016. — № 3. — С. 46–58.
12. Матвеев И. В. Правовая природа недействительных сделок. — М. : Юрлитинформ, 2002. — 169 с.
13. Мейер Д. И. Русское гражданское право : в 2 ч. Ч. 1. — М. : Статут, 1997. — 290 с.
14. Реформатский А. А. Введение в языковедение / под ред. В. А. Виноградова. — М. : Аспект-Пресс, 1996. — 536 с.
15. Синайский В. И. Русское гражданское право. — М. : Статут, 2002. — 638 с.
16. Скворцова Т. А., Церунян Г. В. К вопросу о правовой природе договора поставки и о его месте в системе гражданско-правовых договоров // Актуальные научные исследования в современном мире. — 2021. — № 2–9 (70). — С. 157–160.
17. Трубецкой Е. Н. Энциклопедия права. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского юридического института, 1998. — 183 с.
18. Филипенко В. А. Правовая природа с точки зрения философии // Вопросы российской юстиции. — 2022. — № 19. — С. 29–37.
19. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права. — М. : Спарк, 1995. — 556 с.
20. Юридическая техника : учебник / под ред. В. М. Баранова. — М. : Проспект, 2021. — 648 с.

Материал поступил в редакцию 24 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alekseev S. S. Obshchie dozvoleniya i zaprety v sovetskom prave. — M.: Yuridicheskaya literatura, 1998. — 285 s.
2. Anisov A. M. Chto takoe nauka? // Vestnik RUDN. Seriya «Filosofiya». — 2011. — № 3. — S. 120–130.
3. Aslanyan N. P., Novikova T. V. Ob interpretatsii termina «pravovaya priroda» // Baikal research journal. — 2018. — Т. 9. — № 4. — S. 17. — DOI: 10.17150/2411-6262.2018.9(4).17.

4. Aslanyan N. P., Novikova T. V. Prolegomeny k interpretatsii termina «pravovaya priroda» // *Baikal research journal*. — 2017. — Т. 8. — № 4. — С. 28. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).28.
5. Vyazovskaya T. N. *Grazhdansko-pravovaya priroda zalogovykh otnosheniy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk.* — Krasnodar, 2004. — 24 s.
6. *Grazhdanskoe pravo: uchebnik: v 3 t. T. 1 / pod red. A. P. Sergeeva.* — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2020. — 1040 s.
7. Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya. Opyt lingvisticheskogo opisaniya.* — M.: Nauka, 1977. — 246 s.
8. Dubovichenko S. V., Karlov V. P. *Pravovoy rezhim neprimeneniya smertnoy kazni v Rossii: pravovaya priroda i problemy obratnoy sily* // *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V.N. Tatishcheva*. — 2022. — Т. 2. — № 4 (103). — С. 93–99. — DOI: 10.51965/2076-7919_2022_2_4_93.
9. Zakharov V. A. *Sozdanie yuridicheskikh lits: pravovye voprosy.* — M.: Norma, 2002. — 202 s.
10. Komissarova E. G. *Formalno logicheskie aspekty ponyatiya «pravovaya priroda»* // *Vestnik Permskogo universiteta*. — 2012. — № 2 (16). — С. 23–29.
11. Malyugin S. V. *Kategoriya «pravovaya priroda»: ponyatie, determinanty, osnovnye kharakteristiki i podkhody k opredeleniyu* // *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. — 2016. — № 3. — С. 46–58.
12. Matveev I. V. *Pravovaya priroda nedeystvitelnykh sdelok.* — M.: Yurлитinform, 2002. — 169 s.
13. Meyer D. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo: v 2 ch. Ch. 1.* — M.: Statut, 1997. — 290 s.
14. *Reformatskiy A. A. Vvedenie v yazykovedenie / pod red. V. A. Vinogradova.* — M.: Aspekt-Press, 1996. — 536 s.
15. Sinayskiy V. I. *Russkoe grazhdanskoe pravo.* — M.: Statut, 2002. — 638 s.
16. Skvortsova T. A., Tserunyan G. V. *K voprosu o pravovoy prirode dogovora postavki i o ego meste v sisteme grazhdansko-pravovykh dogovorov* // *Aktualnye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire*. — 2021. — № 2–9 (70). — С. 157–160.
17. Trubetskoy E. N. *Entsiklopediya prava.* — SPb.: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo yuridicheskogo instituta, 1998. — 183 s.
18. Filipenko V. A. *Pravovaya priroda s tochki zreniya filosofii* // *Voprosy rossiyskoy yustitsii*. — 2022. — № 19. — С. 29–37.
19. Shershenevich G. F. *Uchebnik russkogo grazhdanskogo prava.* — M.: Spark, 1995. — 556 s.
20. *Yuridicheskaya tekhnika: uchebnik / pod red. V. M. Baranova.* — M.: Prospekt, 2021. — 648 s.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.021-032

И. В. Чечельницкий*

Специализированные институты государственной правозащиты

Аннотация. Предметом исследования являются понятие и признаки, виды и актуальные проблемы деятельности специализированных институтов государственной правозащиты. Автором предложена дефиниция и разработана классификация признаков и видов этого важного института государственной правозащитной деятельности. Анализ нормативных правовых актов и практической деятельности института специализированных уполномоченных, а также законодательства зарубежных государств о специализированных омбудсменах позволил автору выделить современные тенденции развития данного правозащитного механизма и обозначить перспективы его совершенствования. Важнейшее место среди субъектов государственной правозащитной деятельности занимают специализированные институты государственной правозащиты. Они выступают дополнительными средствами защиты прав человека по отношению к базовым механизмам государственной власти, направленным на защиту прав и основных свобод (суд, прокуратура, органы исполнительной власти, уполномоченные по правам человека и др.). Это означает, что их компетенция носит вспомогательный характер и они включаются в работу, когда пробуксовывают базовые механизмы. Они необходимы также как средство досудебного разрешения споров.

Ключевые слова: специализированные институты государственной защиты прав человека; институт уполномоченных по правам ребенка; институт уполномоченных по защите прав предпринимателей; институт уполномоченных по правам коренных малочисленных народов; омбудсмен; понятие и признаки института специализированных уполномоченных; права и свободы человека и гражданина; государственная правозащитная деятельность; право; государство; общество.

Для цитирования: Чечельницкий И. В. Специализированные институты государственной правозащиты // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 21–32. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.021-032.

Specialized Institutes for State Legal Protection

Ilya V. Chechelnitziy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory of the State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Head of the Working Apparatus of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
iv89261863056@yandex.ru

Abstract. The paper aims to provide for the definition, characteristics, types, and prevailing issues related to the activities of specialized institutions responsible for state human rights protection. The author proposes a definition and develops a classification of the attributes and categories of this vital institution within state human rights

© Чечельницкий И. В., 2025

* Чечельницкий Илья Валентинович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), руководитель рабочего аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
iv89261863056@yandex.ru

activities. An analysis of normative legal acts and the practical activities of specialized authorized institutions, as well as the legislation of foreign states regarding specialized ombudspersons, has enabled the author to identify current trends in the development of this human rights protection mechanism and outline perspectives for its enhancement. Specialized institutions for governmental human rights protection play a crucial role among the entities involved in state human rights activities. They serve as supplementary means for the defense of human rights in relation to the fundamental mechanisms of government aimed at protecting rights and fundamental freedoms (such as the judiciary, prosecution, executive authorities, and human rights commissioners). This implies that their competencies are auxiliary in nature, activated when basic mechanisms encounter obstacles. They are also indispensable as a means of pre-trial dispute resolution.

Keywords: specialized institutions for the state protection of human rights; institution of child rights commissioners; institution of commissioners for the protection of entrepreneurs' rights; institution of commissioners for the rights of indigenous small-numbered peoples; ombudsperson; definition and characteristics of specialized authorized institutions; rights and freedoms of an individual and a citizen; state human rights protection activities; law; state; society.

Cite as: Chechelnitskiy IV. Specialized Institutes for State Legal Protection. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):21-32. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.021-032.

Важнейшее место среди субъектов государственной правозащитной деятельности занимают специализированные институты государственной правозащиты. Они выступают дополнительными средствами защиты прав человека по отношению к базовым механизмам государственной власти, направленным на защиту прав и основных свобод (суд, прокуратура, органы исполнительной власти, уполномоченные по правам человека и др.). Это означает, что их компетенция носит вспомогательный характер и они включаются в работу, когда пробуксовывают базовые механизмы. Они необходимы и как средство досудебного разрешения споров.

Анализ российского законодательства и опыта зарубежных государств показывает, что омбудсмены специализированного типа играют огромную роль в государственно-правовой системе, обладают широкими правозащитными полномочиями и действуют достаточно эффективно¹.

Специализированные уполномоченные функционируют не только в России, но и в

большинстве государств, входящих в БРИКС. Например, в Бразилии действуют омбудсмены по вопросам прямых инвестиций и омбудсмены по вопросам полиции. В Индии работают страховой омбудсмен, омбудсмен по банковским вопросам, а также главные комиссары по делам инвалидов, по защите прав ребенка, по делам женщин, по делам меньшинств и др. В ЮАР функционируют военный омбудсмен, омбудсмен по кредитам и инвестициям, омбудсмен по банковским услугам, омбудсмены по страхованию, налоговый омбудсмен. В ОАЭ пользуется популярностью институт омбудсмена по правам потребителей финансовых и страховых компаний. Это говорит об определенном единстве мировых правовых традиций, которые формировались на основе современных мировых цивилизаций².

Вместе с тем в их деятельности существует ряд проблемных вопросов, что обуславливает актуальность исследований данной области научного и практического знания. Между тем они в силу своей относительной новизны для

¹ Olalekan Sodiq Omoola, Nurah Sabahian Mohamed. Ombudsman (Muhtasib) in Business Regulation: A Cross Cultural Analysis // Journal of Islamic Thought and Civilization. Vol. 7. No. 2 (2017). P. 18–40 ; Mr. Iniyavan. A study on ombudsman system and its impacts In India // International Journal of Novel Research and Development (2024). P. 171–185 ; Kaviyarasu K. A study on origin and development of ombudsman in India // Indian Journal of legal review (IJLR). 2024. No. 4(3). P. 524–530.

² См.: Синюков В. Н., Синюков С. В. Цивилизационная природа европейской правовой культуры // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 12. С. 11–24.

русской правовой системы еще не нашли основательного освещения в научной литературе.

Понятие и признаки

Под специализированными институтами государственной защиты прав человека предлагается понимать создаваемые государством организации и учреждаемые государством должности, ставящие основной целью защиту, восстановление и обеспечение прав и свобод отдельных категорий граждан, имеющие особые правозащитные средства и инструменты, используемые независимо и в дополнение к органам исполнительной, законодательной и судебной власти. Впрочем, в научной литературе встречаются и иные взгляды на понятие данного института, которые также заслуживают внимания³.

Необходимо отметить, что специализированные институты государственной защиты прав человека отличаются от института уполномоченных по правам человека в Российской Федерации и иных органов, осуществляющих государственную правозащитную деятельность, рядом признаков. Главное их отличие состоит в том, что объект их правозащитной деятельности строго определен в нормативном правовом акте, устанавливающем их компетенцию по защите прав и свобод. Так, Законом Камчатского края «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов в Камчатском крае» установлено, что должность уполномоченного учреждается в целях обеспечения защиты прав коренных малочисленных народов Севера,

Сибири и Дальнего Востока, проживающих на территории Камчатского края, соблюдения и уважения этих прав органами государственной власти Камчатского края, органами местного самоуправления муниципальных образований в Камчатском крае, их должностными лицами, организациями и физическими лицами⁴.

Еще один отличительный признак специальных правозащитных институтов — определенный законами спектр общественных отношений, регулируемых нормами права. Так, в круг полномочий уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации входит осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, взаимодействие с предпринимательскими сообществами, участие в формировании и реализации государственной политики в области развития предпринимательской деятельности.

Отличительным признаком специализированных институтов выступают присущие только им специфические направления деятельности. Например, уполномоченные по правам ребенка в Российской Федерации вправе участвовать в совершенствовании форм и методов защиты прав и законных интересов детей; содействовать формированию и эффективному функционированию государственной системы обеспечения реализации, соблюдения и защиты прав и законных интересов детей государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами и др.

В качестве отличительного признака следует выделить также особый инструментарий, набор

³ См., например: *Степанова Д. Н.* Институт уполномоченного по правам ребенка в механизме защиты конституционных прав несовершеннолетних в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2024 ; *Федорова О. В.* Уполномоченный по правам ребенка: конституционно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук: Новосибирск, 2017 ; *Лихтер П. Л.* Институт Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Пенза, 2016 ; *Горбачев А. П.* Специализация института уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: на примере уполномоченного по защите прав предпринимателей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2015 ; *Колосов А. В.* Институт уполномоченного по правам ребенка в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2015 ; *Шамрин М. Ю.* Административно-правовой статус Уполномоченного по правам ребенка : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

⁴ См.: Закон Камчатского края от 19.12.2013 № 367 «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов в Камчатском крае» // Официальные ведомости. 2013. № 3. 20 декабря.

присущих только специализированным институтам защиты прав человека средств правозащитной деятельности. К ним можно, в частности, отнести такие средства, как право уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации участвовать по собственной инициативе в судебном разбирательстве по гражданским делам для дачи заключения в целях защиты прав и законных интересов детей. Для бизнес-омбудсмена таким правом является возможность принимать с письменного согласия заявителя участие в выездной проверке, проводимой в отношении заявителя в рамках государственного контроля (надзора) или муниципального контроля, давать заключения на проекты нормативных правовых актов, затрагивающих права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности.

Виды специализированных уполномоченных

В зарубежной практике выделяется значительное количество видов специализированных уполномоченных. Среди них как получившие наибольшее распространение уполномоченные по правам ребенка и правам предпринимателей, которые действуют во многих государствах мира, так и более специфические омбудсмены по правам пациентов, военнослужащих, экологии и др.

В России действуют: Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, Уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг, уполномоченные по правам коренных малочисленных народов.

Несмотря на то что в теории они все относятся к специализированным правозащитным инструментам, на практике их правовой статус, компетенция и полномочия существенно различаются, что представляет определенный научный интерес и является резервом для повышения эффективности их деятельности.

Исторически первым специальным уполномоченным в нашей стране стал Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка⁵. Он получил закрепление в Указе Президента РФ от 01.09.2009 № 986 «Об Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка»⁶, а затем в самостоятельном Федеральном законе «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации»⁷. В субъектах РФ институт действует на основании соответствующих региональных законов⁸.

Следует подчеркнуть, что институт детского омбудсмена характерен не только для России, но широко распространен в мире. Подобные институты функционируют в ряде стран СНГ (Кыргызская Республика, Казахстан, Таджикистан), а также в иных государствах мира, например

⁵ См.: Авдонина Ю. Н. Правовая политика в сфере защиты прав несовершеннолетних: опыт Российской Федерации и зарубежных правовых порядков // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 4. С. 17–21; Залесны Я., Штырлова М. Я., Гончаров В. В. Уполномоченный по правам ребенка в субъектах Российской Федерации: объект или субъект общественного контроля? // Социальное и пенсионное право. 2020. № 3. С. 45–50; Шамрин М. Ю. Административно-правовой статус уполномоченного по правам ребенка : историко-теоретический аспект : монография. Тула : Тульский государственный университет, 2015.

⁶ СЗ РФ. 2009. № 36. Ст. 4312.

⁷ Федеральный закон от 27.12.2018 № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8427.

⁸ См., например: Закон Донецкой Народной Республики от 10.07.2024 № 462-ІІНС «Об уполномоченном по правам ребенка в Донецкой Народной Республике» // Официальный сайт Главы ДНР. 18 июля 2023 г. URL: <https://glavadnr.ru/doc/zakony/zli462.pdf> (дата обращения: 13.02.2025) ; Закон Луганской Народной Республики от 25.11.2022 № 416-ІІІ «Об Уполномоченном по правам ребенка в Луганской Народной Республике» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2 октября 2023 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/8100202310020003> (дата обращения: 13.02.2025).

в Бельгии, Хорватии, на Кипре, в Дании, Финляндии, Исландии, Италии, Ирландии, Люксембурге, Норвегии, Польше, Словакии, Швеции, Нидерландах, Великобритании, на Мальте⁹.

Его предназначение — обеспечение гарантий государственной защиты прав и законных интересов детей, реализации и соблюдения прав и законных интересов детей государственными органами, органами местного самоуправления и должностными лицами; восстановление нарушенных прав и законных интересов детей; совершенствование законодательства РФ в части, касающейся защиты прав и законных интересов детей; развитие международного сотрудничества в области защиты прав и законных интересов детей; совершенствование форм и методов защиты прав и законных интересов детей.

Они обладают следующими полномочиями: обращаться в суд с административными исковыми заявлениями о признании незаконными решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, государственных или муниципальных служащих в защиту прав и законных интересов детей; к субъектам права законодательной инициативы с мотивированными предложениями о принятии законодательных актов, о внесении в законодательные акты изменений, направленных на обеспечение реализации и соблюдения прав и законных интересов детей; направлять в органы публичной власти мотивированные предложения, содержащие рекомендации по устранению указанных нарушений, а также о привлечении лиц, виновных в нарушении прав и законных интересов детей, к дисциплинарной,

административной или уголовной ответственности в порядке, установленном законодательством РФ, и др.

Уполномоченный по правам ребенка по итогам года представляет доклад Президенту РФ. Его анализ позволяет сделать вывод, что в 2023 г. институтом на федеральном уровне рассмотрено 14 587 обращений граждан. Большая их часть затрагивала вопросы социального обеспечения (4,4 тыс.) и права жить и воспитываться в семье (3,2 тыс.), а также права на жилище (1,8 тыс.)¹⁰. В 2024 г. впервые уполномоченные по правам человека в субъектах РФ, уполномоченные по правам ребенка становятся субъектом защиты прав человека в учреждениях для людей, страдающих психическими заболеваниями¹¹.

Говоря о перспективах законодательного развития института уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации, стоит упомянуть возможное закрепление их дополнительных полномочий:

— по направлению в орган государственной власти, орган местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение правил, заключения с указанием мер по восстановлению прав и соблюдению законных интересов;

— по внесению подлежащих немедленному исполнению в порядке, установленном законодательством РФ об общих принципах организации местного самоуправления, предписаний о приостановлении их действия до вступления в законную силу судебного акта, изданного по результатам рассмотрения заявления уполномоченного, и др.¹²

Еще одним зарекомендовавшим себя институтом специализированного омбудсмана вы-

⁹ См.: Европейская сеть омбудсменов по делам детей // URL: <https://enoc.eu/who-we-are/enoc-members/> (дата обращения: 13.02.2025).

¹⁰ См.: Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка в 2023 году // URL: <https://deti.gov.ru/Deyatelnost/documents/306> (дата обращения: 09.02.2025).

¹¹ См.: Татьяна Москалькова: защита прав человека в России лучше, чем на Западе // РИА «Новости». 10 декабря 2024 г. URL: <https://ria.ru/20241210/moskalkova-1988172870.html> (дата обращения: 13.02.2025).

¹² См.: Чечельницкий И. В. Средства государственной правозащитной деятельности // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 10. С. 11–23.

ступает Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей, который создан на основании Федерального закона от 07.05.2013 № 78-ФЗ «Об уполномоченных по защите прав предпринимателей в Российской Федерации»¹³. Институт уполномоченных по защите прав предпринимателей работает как на федеральном, так и на региональном уровне¹⁴.

Небезынтересно, что институт бизнес-омбудсмана функционирует не только в России, но и во многих государствах евразийского пространства (Узбекистан, Республика Кыргызстан, Казахстан, Грузия и др.)¹⁵.

В отечественной науке данному специализированному институту омбудсмана также уделяется определенное внимание¹⁶.

Основная его задача — обеспечение гарантии государственной защиты прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности и соблюдение указанных прав органами государственной власти, органами местного самоуправления и должностными лицами. В настоящее время как никогда важны эффективные гарантии защиты от необоснованных и несправедливых действий контрольно-надзорных и правоохранительных органов¹⁷.

Рассматриваемый институт отличается от иных государственных правозащитных институтов не только специальным объектом своей работы, который носит особый характер в силу

своей деятельности, направленной на участие в хозяйственных отношениях и извлечение прибыли, но и специфическим инструментарием, которого нет у других правозащитных органов. В его компетенцию входит защита прав и законных интересов российских и иностранных субъектов предпринимательской деятельности, а также осуществление контроля за соблюдением прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности. Для этого он вправе направить в орган государственной власти, орган местного самоуправления или должностному лицу, в решениях или действиях (бездействии) которых усматривается нарушение прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности, заключение с указанием мер по восстановлению нарушенных прав и соблюдению законных интересов этих субъектов; обратиться в суд с заявлением о признании недействительными ненормативных правовых актов, признании незаконными решений и действий (бездействия) государственных органов (за исключением органов прокуратуры, Следственного комитета РФ, органов судебной власти), органов местного самоуправления, иных органов, организаций, наделенных федеральным законом отдельными государственными или иными публичными полномочиями, должностных лиц, если оспариваемые ненормативный правовой акт, решение и действие

¹³ СЗ РФ. 2013. № 19. Ст. 2305.

¹⁴ См., например: Закон Астраханской области от 05.03.2015 № 7/2015-ОЗ «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Астраханской области» // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. 2015. № 9 ; Областной закон Ростовской области от 30.07.2013 № 1146-ЗС «Об Уполномоченном по защите прав предпринимателей в Ростовской области» // Наше время. 2013. № 394–395 ; Закон Республики Калмыкия от 20.09.2012 № 369-IV-3 «Об Уполномоченном по правам предпринимателей в Республике Калмыкия» // Хальмг унн (спецвыпуск). 2012. № 172.

¹⁵ См.: OECD (2024), Business ombudsman institutions in Eastern Europe and Central Asia: New trends and good practice, OECD Businesses and Finance Policy Papers // URL: <http://doi.org/10.1787/bf84ff64-en>.

¹⁶ См.: *Лиликова О. С.* Институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей в России: правовые проблемы // Безопасность бизнеса. 2022. № 6. С. 10–15 ; *Белов В. Е.* Уполномоченные по защите прав предпринимателей: роль и место в системе защиты прав участников публичных закупок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 4. С. 51–56 ; *Якушова Е. С.* Деятельность Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей // Государственная власть и местное самоуправление. 2020. № 5. С. 12–15.

¹⁷ См.: *Черников В. В.* Гарантии прав человека в полицейском законодательстве России: вопросы закрепления и реализации // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. 2022. № 3. С. 160–166.

(бездействие) не соответствуют закону или иному нормативному правовому акту и нарушают права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности, незаконно возлагают на них какие-либо обязанности, создают иные препятствия для осуществления предпринимательской деятельности; обратиться в суд с иском о защите прав и законных интересов других лиц, в том числе групп лиц, являющихся субъектами предпринимательской деятельности, и др.

Некоторые его полномочия носят уникальный характер по сравнению с иными специализированными омбудсменами. Например, право одновременно с обжалованием в судебном порядке ненормативных правовых актов органов местного самоуправления, нарушающих права и законные интересы субъектов предпринимательской деятельности, выносить подлежащие немедленному исполнению в порядке, установленном законодательством РФ об общих принципах организации местного самоуправления, предписания о приостановлении их действия до вступления в законную силу судебного акта, вынесенного по результатам рассмотрения заявления Уполномоченного. Интересен и зарубежный опыт регулирования бизнес-омбудсмена. Так, в Узбекистане уполномоченный по правам предпринимателей обязательно участвует во всех проверках бизнеса со стороны контрольных органов и даже имеет полномочия накладывать административный штраф за нарушения с их стороны при проведении проверок.

В отличие от Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка, Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей — лицо, замещающее государственную должность Российской Федерации¹⁸. Таким образом, можно констатировать, что его право-

вое положение и юридический статус несколько выше.

По итогам года бизнес-омбудсмен представляет Президенту РФ доклад о своей деятельности¹⁹. Его анализ показывает, что на федеральном и региональном уровнях только в 2022 г. рассмотрено 125,3 тыс. обращений (на федеральном — 25,3 тыс., в регионах — 110,7 тыс.). Большая часть из них касалась вопросов защиты прав предпринимателей по административным (110 тыс.) и уголовным (14,6 тыс.) делам. По уголовным делам, судя по приведенным в докладе статистическим данным, приняты положительные решения в интересах заявителей в 879 случаях; 1 050 решений по административным делам приняты в пользу предпринимателей по итогам участия института бизнес-омбудсмена.

В качестве предложений по совершенствованию деятельности данного института представляется целесообразным наделить его полномочием самостоятельной или совместной с компетентными государственными органами, должностными лицами и государственными служащими проверки деятельности государственных органов, органов местного самоуправления и должностных лиц (по аналогии с пп. 4 п. 1 ст. 23 Закона об Уполномоченном по правам человека²⁰; п. 7 ч. 1 ст. 6 Закона об уполномоченных по правам ребенка)²¹.

Особенно востребованным в настоящее время в связи с высокой закредитованностью населения России и развитием рынка страховых услуг институтом является уполномоченный по правам потребителей финансовых услуг, действующий на основании Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»²². Интересно, что подобные специализированные институты функционируют и в иных государ-

¹⁸ Указ Президента РФ от 14.11.2024 № 974 «О государственных должностях Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 47. Ст. 7101.

¹⁹ См.: Доклад Президенту — 2023 // URL: http://doklad.ombudsmanbiz.ru/doklad_2023.html (дата обращения: 09.02.2025).

²⁰ Федеральный конституционный закон от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 9. Ст. 1011.

²¹ См.: Чечельницкий И. В. Указ. соч.

²² СЗ РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.

ствах мира (Объединенные Арабские Эмираты, Армения и др.).

Институт финансового уполномоченного действует только на федеральном уровне, однако имеет разветвленную структуру и значительный штат сотрудников. Несмотря на сравнительно недавнее появление данного правозащитного института, в науке уже имеется несколько серьезных исследований, посвященных ему²³.

Финансовый уполномоченный имеет интересные полномочия, которых нет у иных специализированных омбудсменов. Например, осуществлять процедуры, направленные на урегулирование спора между его сторонами, выносить решение, обязательное для исполнения финансовой организацией.

Необходимо отметить достаточно высокую результативность службы финансового уполномоченного. Как указано в отчете за 2023 г., положительное разрешение находят от 20 до 35 % обращений в зависимости от категории. Так, из 73 228 решений по автострахованию в 35 % случаев требования потребителей удовлетворены²⁴. При этом большая часть обращений к финансовому уполномоченному связана со

страхованием (117 тыс.), деятельностью кредитных (13 тыс.), микрофинансовых (1,7 тыс.) организаций.

В науке уделяется неоправданно малое внимание институту уполномоченных по правам коренных малочисленных народов (далее — КМН), хотя отдельные работы по теме имеются²⁵.

Впервые институт уполномоченного по правам КМН получил законодательное закрепление в 2007 г. на территории Красноярского края²⁶. Установлено, что главной задачей уполномоченного по правам КМН является государственная защита прав КМН, проживающих на территории края, их соблюдения органами государственной власти края, органами местного самоуправления и должностными лицами.

Данный государственный орган наделен полномочиями по рассмотрению обращений КМН о представительстве КМН в суде, участию в проверках, связанных с правами КМН, совершенствованию законодательства о правах КМН, подготовке ежегодного специального доклада о правах КМН и др.

В трех регионах действуют специальные законы об уполномоченных по правам КМН²⁷.

²³ Сурменева Е. А. Институт финансового уполномоченного в системе публично-правовых способов защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2024 ; Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг : монография. М. : Юстицинформ, 2023 ; Воронин Ю. В. Роль института финансового уполномоченного в защите прав потребителей финансовых услуг в Российской Федерации // *Гражданин и право*. 2023. № 6. С. 17–24 ; Климов В. В. Правовая природа института финансового уполномоченного в Российской Федерации // *Актуальные проблемы российского права*. 2023. № 4. С. 61–68.

²⁴ Отчет о деятельности в 2023 году // URL: <https://finombudsman.ru/about/otchet-yi-o-deyatelnosti/otchet-za-2023-god.html> (дата обращения: 11.02.2025).

²⁵ См., например: Ниматулаева Р. А. Конституционно-правовое регулирование прав коренных малочисленных народов // *Юридический вестник Дагестанского государственного университета*. 2024. Т. 52. № 4. С. 48–52 ; Филиппова Н. А. Защитник прав коренных народов в регионах России: становление института // *Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения Российской академии наук*. 2016. Т. 16. Вып. 2. С. 105–120 ; Иванов В. М. Институт уполномоченного по правам коренных малочисленных народов Севера // *Юридические науки: проблемы и перспективы : материалы III Междунар. науч. конференции (г. Казань, май 2015 г.)*. Казань : Бук, 2015. С. 24–27. URL: <https://moluch.ru/conf/law/archive/141/7801/> (дата обращения: 07.10.2018).

²⁶ Закон Красноярского края от 25.10.2007 № 3-626 «Об Уполномоченном по правам человека в Красноярском крае» // *Краевой вестник*. 2007. № 103 (285). 9 ноября.

²⁷ Закон Камчатского края об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов в Камчатском крае ; Закон Республики Саха (Якутия) от 24.06.2013 № 1220-З «Об Уполномоченном по правам малочисленных народов Севера в Республике Саха (Якутия)» // *Якутские ведомости*. 2013. № 46. 13 июля ;

Необходимо отметить, что, несмотря на общие подходы к определению их компетенции, региональный законодатель дифференцировано подошел к их инструментариям. Уполномоченный по правам КМН в Красноярском крае наделен полномочиями по рассмотрению обращений граждан из числа КМН, ведению мониторинга соблюдения их прав, обращению к законодателю, посещению коллегии по вопросам КМН, подготовке ежегодных докладов, выступлению в суде. Его коллега в Якутии наделен также правом при наличии информации о массовых нарушениях прав малочисленных народов либо в ситуациях, связанных с необходимостью защиты интересов лиц, не способных самостоятельно использовать правовые средства защиты, по собственной инициативе принимать соответствующие меры в пределах своей компетенции. Он может направлять в соответствующие органы обращения о привлечении к дисциплинарной, административной либо уголовной ответственности лиц, в решениях или действиях (бездействии) которых усматриваются нарушения прав малочисленных народов. Их коллега в Камчатском крае вправе принимать в пределах своих полномочий меры к урегулированию споров между представителями КМН и государственными органами, органами местного самоуправления, организациями. Уполномоченный по правам КМН в Сахалинской области наделен полномочиями по организации и проведению научно-практических конференций, круглых столов, семинаров, совещаний и иных публичных мероприятий по проблемам защиты прав и законных интересов КМН.

Таким образом, орган защиты прав КМН пока находится в стадии формирования и имеет серьезный потенциал для своего развития. Представляется, что в скором будущем могут быть созданы подобные институты и в других регионах России (например, Ханты-Мансийский

автономный округ — Югра и др.). Конечно, он актуален далеко не для всех регионов России, однако формирование единых федеральных стандартов для регионов, которые чувствуют потребность в нем, представляется крайне необходимым.

Актуальные проблемы и некоторые пути повышения эффективности деятельности

Анализ правового регулирования и деятельности различных видов института специализированных уполномоченных позволяет сформулировать некоторые актуальные проблемы в их функционировании и наметить пути повышения эффективности деятельности.

Во-первых, отмечается существенная разница в правовом регулировании, компетенции и инструментарии указанных государственных правозащитных институтов. С одной стороны, данные различия подчеркивают самобытность и специфический характер их правозащитной деятельности. С другой стороны, это может вызывать определенный дискомфорт у граждан, обращающихся за помощью и не всегда искушенных в тонкостях их правозащитной компетенции. В некоторых странах мира (например, в Индии) приняты комплексные законы о правах человека, в которых детально урегулированы деятельность, полномочия, инструменты всех государственных правозащитных институтов²⁸. Для России данный опыт может быть в высшей степени интересен. Целесообразно также провести унификацию инструментария различных специализированных правозащитных институтов с учетом имеющейся положительной практики законодательного регулирования²⁹. Это позволит дополнить и восполнить их полномочия, что, в свою очередь, обеспечит более эффективную реализацию права граждан на защиту.

Закон Сахалинской области от 20.07.2023 № 72-ЗО «Об Уполномоченном по правам коренных малочисленных народов в Сахалинской области» // Губернские ведомости. 2023. № 83. 26 июля.

²⁸ См., например: The Protection of Human Rights Act, 1993 // URL: <https://nhrc.nic.in/acts-&-rules/protection-human-rights-act-1993> (дата обращения: 13.02.2025).

²⁹ См.: Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 4. С. 42.

Во-вторых, анализ докладов специальных омбудсменов позволяет сделать вывод о наличии определенных резервов для повышения эффективности рассмотрения ими обращений граждан. Это возможно в первую очередь за счет расширения инструментария, а также предоставления новых проверочных и контрольных инструментов, вплоть до права вынесения обязательных для исполнения иными органами публичной власти решений при выявлении нарушений прав лиц — в рамках своей компетенции (по аналогии с финансовым уполномоченным).

Отсюда вытекает еще одна серьезная проблема, связанная с укреплением материально-технической базы и кадрового потенциала деятельности специализированных уполномоченных. Конечно, они очень разные как по содержанию работы, так и по ее условиям. Если на федеральном уровне сформированы достаточно профессиональные и обширные аппараты, обеспечивающие деятельность специализированных уполномоченных, то на региональном уровне иногда складывается драматичная ситуация, поскольку в каждом регионе действует собственная система организационного и кадрового обеспечения деятельности специализированных омбудсменов. В некоторых регионах самостоятельные аппараты у них вовсе отсутствуют, в других составляют от одного до трех человек, чего также недостаточно для решения масштабных правозащитных задач. Поэтому наиболее перспективным представляется опыт Красноярского края и г. Москвы, где уполномоченные по правам ребенка и правам КМН в Красноярском крае и по правам ребенка в Москве входят в структуру уполномоченного по правам человека в субъекте РФ. Это позволяет консолидировать

ресурсы (аппарат, помещения, единые обеспечивающие подразделения, оргтехника и др.) и работать в конечном счете более эффективно³⁰.

Проблемой является и отсутствие координации в деятельности различных специализированных институтов. В законодательстве имеются нормы о координации деятельности региональных специализированных омбудсменов и их федеральных коллег, однако законодательно не закреплены нормы о взаимодействии и координации деятельности различных государственных правозащитных институтов между собой. В ряде зарубежных государств (например, в Турции, Сербии, Таджикистане, Армении) специализированные омбудсмены также входят в единую структуру. Например, главный омбудсмен Турции имеет пять заместителей, которые составляют единую систему уполномоченных по правам человека³¹. В Сербии защитник прав граждан Сербии имеет трех заместителей, функции детского омбудсмена исполняет один из них³². В Марокко омбудсмен имеет 12 заместителей³³.

Подобная система действует и в ряде государств БРИКС. Например, в Исламской Республике Иран шесть заместителей главы Генеральной инспекции: по вопросам экономики, промышленности, социальным и культурным вопросам, политическим и судебным вопросам, по правовым вопросам и общественному контролю, по парламентской работе. В Эфиопии в структуре института омбудсмена существует должность специального омбудсмена по вопросам прав детей и женщин.

Подобная модель закреплена и на пространстве СНГ. Так, в соответствии со статьей 12 Модельного закона СНГ «О статусе Уполномоченного по правам человека»³⁴ заместитель Упол-

³⁰ См. более подробно о критериях эффективности правовой реформы: *Экимов А. И.* Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет : сборник научных трудов. М., 2022. С. 101.

³¹ См.: официальный сайт омбудсмена Турции. URL: <https://english.ombudsman.gov.tr/ombudsmen> (дата обращения: 13.02.2025).

³² См.: официальный сайт защитника прав граждан Сербии. URL: <https://ombudsman.rs/index.php/o-nama/zamenici-zastitnika-gradjana> (дата обращения: 13.02.2025).

³³ См.: официальный сайт медиатора Марокко. URL: <https://www.mediateur.ma/> (дата обращения: 13.02.2025).

³⁴ Модельный закон «О статусе Уполномоченного по правам человека» (принят в г. Санкт-Петербурге постановлением от 04.12.2004 № 24-7 на 24-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи

номоченного может быть специализированным уполномоченным, статус, принципы, гарантии деятельности и полномочия которого устанавливаются законом. Представляется, что можно и нужно учитывать положительный опыт зарубежных стран в отечественной правовой системе³⁵.

В качестве еще одной проблемы функционирования специализированных уполномоченных необходимо выделить обоснованность их создания и упразднения. Очевидно, что несовершеннолетние нуждаются в особой защите, и поэтому институт детского омбудсмана прочно зарекомендовал себя во многих государствах мира. Но вопрос об актуальности особой защиты прав предпринимателей не столь очевиден, особенно учитывая, что предприниматель обычно выступает сравнительно сильной стороной в правоотношениях, в отличие, например, от потребителя. С этой точки зрения более разумным было бы создание должности специального уполномоченного по правам потребителей, но такой институт не создан до сих пор, хотя в СМИ и на практике мы постоянно сталкиваемся с нарушением прав потребителей (некачественные продукты питания, товары и услуги, не отве-

чающие требованиям безопасности). Зато не так давно в нашей правовой системе появился финансовый уполномоченный, который уже занял свое место в системе досудебного урегулирования споров между потребителями финансовых услуг и кредитными, страховыми и другими организациями. Потребности населения и текущей общественно-политической ситуации таковы, что всё чаще звучат голоса в поддержку создания уполномоченных по правам военнослужащих и ветеранов. Стремительная цифровизация приводит к постановке вопроса об учреждении цифрового омбудсмана, а молодежь нередко выступает с идеей о создании студенческих или молодежных омбудсменов. В отечественной науке также встречаются предложения о расширении института специализированных уполномоченных по отдельным сферам жизни нашего общества³⁶. Понимая мотивы подобных предложений, важно не размывать компетенцию института уполномоченных по правам человека. Создание новых органов власти и правовых норм должно в полной мере отражать насущные и перспективные потребности общественного развития³⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воронин Ю. В. Роль института финансового уполномоченного в защите прав потребителей финансовых услуг в Российской Федерации // *Цивилист*. — 2023. — № 6. — С. 17–24.
2. Корнев А. В. Правовое регулирование в свете традиций и инноваций // *European and Asian Law Review*. — 2024. — Т. 7. — № 3. — С. 59–70.
3. Курбатов А. Я. Защита прав потребителей финансовых услуг : монография. — М. : Юстицинформ, 2023. — 168 с.
4. Лилюкова О. С. Институт Уполномоченного по защите прав предпринимателей в России: правовые проблемы // *Безопасность бизнеса*. — 2022. — № 6. — С. 10–15.
5. Москалькова Т. Н. Институт уполномоченных по правам человека: вчера, сегодня, завтра // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. — 2021. — № 4. — С. 23–44.

государств — участников СНГ) // Официальный сайт МПА СНГ. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/normativno-pravovie_dokumenti_sng_podgotovlennii_mpa_sng (дата обращения: 13.02.2025).

³⁵ См.: Корнев А. В. Правовое регулирование в свете традиций и инноваций // *European and Asian Law Review*. 2024. Т. 7. № 3. С. 59–70.

³⁶ См.: Мохов А. А., Селезнев Г. И. Институт Уполномоченного по защите прав в сфере охраны здоровья граждан // *Юрист*. 2020. № 10. С. 68–74.

³⁷ См.: Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество : науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и испр. М., 2014. С. 4.

6. Москалькова Т. Н., Черников В. В. Нормотворчество : науч.-практ. пособие. — 2-е изд., доп. и испр. — М., 2014. — 448 с.
7. Мохов А. А., Селезнев Г. И. Институт Уполномоченного по защите прав в сфере охраны здоровья граждан // Юрист. — 2020. — № 10. — С. 68–74.
8. Синюков В. Н., Синюков С. В. Цивилизационная природа европейской правовой культуры // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 11–24.
9. Степанова Д. Н. Институт уполномоченного по правам ребенка в механизме защиты конституционных прав несовершеннолетних в Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — Пенза, 2024. — 201 с.
10. Сурменева Е. А. Институт финансового уполномоченного в системе публично-правовых способов защиты прав и законных интересов потребителей финансовых услуг : дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2024. — 272 с.
11. Черников В. В. Гарантии прав человека в полицейском законодательстве России: вопросы закрепления и реализации // Вестник Нижегородского университета имени Н.И. Лобачевского. — 2022. — № 3. — С. 160–166.
12. Экимов А. И. Методологические проблемы понимания права. Работы разных лет : сборник научных трудов. — М., 2022. — 304 с.

Материал поступил в редакцию 13 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Voronin Yu. V. Rol instituta finansovogo upolnomochennogo v zashchite prav potrebiteley finansovykh uslug v Rossiyskoy Federatsii // Tsivilist. — 2023. — № 6. — С. 17–24.
2. Kornev A. V. Pravovoe regulirovanie v svete traditsiy i innovatsiy // European and Asian Law Review. — 2024. — Т. 7. — № 3. — С. 59–70.
3. Kurbatov A. Ya. Zashchita prav potrebiteley finansovykh uslug: monografiya. — М.: Yustitsinform, 2023. — 168 с.
4. Lilikova O. S. Institut Upolnomochennogo po zashchite prav predprinimateley v Rossii: pravovye problemy // Bezopasnost biznesa. — 2022. — № 6. — С. 10–15.
5. Moskalkova T. N. Institut upolnomochennykh po pravam cheloveka: vchera, segodnya, zavtra // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2021. — № 4. — С. 23–44.
6. Moskalkova T. N., Chernikov V. V. Normotvorchestvo: nauch.-prakt. posobie. — 2-е изд., доп. и испр. — М., 2014. — 448 с.
7. Mokhov A. A., Seleznev G. I. Institut Upolnomochennogo po zashchite prav v sfere okhrany zdorovya grazhdan // Yurist. — 2020. — № 10. — С. 68–74.
8. Sinyukov V. N., Sinyukov S. V. Tsivilizatsionnaya priroda evropeyskoy pravovoy kultury // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — Т. 19. — № 12. — С. 11–24.
9. Stepanova D. N. Institut upolnomochennogo po pravam rebenka v mekhanizme zashchity konstitutsionnykh prav nesovershennoletnikh v Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — Penza, 2024. — 201 с.
10. Surmeneva E. A. Institut finansovogo upolnomochennogo v sisteme publichno-pravovykh sposobov zashchity prav i zakonnykh interesov potrebiteley finansovykh uslug: dis. ... kand. yurid. nauk. — Saratov, 2024. — 272 с.
11. Chernikov V. V. Garantii prav cheloveka v politseyskom zakonodatelstve Rossii: voprosy zakrepleniya i realizatsii // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta imeni N.I. Lobachevskogo. — 2022. — № 3. — С. 160–166.
12. Ekimov A. I. Metodologicheskie problemy ponimaniya prava. Raboty raznykh let: sbornik nauchnykh trudov. — М., 2022. — 304 с.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ И МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.033-042

Л. Л. Маркина*

Активное и пассивное избирательное право: взаимосвязь и конституционное регулирование

Аннотация. Статья посвящена конституционной связи активного и пассивного избирательного права, потребность в установлении которой объективно возникает при анализе и научной характеристике природы, а также сущности этих прав. Показана сложность конституционной связи активного и пассивного избирательного права, состоящая в одновременном существовании и взаимном наложении нескольких видов связей: связь-объединение, причинная связь, связь состояний, соответствие между следствиями одной причины, соответствие между следствиями разных причин. Данный вывод сопровождается пояснениями относительно того, каким образом доктринальная идентификация, дифференциация и интерпретация перечисленных видов конституционной связи активного и пассивного избирательного права могут быть использованы для достижения целей конституционно-правового регулирования электоральных отношений, а также конституционного нормоконтроля.

Ключевые слова: активное избирательное право; выборы; демократия; избирательные права; избирательные правоотношения; конституционализм; конституционный правопорядок; конституционное регулирование; пассивное избирательное право; суверенитет народа.

Для цитирования: Маркина Л. Л. Активное и пассивное избирательное право: взаимосвязь и конституционное регулирование // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 33–42. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.033-042.

Active and Passive Voting Rights: Interrelation and Constitutional Regulation

Lyudmila L. Markina, Member of the Central Election Commission of the Russian Federation,
Moscow, Russian Federation
marka15@mail.ru

Abstract. The paper focuses on the constitutional connection between active and passive voting rights, a necessity that objectively arises when analyzing and scientifically characterizing the nature and essence of these rights. The paper demonstrates the complexity of the constitutional relationship between active and passive voting rights, which involves the simultaneous existence and mutual overlap of several types of connections: the unifying connection; the causal connection; the connection of states; correspondence between the consequences of a single cause; and correspondence between the consequences of different causes. The conclusion is substantiated

© Маркина Л. Л., 2025

* Маркина Людмила Леонидовна, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации
Большой Черкасский пер., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 109012
marka15@mail.ru

by explanations regarding how doctrinal identification, differentiation, and interpretation of the aforementioned types of constitutional connections between active and passive voting rights can be used to achieve the goals of constitutional-legal regulation of electoral relations, as well as constitutional norm control.

Keywords: active electoral rights; elections; democracy; voting rights; electoral relations; constitutionalism; constitutional legal order; constitutional regulation; passive electoral rights; sovereignty of the people.

Cite as: Markina LL. Active and Passive Voting Rights: Interrelation and Constitutional Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):33-42. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.033-042.

Конституционная природа активного и пассивного избирательного права¹ обуславливает сложную конституционную связь этих прав и в то же время проявляется в ней. Философы выделяют пять видов связи, пять значений, в которых термин «связь» употребляется в повседневном и научном мышлении: 1) объединение; 2) причинная связь; 3) связь состояний; 4) соответствие между следствиями одной причины; 5) любое соответствие между сменами состояний независимо от их природы². Все эти виды связи, за исключением последнего из перечисленных, можно обнаружить в отношении рассматриваемых прав.

Так, отношение между ними, обусловленное общей природой³ и подкрепляемое соответствующим конституционным регулированием, имеющим эту природу в качестве источника и императива, принадлежит обоим этим правам, в силу чего оно (отношение) объединяет их, образует одно из многих, создает целое из частей⁴. Признание связи этого вида обнаруживается в доктринальных характеристиках избирательного права в его субъективном смысле (как индивидуального права гражданина). Активное и пассивное избирательные права представляют как: 1) стороны избирательного права⁵; 2) элементы его юридического содержа-

¹ О конституционной природе активного и пассивного избирательного права см., например: Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Демократия, свободные выборы и избирательные права граждан (краткий очерк доктрины Конституционного Суда России) // Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008–2012. М. : Гриф и К, 2013. Т. 3. С. 317 ; Черепанов В. А. Всеобщее избирательное право: за и против // Всеобщее избирательное право: за и против : материалы научного методологического семинара по проблемам теории и практики избирательного процесса. Вып. 1 / отв. ред. В. А. Черепанов. Ставрополь : АГРУС Ставропольского государственного аграрного университета, 2019. С. 12–22.

² Левин В. Г. «Связь» как философская категория // Вестник Университета Российской академии образования. 2006. № 2. С. 36–47.

³ По убеждению автора статьи, конституционная природа активного и пассивного избирательного права интегративна. В нее проецируется весь конституционный контекст, образующий правовые основания и институциональную основу демократической правовой государственности, а также современного конституционного правопорядка.

⁴ В этимологическом смысле русское слово «связь» происходит от глагола «вязать», латинское connection, перешедшее затем во французский и английский язык, — от глагола necto — «соединять», немецкое Zusammenhang — от zusammen hangen — «держат вместе» (привод. по: Левин В. Г. Указ. соч. С. 36).

⁵ Так, Б. С. Эбзеев указывает, что избирательное право в его субъективном смысле — как индивидуальное право гражданина — имеет две стороны: а) активное избирательное право, т.е. право граждан России избирать в органы государственной власти и органы местного самоуправления; б) пассивное избирательное право, т.е. право граждан России быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления, точнее право баллотироваться в выборные органы государственной власти и местного самоуправления. См.: Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2021. С. 573.

ния⁶; 3) компоненты конституционно-правового статуса гражданина, которые на выборах могут быть реализованы одним и тем же лицом одновременно⁷; 4) составляющие субъективного права гражданина — избирательного права, трансформирующего правовой статус его обладателя в статус иного индивидуального субъекта права (например, избирателя, кандидата)⁸; 5) формы, в которых может быть реализовано субъективное избирательное право⁹.

Оригинальную позицию по этому вопросу занимает У. Ф. Хасанов. По его мнению, право избираться в органы публичной власти не входит в содержание избирательного права, оно представляет собой элемент совершенного другого права — права на доступ к публичной должности¹⁰. С этой точки зрения следует устанавливать конституционную связь не активного избирательного права с пассивным, а пассивного избирательного права с элементами права на доступ к публичной должности, которое, как представляется, имеет иную по сравнению с избирательным правом правовую природу. Ее характеристика, как и анализ отношения прав,

на связанность которых как целого и части указал У. Ф. Хасанов, выходит за границы предмета, цели и задач настоящего исследования. В связи с этим ограничимся констатацией своей неготовности поддержать приведенную точку зрения и выражением солидарности с правоведами, подвергшими ее конструктивной критике¹¹. Заметим лишь, что Конституционный Суд РФ указывал на неразрывную связь права быть избранным в органы государственной власти и органы местного самоуправления (которое по смыслу ст. 2 и 32 Конституции РФ не сводится к участию гражданина в выборах) с правом занимать публичную должность и тем самым осуществлять политическую власть¹². Однако Суд не давал повода для отрицания взаимосвязанности активного и пассивного избирательного права.

Для интерпретации конституционной связи активного и пассивного избирательного права как объединения в целое есть нормативные основания (ст. 32 Конституции РФ). Данный подход демонстрирует в своих правовых позициях Конституционный Суд РФ¹³. Он также проявляется в практике Европейского Суда по правам человека

⁶ См.: Нудненко Л. А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. М. : Норма, 2016. С. 67.

⁷ Имеется в виду, что один и тот же гражданин на выборах может одновременно реализовать свое право избирать и быть избранным при наличии законодательно установленных оснований. См.: Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учеб. пособие / М. С. Савченко, Т. Ю. Дьякова [и др.] ; под общ. ред. М. С. Савченко. Краснодар : КубГАУ, 2015. С. 7.

⁸ См.: Князев С. Д. Избирательное право в правовой системе Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 1999. С. 242.

⁹ См.: Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы : учеб.-метод. комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С. А. Авакьян. М. : Юстицинформ, 2015. С. 60 ; Игнатов С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатейный). М. : Деловой двор, 2014.

Термин «форма» авторами напрямую не используется, но из контекста можно сделать вывод, что речь идет именно о форме реализации избирательного права.

¹⁰ Хасанов У. Ф. Реализация международных избирательных стандартов в законодательстве субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2004. С. 15.

¹¹ См.: Нудненко Л. А. Указ. соч. С. 67.

¹² Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П // СЗ РФ. 2013. № 43. Ст. 5622.

¹³ См.: Правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации по отдельным вопросам. Вопросы обжалования результатов выборов (информационно-тематическое собрание правовых позиций, подготовленное Секретариатом Конституционного Суда РФ) // URL: <https://legalacts.ru/sud/pravovye-pozitsiiks-rf-po-otdelnym-voprosam-voprosy-obzhalovaniia-rezultatov-vyborov/>.

и зарубежной научной литературе. Так, К. Фири настаивает на том, что право на свободные выборы подразумевает два индивидуальных права: право голоса и право выставить свою кандидатуру или баллотироваться на выборах¹⁴, иначе именуемое правом на выдвижение политической кандидатуры¹⁵. Эти два избирательных права олицетворяют неделимость, взаимозависимость и взаимосвязанность прав человека, как это закреплено в Венской декларации и Программе действий 1993 г.¹⁶ В частности, право баллотироваться на выборах переплетается с правом голоса, «поскольку ограничения на выдвижение кандидатуры оказывают очевидное влияние на право голосовать за кандидатов по своему выбору»¹⁷. Таким образом, «эти два права обычно следует рассматривать вместе... аксиомой является то, что без кандидатов не может быть выборов, а тем более свободных и честных выборов»¹⁸.

В исследуемом отношении активного и пассивного избирательного права правоведы не фиксируют фактора времени и (или) последовательности установления связи. Это нетрудно заметить в приведенных тезисах, отражающих позиции ученых относительно связи указанных прав. Логика соединения частей в целое предполагает сначала материализацию прав гражданина избирать и быть избранным путем закрепления в Основном законе или иным образом и лишь затем объединение их в одно избирательное право, имеющее сложную юридическую конструкцию. Применение позитивистских воззрений при анализе текста ст. 32 Конституции РФ ведет именно к такому выводу,

который, в принципе, не встречает возражений, за тем лишь исключением, что итоговое соединение выглядит искусственной теоретической моделью. В практике электоральных отношений граждане, избирательные комиссии, суды и другие их участники сталкиваются с конкретным активным или пассивным избирательным правом и заключенными в нем правомочиями, а не с абстрактным субъективным избирательным правом. Философско-правовые изыскания фокусируют внимание познающего субъекта на природе избирательного права как целого, создающего возможность для конституирования его частей — права гражданина избирать и его права быть избранным. Интегративный подход к этой связи, которому автор настоящей статьи отдает предпочтение, ориентирует на признание прямой и обратной последовательности в формировании данного вида связи. Этот вывод обладает практической ценностью по той причине, что последовательность от части к целому имеет прикладное значение для целей реализации гражданином конкретных правомочий, заключенных в активном и пассивном избирательном праве. Соответствующая интерпретация данной связи ориентирована в большей степени на граждан и коллективных субъектов электоральных отношений, таких, например, как политические партии. Обратная последовательность в большей степени применима в деятельности конституционного законодателя, творцов законов, конкретизирующих конституционные установления, а также субъектов конституционного нормоконтроля, в задачи которых входят адекватное отражение природы и сущности

¹⁴ «Матье-Мозэн и Клерфайт против Бельгии», жалоба 9267/81 (Европейский Суд по правам человека (ЕСПЧ), 2 марта 1987 г.), п. 48–51; «Жданок против Латвии», жалоба 58278/00 (ЕСПЧ, 16 марта 2006 г.), п. 102.

¹⁵ *Ле Клерк Ф. С.* Возникающее право на участие в политической жизни, гарантированное на федеральном уровне // Закон Индианы. 1975. Т. 8. № 4. С. 607, Google Scholar at 625; *Джонс А.* Аргументы в пользу политической кандидатуры как основного права человека // Human Rights Law Review. 1975. Vol. 16. No. 1. P. 29, CrossRef Google Scholar at 29.

¹⁶ Венская декларация и Программа действий (приняты 25 июня 1993 г.), разд. I, п. 5 // URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml.

¹⁷ *Le Clercq.* The emerging federally secured right. См.: *Lubin v. Panish* 415 US 709 at 716 (1974) (и др.) // Indiana Law Review. 1975. Vol. 8. No. 4. С. 607–653.

¹⁸ См.: *Phiri C.* The Right to Run for Election in Zambia: A Preserve of the «Educated» Class? // Journal of African Law. 2022. Vol. 66. No. 3. P. 419–438.

избирательного права в юридических нормах, обеспечение единства принципов его нормирования, выявление и развитие заключенных в этом праве смыслов. Примером отражения обратной последовательности в правовых позициях Конституционного Суда РФ служит его постановление от 15.01.2002 № 1-П¹⁹.

Важным обстоятельством, проистекающим из соответствующей связанности активного и пассивного избирательного права, является ограничение свободы²⁰ этих прав в рамках целого. Люди в социуме, в котором действуют нормативные регуляторы, с одной стороны, имеют гарантированную свободу, с другой стороны, ограничены в ней. Это утверждение наглядно иллюстрирует положение ч. 3 ст. 17 Конституции РФ. Избирательные права в рамках анализируемой связи тоже не свободны. Она лишает их свободы в системе конституционных прав человека и гражданина, конституционном правопорядке, конституционно-правовом регулировании, что обнаруживается в том числе при

толковании избирательных прав в процессе конституционного нормоконтроля.

Предположение о существовании причинной связи как разновидности отношения активного избирательного права с пассивным избирательным правом в первом приближении вызывает сомнения. Во-первых, этот вид связи характерен для отношения между объектами разного рода (нумерически различными). Избирательные права, напротив, имеют общую родовую и видовую природу. Такая связь скорее характерна для отношения избирательных прав с источником своего происхождения (в зависимости от его интерпретации) — демократией, народным суверенитетом, учредительной властью народа, правом граждан на участие в управлении делами государства. Во-вторых, у причинной связи две стороны: воздействующая, которую называют причиной, и испытывающая воздействие, именуемая следствием. Причина порождает следствие тем, что становится следствием²¹. Но одно из этих прав ни при каких обстоятельствах

¹⁹ В нем Суд подчеркнул, что «подлинно свободные демократические выборы, осуществляемые на основе всеобщего, равного и прямого избирательного права при тайном голосовании, определяют, в частности, право любых лиц, отвечающих установленным избирательным законодательством условиям и выполнивших предусмотренные им требования, участвовать в выборах в качестве кандидатов и право других лиц свободно выражать свое отношение к ним, голосуя “за” или “против”» (постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статьи 64 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и статьи 92 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова» // СЗ РФ. 2002. № 6. Ст. 626).

²⁰ В философии обоснована идея о том, что понятие свободы применимо к явлениям неживой природы. По мнению философов, свобода объектов неживой природы — такой же предок человеческой свободы, как и отражение, присущее уже неживой природе, — предок человеческого сознания. Именно отсюда следует вести родословную человеческой свободы (см.: *Левин В. Г.* Указ. соч. С. 36). Данная идея может быть экстраполирована на конституционно-правовую материю, элементы конституционного механизма воспроизводства демократии, конституционного правопорядка, в том числе избирательные права. Аргументы можно почерпнуть в приведенных выше и других правовых позициях Конституционного Суда РФ. Интерпретация связи субъективных конституционных прав, в том числе избирательных, с использованием категории свободы, имеющей в конституционном праве вполне определенное значение, с точки зрения юриста, особенно специализирующегося на конституционном праве, выглядит несколько необычно. В то же время данная идея позволяет усилить акцент на системности и системных связях упомянутых явлений конституционно-правовой действительности в процессе их нормирования, реализации, ограничения и защиты, подкрепить методологию поиска смыслов конституционных установлений в правоинтерпретационной деятельности.

²¹ *Левин В. Г.* Указ. соч. С. 40.

не становится другим. Каждое из них сохраняет свое нормативное содержание и функциональное значение в конституционном правопорядке и регулировании электоральных отношений.

В-третьих, причина предшествует следствию во времени. Данная закономерность повторяется в сходных случаях²². В отношении рассматриваемых прав данное утверждение сложно проиллюстрировать и тем более обосновать в контексте генезиса, конституирования избирательных прав в конституционном правопорядке.

В то же время, опираясь на идеи философов, можно прийти к противоположному выводу. Условием причинной связи между двумя объектами выступает их подобие в платоновском смысле, то есть сходство в родовых признаках. Причем чем ближе эти признаки к видовым, в которых они различаются, тем богаче и содержательнее причинная связь между ними²³. В случае с отношением между активным и пассивным избирательным правом данное условие имеет место, что открывает путь к поиску проявления причинно-следственной зависимости.

Мысль о том, что причина порождает следствие тем, что становится следствием, Гегель иллюстрирует следующим образом: «дождь — причина и мокрота — действие суть одна и та же существующая вода». Мокрота — это «другое» дождя, следствие — это «другое» причины²⁴. Активное и пассивное избирательное право — суть избирательное право. Связи между ними искусственно созданы людьми в процессе развития идей конституционализма и конституционного строительства. Причина и следствие в этом контексте таковы, «что идея одного из них определяет ум к образованию идеи другого»²⁵. Возможность избирать и, соот-

ветственно, осуществлять активное избирательное право появляется у гражданина вследствие существования возможности у него самого или других сограждан быть избранными в органы публичной власти. И наоборот: для того чтобы иметь реальную, легальную возможность баллотироваться в качестве кандидата на выборах, получить депутатский мандат на осуществление от имени народа принадлежащей ему власти, необходимо появление (наличие) в конституционном механизме легитимации публичной власти права быть избранным. Поэтому активное избирательное право и пассивное избирательное право в их отношении друг к другу можно рассматривать как материальную, формальную и действующую причины²⁶.

Таким образом, причинно-следственная связь в характеризуемом отношении всё же просматривается. Только она не односторонняя, а обоюдонаправленная, т.е. мы имеем дело не с односторонней причинной связью двух объектов, а с их взаимодействием, в чем усматриваются признаки причинно-следственной связи, названные Юмом: смежность причины и следствия в пространстве и ее повторяемость в сходных случаях²⁷. Активное избирательное право и пассивное избирательное право выступают по отношению друг к другу и причиной, и следствием. Причина и следствие в данном случае одновременны. Время существования причины и время существования следствия перекрещиваются.

Дополнительным аргументом, поддерживающим этот вывод, может служить тот факт, что устранение одного из этих прав влечет исчезновение или как минимум растворение возможности осуществления другого, подобно

²² См.: Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения : в 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. М. : Мысль, 1996. С. 222–223.

²³ См.: Платон. Софист 240а // Софист (диалог) / пер., интерпр., ком. и прил. И. А. Протопоповой. СПб. : Платоновское философское общество, 2019 ; Левин В. Г. Указ. соч. С. 41.

²⁴ Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика // Сочинения. Т. 1 / под ред. А. Деворина и Д. Рязанова. М. ; Л., 1929. С. 156.

²⁵ См.: Юм Д. Указ. соч. С. 222–223.

²⁶ О содержательной характеристике этих причин в идеях Гегеля, Платона, Юма см.: Левин В. Г. Указ. соч. С. 36–47.

²⁷ Юм Д. Указ. соч. С. 222–223.

тому как устранение причины влечет исчезновение следствия. Наконец, нарушение активного избирательного права порождает нарушение пассивного избирательного права. Указание на данную закономерность, установленную Конституционным Судом РФ²⁸, как представляется, подкрепляет доводы в пользу существования конституционной причинно-следственной связи между активным и пассивным избирательным правом. В свете изложенного причину и следствие можно рассматривать как два вида состояний, а зависимость активного и пассивного избирательного права в их отношении — как смену состояний, еще один вид их конституционной связи.

Признание факта существования этих видов связи (причинно-следственной и смены состояний), так же как и связи-объединения, имеет практическое значение, в том числе для достижения цели совершенствования конституционно-правового регулирования электоральных отношений, юридической конструкции избирательного права, а также для отправления конституционного правосудия.

Следующий вид конституционной связи активного и пассивного избирательного права можно идентифицировать как связь между следствиями одной причины, главным признаком которой считается корреляция между состоянием разных объектов. Конституционное оформление демократического политического режима, означающее признание и практическое воплощение в конституционном правовом порядке идеи народного суверенитета, права народа на свободные выборы, соответствующей политической правосубъектности граждан, включаю-

щей право участвовать в управлении государством непосредственно, а также через своих представителей, служит причиной, различные следствия которой — активное избирательное право и пассивное избирательное право. Каждое из них имеет свое юридическое содержание и функциональное предназначение, организационно-правовой механизм осуществления. При этом они происходят от одной причины, являются разными, но взаимосвязанными ее следствиями. Эта монопричинность обуславливает связанность, взаимодополняемость и взаимообеспеченность активного и пассивного избирательного права.

В философской мысли существует мнение, что корреляция есть общий стержень, пронизывающий и причинную связь, и связь состояний, и связь следствий одной причины²⁹. Проведенный анализ конституционной связи активного и пассивного избирательного права показал состоятельность данного умозаключения. Вместе с тем он послужил основанием для выделения еще одного вида конституционной связи между активным и пассивным избирательным правом, который может быть назван соответствием между следствиями разных причин. Как было отмечено, каждое из упомянутых прав имеет свое юридическое содержание и функциональное предназначение, организационно-правовой механизм осуществления. Их реализация относительно раздельная (организационно, процедурно, технически и технологически³⁰), локализованная во времени и в пространстве: в ходе организации и проведения свободных выборов (избирательного процесса) ведет к общему результату (следствию) — формиро-

²⁸ В приведенном ранее постановлении от 15.01.2002 № 1-П Конституционный Суд РФ подчеркнул, что незаконное лишение гражданина возможности участвовать в выборах в качестве кандидата приводит к искажению характера выборов как свободных не только для кандидатов, но и для избирателей, свобода волеизъявления которых может ограничиваться самим фактом лишения права голосовать за любого из законно выдвинутых кандидатов. См. также: *Таева Н. Е.* К вопросу о конституционности норм, ограничивающих пассивное избирательное право граждан, осужденных когда-либо к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений // *Актуальные проблемы российского права.* 2013. № 9. С. 1080–1088.

²⁹ См.: *Левин В. Г.* Указ. соч. С. 37.

³⁰ См.: *Маркина Л. Л.* Технологическая платформа правового порядка в сфере выборов (на примере Российской Федерации) // *Образование и право.* 2024. № 10. С. 100–107.

ванию легитимных органов публичной власти, воспроизводству демократического механизма их образования и деятельности по осуществлению этой власти на основании делегированного народом права.

Принимая во внимание тот факт, что активное избирательное право и пассивное избирательное право — элементы данного механизма, можно констатировать связанность этих прав по причине общей цели их установления, а также включенности в соответствующий механизм и их интеграции в него в логике конструктивного решения, составляющего его основу. И всё же это не дает оснований для выделения других видов конституционной связи активного и пассивного избирательного права дополнительно к тем, которые были охарактеризованы выше. Существующие в упомянутом механизме связи демонстрируют присущие им черты и могут быть квалифицированы соответственно как связь-объединение, причинно-следственная связь, связи состояний и др.

Осмысление поставленных в статье вопросов, приведенных доводов и иллюстраций по-

зволяет резюмировать, что конституционная природа активного и пассивного избирательного права обуславливает наличие сложной конституционной связи активного и пассивного избирательного права и проявляется в ней. Сложность этой связи состоит в одновременном существовании и взаимном наложении связей различных видов, в числе которых: 1) связь-объединение; 2) причинная связь; 3) связь состояний; 4) соответствие между следствиями одной причины; 5) соответствие между следствиями разных причин. Доктринальная идентификация, дифференциация и интерпретация перечисленных видов конституционной связи активного и пассивного избирательного права имеет практическое значение для достижения целей конституционно-правового регулирования электоральных отношений, конституционного нормоконтроля. Соответствующее научное знание может быть продуктивно использовано для выявления и развития заключенных в избирательном праве смыслов и эффективного совершенствования юридических конструкций как активного, так и пассивного избирательного права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика // Сочинения. Т. 1 / под ред. А. Дево-рина и Д. Рязанова. — М. ; Л., 1929. — 367 с.
2. Игнатов С. Л. Комментарий к Федеральному закону от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (постатей-ный). — М. : Деловой двор, 2014. — 1189 с.
3. Избирательное право и избирательный процесс в Российской Федерации : учеб. пособие / М. С. Сав-ченко, Т. Ю. Дьякова [и др.] ; под общ. ред. М. С. Савченко. — Краснодар : КубГАУ, 2015. — 159 с.
4. Князев С. Д. Избирательное право в правовой системе Российской Федерации: проблемы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. — Владивосток, 1999. — 507 с.
5. Левин В. Г. «Связь» как философская категория // Вестник Университета Российской академии обра-зования. — 2006. — № 2. — С. 36–47.
6. Маркина Л. Л. Технологическая платформа правопорядка в сфере выборов (на примере Российской Федерации) // Образование и право. — 2024. — № 10. — С. 100–107.
7. Нудненко Л. А. Пассивное избирательное право в России: проблемы правовой регламентации. — М. : Норма, 2016. — 378 с.
8. Платон. Софист (диалог) / пер., интерпр., ком. и прил. И. А. Протопоповой. — СПб. : Платоновское философское общество, 2019. — 261 с.
9. Право избирать и быть избранным в российских политических реалиях: основные конституционно-правовые проблемы : учебно-методический комплекс / рук. авт. кол. и отв. ред. проф. С. А. Авакьян. — М. : Юстицинформ, 2015. — 680 с.

10. Хасанов У. Ф. Реализация международных избирательных стандартов в законодательстве субъекта Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Уфа, 2004. — 27 с.
11. Черепанов В. А. Всеобщее избирательное право: за и против // Всеобщее избирательное право: за и против : материалы научного методологического семинара по проблемам теории и практики избирательного процесса. Вып. 1 / отв. ред. В. А. Черепанов. — Ставрополь : АГРУС Ставропольского государственного аграрного университета, 2019. — С. 12–22.
12. Чуров В. Е., Эбзеев Б. С. Демократия, свободные выборы и избирательные права граждан (краткий очерк доктрины Конституционного Суда России) // Избирательное право и избирательный процесс в решениях Конституционного Суда Российской Федерации 2008–2012. Т. 3. — М. : Гриф и К, 2013. — С. 314–399.
13. Эбзеев Б. С. Конституционное право России : учебник. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Проспект, 2021. — 832 с.
14. Юм Д. Трактат о человеческой природе // Сочинения : в 2 т. Т. 1. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Мысль, 1996. — 733 с.
15. Phiri C. The Right to Run for Election in Zambia: A Preserve of the «Educated» Class? // Journal of Afrikan Low. — 2022. — Vol. 66. — No. 3. — P. 419–438.

Материал поступил в редакцию 3 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Gegel G. Entsiklopediya filosofskikh nauk. Chast pervaya. Logika // Sochineniya. T. 1 / pod red. A. Devorina i D. Ryazanova. — M.; L., 1929. — 367 s.
2. Ignatov S. L. Kommentariy k Federalnomu zakonu ot 12.06.2002 № 67-FZ «Ob osnovnykh garantiyakh izbiratelnykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiyskoy Federatsii» (postateynny). — M.: Delovoy dvor, 2014. — 1189 s.
3. Izbiratelnoe pravo i izbiratelnyy protsess v Rossiyskoy Federatsii: ucheb. posobie / M. S. Savchenko, T. Yu. Dyakova [i dr.]; pod obshch. red. M. S. Savchenko. — Krasnodar: KubGAU, 2015. — 159 s.
4. Knyazev S. D. Izbiratelnoe pravo v pravovoy sisteme Rossiyskoy Federatsii: problemy teorii i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Vladivostok, 1999. — 507 s.
5. Levin V. G. «Svyaz» kak filosofskaya kategoriya // Vestnik Universiteta Rossiyskoy akademii obrazovaniya. — 2006. — № 2. — S. 36–47.
6. Markina L. L. Tekhnologicheskaya platforma pravoporyadka v sfere vyborov (na primere Rossiyskoy Federatsii) // Obrazovanie i pravo. — 2024. — № 10. — S. 100–107.
7. Nudnenko L. A. Passivnoe izbiratelnoe pravo v Rossii: problemy pravovoy reglamentatsii. — M.: Norma, 2016. — 378 s.
8. Platon. Sofist (dialog) / per., interpr., kom. i pril. I. A. Protopopovoy. — SPb.: Platonovskoe filosofskoe obshchestvo, 2019. — 261 s.
9. Pravo izbirat i byt izbrannym v rossiyskikh politicheskikh realiyakh: osnovnye konstitutsionno-pravovye problemy: uchebno-metodicheskiy kompleks / ruk. avt. kol. i отв. red. prof. S. A. Avakyan. — M.: Yustitsinform, 2015. — 680 s.
10. Khasanov U. F. Realizatsiya mezhdunarodnykh izbiratelnykh standartov v zakonodatelstve subekta Rossiyskoy Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ufa, 2004. — 27 s.
11. Cherepanov V. A. Vseobshchee izbiratelnoe pravo: za i protiv // Vseobshchee izbiratelnoe pravo: za i protiv: materialy nauchnogo metodologicheskogo seminara po problemam teorii i praktiki izbiratel'nogo protsesssa. Vyp. 1 / отв. red. V. A. Cherepanov. — Stavropol: AGRUS Stavropolskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta, 2019. — S. 12–22.

12. Churov V. E., Ebzeev B. S. Demokratiya, svobodnye vybory i izbiratelnye prava grazhdan (kratkiy ocherk doktriny Konstitutsionnogo Suda Rossii) // Izbiratelnoe pravo i izbiratelnyy protsess v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii 2008–2012. T. 3. — M.: Grif i K, 2013. — S. 314–399.
13. Ebzeev B. S. Konstitutsionnoe pravo Rossii: uchebnik. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Prospekt, 2021. — 832 s.
14. Yum D. Traktat o chelovecheskoy prirode // Sochineniya: v 2 t. T. 1. — 2-e izd., ispr. i dop. — M.: Mysl, 1996. — 733 s.
15. 15. Phiri C. The Right to Run for Election in Zambia: A Preserve of the «Educated» Class? // Journal of Afrikan Low. — 2022. — Vol. 66. — No. 3. — P. 419–438.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.043-051

К. Т. Масталиев*

Конструкция правового механизма принудительного прекращения гражданства оптированных граждан

Аннотация. В статье рассматривается юридический механизм принудительного прекращения гражданства оптированных граждан. Особое внимание уделяется институту прекращения гражданства вследствие совершения преступления (приготовления к преступлению или покушения на преступление); действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ; неисполнения обязанности по первоначальной постановке на воинский учет. В ходе исследования нормативно-правовой базы и правоприменительной практики было отмечено, что законодательство требует доработки в части формализации оснований для прекращения гражданства лиц, которые приобрели его в ходе присоединения к Российской Федерации новых территорий в 2014 и 2022 гг. Так, автором обнаружены пробелы в законодательном регулировании относительно момента и факта взятия оптированными гражданами (как совершеннолетними, так и не достигшими возраста 18 лет) на себя обязательства по соблюдению Конституции РФ и законодательства РФ, нарушение которого влечет за собой прекращение российского гражданства. В работе делается вывод о необходимости внесения изменений в п. 2 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации».

Ключевые слова: прекращение гражданства; приобретение гражданства; оптация; натурализация; гражданство; устойчивая правовая связь; обязательство по соблюдению законодательства; Присяга гражданина РФ; юридическая конструкция; пробел в законодательстве.

Для цитирования: Масталиев К. Т. Конструкция правового механизма принудительного прекращения гражданства оптированных граждан // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 43–51. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.043-051.

The Design of the Legal Mechanism for the Compulsory Termination of Opted Citizens' Citizenship

Kirill T. Mastaliev, Postgraduate Student, Department of Constitutional and International Law,
National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation
kirill_9920@mail.ru

Abstract. The paper examines the legal mechanism for the forced termination of citizenship of opted citizens. Special attention is devoted to the institution of citizenship termination due to the commission of a crime (preparation for a crime or attempted crime); actions that pose a threat to the national security of the Russian Federation; and failure to comply with the obligation of initial military registration. During the investigation of the regulatory legal framework and law enforcement practices, it was noted that the legislation requires refinement concerning the

© Масталиев К. Т., 2025

* Масталиев Кирилл Тимурович, аспирант, ассистент кафедры конституционного и международного права Национального исследовательского Томского государственного университета
Ленина пр., д. 36, г. Томск, Российская Федерация, 634050
kirill_9920@mail.ru

formalization of grounds for the termination of citizenship of individuals who acquired it during the annexation of new territories to the Russian Federation in 2014 and 2022. The author identifies gaps in legislative regulation regarding the moment and fact of opting citizens (both adults and minors) assuming obligations to comply with the Constitution of the Russian Federation and Russian legislation, the violation of which results in the termination of Russian citizenship. The study concludes with a recommendation for amendments to paragraph 2 of part 1 of Article 2 of the Federal Law No. 138-FZ «On Citizenship of the Russian Federation» dated 28 April 2023.

Keywords: termination of citizenship; acquisition of citizenship; option; naturalization; citizenship; stable legal connection; obligation to comply with legislation; Oath of Russian Federation Citizenship; legal construct; gap in legislation.

Cite as: Mastaliev KT. The Design of the Legal Mechanism for the Compulsory Termination of Opted Citizens' Citizenship. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):43-51. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.043-051.

В 2014 и 2022 гг. в состав Российской Федерации вошли новые субъекты: Республика Крым и город федерального значения Севастополь, Донецкая Народная Республика, Луганская Народная Республика, Херсонская и Запорожская области. Основной целью воссоединения указанных территориально-государственных единиц с Россией является предоставление российским государством защиты проживающему там населению, создание условий, необходимых для сохранения его языковой, культурной, национальной и иной идентичности¹. Эффективность такой защиты проявляется прежде всего в предоставлении бывшим гражданами ДНР и ЛНР, бывшим гражданам Украины гражданства РФ посредством оптации.

В соответствии с действующим законодательством — Федеральным законом от 28.04.2023 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О гражданстве Российской Федерации»² (далее — Закон 2023 г.) — оптацию можно определить как право на выбор гражданства при изменении государственной принадлежности какой-либо террито-

рии³. Согласно Закону 2023 г. порядок и сроки оптации устанавливаются федеральным конституционным законом или международным договором РФ. Похожие нормы содержались и в Федеральном законе от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»⁴, действовавшем на момент присоединения регионов, однако упоминание о федеральном конституционном законе там отсутствовало (что, конечно, не означает, что отдельные условия оптации не могли им определяться).

Оптированное гражданство, равно как и приобретенное по иным предусмотренным законом основаниям, в науке и практике конституционного права выступает аксиологической категорией: именно оно служит обязательной предпосылкой для обладания лицом всей суммой конституционных и иных прав и свобод⁵, именно оно предопределяет обязанность государства в полной мере признавать, соблюдать и защищать права и свободы личности. Между тем институт гражданства имеет и вторую сторону — в ней правовая связь лица с государством

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.10.2022 № 36-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного Договора между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 7154.

² СЗ РФ. 2023. № 18. Ст. 3215.

³ Отметим, что речь идет непосредственно о включении территорий в состав Российской Федерации, поскольку часть 3 ст. 5 и часть 2.1 ст. 67 Конституции РФ в своей совокупности не допускают нарушения территориальной целостности России путем выхода части суверенной территории из ее состава.

⁴ СЗ РФ. 2002. № 22. Ст. 2031.

⁵ Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 3. М. : Проспект, 2022. С. 3.

выступает как институт защиты государственных интересов⁶, а значит, применительно к Российской Федерации, и интересов многонационального народа России в целом.

В этой связи напомним, что любое гражданство является двусторонне обязывающим, а нормативное регулирование института гражданства, порядка его приобретения и прекращения напрямую зависит от того, *во-первых*, какой объем прав, свобод и гарантий их реализации государство предоставляет своим гражданам, *во-вторых*, как и на каких условиях лицо приобретает гражданство и какие обязательства в отношении общества и государства на себя берет, *в-третьих*, при каких обстоятельствах устойчивая правовая связь может быть расторгнута.

На устанавливаемый государством перечень оснований расторжения такой связи влияет множество конкретно-исторических предпосылок. Так, в уже упомянутом Законе 2023 г. перечень оснований прекращения гражданства по сравнению с ранее действовавшим существенно расширен: помимо добровольных в его тексте появились и так называемые принудительные⁷. Это, вероятно, вызвано современной миграционной и геополитической обстановкой, а также внешней политикой, которую сегодня проводит наше государство. Современный институт принудительного прекращения гражданства, таким образом, направлен на защиту государственных интересов России, что проявляется главным образом в воспрепятствовании бывшим гражданам Украины, не желающим интегрироваться в российское общество, вести противоправную деятельность, нанося тем самым ущерб правопорядку и безопасности России, особенно в период проведения СВО.

В соответствии с гл. 4 Закона 2023 г. гражданство может быть утрачено в принудитель-

ном порядке, если лицо приобрело его не по рождению, в том числе при оптации. К такому выводу приводит буквальное толкование п. 2–3 ч. 1 ст. 22 указанного Закона, где закреплено, что гражданство может быть прекращено в случае, если: а) лицо сообщило заведомо ложные сведения в отношении обязательства соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ, что выразилось в совершении преступления (приготовления к преступлению или покушения на преступление), в совершении действий, создающих угрозу национальной безопасности РФ, в неисполнении обязанности по первичной постановке на воинский учет (п. 2); б) установлен факт представления лицом поддельных, подложных или недействительных документов либо сообщения им заведомо ложных сведений, на основании которых принималось решение о приеме в гражданство РФ или решение о признании гражданином РФ (п. 3).

Если правовая природа механизма реализации основания, указанного в п. 3 ч. 1 ст. 22, непротиворечива и предполагает сообщение практически любых⁸ заведомо ложных сведений и представление любых поддельных, подложных и недействительных документов, то относительно п. 2 ч. 1 ст. 22 необходимо *определить момент и способ дачи обязательства* по соблюдению Конституции и законодательства РФ, что по своей сути является юридическим фактом и последующей предпосылкой для реализации механизма принудительного прекращения гражданства по соответствующим основаниям. Поясним, что, исходя из норм действующего законодательства, гражданство может быть прекращено **не за** действия, перечисленные в п. 2 ч. 1 ст. 22 Закона 2023 г., **а вследствие** сообщения заведомо ложных сведений в отношении взятых на себя обязательств по

⁶ Кутафин О. Е. Указ. соч. С. 3.

⁷ Под принудительным прекращением гражданства в науке конституционного права понимается утрата гражданства по инициативе государства при отсутствии на то выраженной в установленном порядке воли соответствующего лица; принудительные основания перечислены в п. 2–3 ч. 1 ст. 22 Закона 2023 г.

⁸ «Стоит отметить и то, что суды общей юрисдикции не признавали правонарушением несообщение лицом при подаче заявления о приеме в гражданство сведений, которые являются открытыми и доступными для органов внутренних дел» (Коновалов Д. Д. Прекращение гражданства как мера конституционно-правовой ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2024. № 3. С. 127).

соблюдению Конституции и законодательства, что выразилось в конкретных противоправных действиях (п. 2 ч. 1 ст. 22). В рамках настоящей работы нам необходимо ответить на вопрос: *в какой момент и посредством каких действий оптированное лицо взяло на себя обязательство по соблюдению российского законодательства и взяло ли его вообще?*

Следует подчеркнуть, что обозначенные нормы закона не могут быть реализованы в отношениях статичности. Институт прекращения гражданства в целом и институт принудительного прекращения гражданства в частности имеют технологический характер⁹, то есть могут быть раскрыты в контексте процессуальных, последовательно совершаемых установленными субъектами действий, приводящих к закономерно установленному результату. Эти его характеристики позволяют говорить об институте прекращения гражданства как о формализованном в законе *правовом механизме*, имеющем свою собственную *юридическую конструкцию*. В науке верно замечено, что, «зная механизм, юрист может представить себе, какие звенья пройдет процесс воплощения нормы права в жизнь, какие остановки и сбои могут произойти в этом процессе. А значит, он в состоянии предложить научно обоснованный план повышения эффективности правового регулирования за счет укрепления его основных звеньев»¹⁰. С точки зрения особенностей, неточностей и пробелов в конструкции своего правового механизма

институт принудительного прекращения оптированного гражданства и будет рассмотрен в настоящей работе.

ДНР, ЛНР, Херсонская и Запорожская области. В соответствии со ст. 5 международных договоров от 30 сентября 2022 г.¹¹ со дня принятия в Российскую Федерацию новых субъектов и образования в составе РФ новых субъектов граждане ДНР, ЛНР, Украины и лица без гражданства, постоянно проживающие на этот день на территории присоединенных субъектов, признаются гражданами России, за исключением лиц, которые *в течение одного месяца* после этого дня заявят о своем желании сохранить имеющееся у них и (или) их несовершеннолетних детей иное гражданство либо остаться лицами без гражданства. В статье 5 федеральных конституционных законов уточняется, что указанные в нормах международных договоров лица приобретают гражданство РФ в результате признания, *при условии принесения Присяги* гражданина РФ¹² (от ее принесения освобождаются, помимо прочего, лица, не достигшие возраста 14 лет). Федеральные конституционные законы также конкретизируют, что паспорт гражданина России лицо может получить путем подачи заявления в порядке и по форме, которые установлены актом Президента РФ¹³. В свою очередь, соответствующий Указ Президента через бланкетные нормы обозначил, что заявление о выдаче паспорта гражданина РФ лицам, достигшим возраста 14 лет¹⁴, составля-

⁹ Кузнецова С. А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 1 (57). С. 11.

¹⁰ Исаков В. Б. Механизм правового регулирования. Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. М. : Высшая школа, 1987. С. 226.

¹¹ См., например: Договор между Российской Федерацией и Донецкой Народной Республикой о принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта (Москва, 30 сентября 2022 г.) // СЗ РФ. 2022. № 43. Ст. 7274.

¹² См., например: Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики» // СЗ РФ. 2022. № 41. Ст. 6930.

¹³ Указ Президента от 26.12.2022 № 951 «О некоторых вопросах приобретения гражданства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I). Ст. 189.

¹⁴ Для приобретения гражданства ребенком, не достигшим возраста 14 лет, его законные представители должны были подать соответствующее заявление, форма которого отдельно устанавливалась названным Указом.

ется по форме, утвержденной приказом МВД России от 16.11.2020¹⁵.

Между тем указанные формы заявлений не содержат сведений о том, что лицо каким-либо образом при заполнении заявления на получение паспорта берет на себя обязательство по соблюдению российского законодательства. Этим процедура оптации путем признания гражданства разительно отличается от приема в гражданство (п. 2 ст. 12 действующего Закона 2023 г.) и признания гражданином РФ (п. 3 ст. 13), так как в обоих перечисленных случаях, по нашему мнению, лицо берет на себя соответствующее обязательство посредством проставления подписи в специальной графе заявления, утвержденного Указом Президента РФ от 22.11.2023¹⁶. Такого рода подпись была необходима¹⁷ и при подаче заявления о приеме в гражданство или о восстановлении в гражданстве по законодательству, действовавшему в 2022 г.

Путем теоретико-эмпирического анализа нормативно-правовой базы приходим к промежуточному выводу: *в отличие от иных способов приобретения гражданства, при оптации в 2022 г. лицо письменно не оформляло свое обязательство по соблюдению российского законодательства, в то же время юридическая конструкция существующего института принудительного прекращения гражданства осуществима и реализуема только в случае нарушения такого обязательства*. Представляется, что соответствующее обязательство давалось исключительно посредством принесения Присяги гражданина РФ на основании ч. 1 ст. 5

федеральных конституционных законов о принятии в состав РФ новых субъектов. Ввиду этого роль Присяги при оптации гражданства в 2022 г. сводилась к двум функциям: а) даче обязательства (клятвы) по соблюдению Конституции и законодательства РФ, прав и свобод ее граждан, исполнению обязанностей гражданина РФ на благо государства и общества, защите свободы и независимости России; б) юридического факта для появления и сохранения правовой связи лица и государства (лица, не принесшие Присягу гражданина РФ, не приобретали российского гражданства). В отношении лица, приобретающего гражданство иным способом (например, в результате приема в гражданство) и приносящего Присягу, думается, что *ее роль сводится лишь к акту завершения процедуры натурализации, не связанному с взятием на себя каких-либо обязательств*. Между тем в науке распространено заблуждение, связанное с переоценкой значимости акта принесения Присяги гражданина РФ. Так, некоторые исследователи¹⁸ связывают реализацию института принудительного прекращения гражданства по основаниям, предусмотренным законом, с несоблюдением принесенной Присяги, что, безусловно, не соответствует действительности.

Примечательно, что, согласно международным договорам от 30.09.2024, Присягу приносят все лица (за исключением отдельных категорий), достигшие возраста 14 лет. В то же время и по действовавшему тогда Закону «О гражданстве РФ» 2002 г., и по действующему сегодня Закону от 2023 г. возраст принесения Присяги равен возрасту достижения совершеннолетия.

¹⁵ Приказ МВД России от 16.11.2020 № 773 (ред. от 26.07.2022) «Об утверждении Административного регламента Министерства внутренних дел Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по выдаче, замене паспортов гражданина Российской Федерации, удостоверяющих личность гражданина Российской Федерации на территории Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 2020. № 0001202012310102.

¹⁶ Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 889 (ред. от 10.12.2024) «Вопросы гражданства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 48 ст. 8551.

¹⁷ Указ Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» (ред. от 01.07.2021; утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Ковтун О. А., Терещенко Н. Д. Основные новеллы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2023 года // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 4. С. 112.

Вероятно, законодатель таким образом хотел, с одной стороны, подчеркнуть осознанный характер приобретения гражданства несовершеннолетними лицами, с другой — усилить патриотическую составляющую оптации. Любопытно, что изменения, предполагающие понижение возраста принесения Присяги гражданина РФ с 18 до 14 лет, в ноябре 2024 г. предложили внести в действующий Закон 2023 г. депутаты Государственной Думы РФ. В пояснительной записке к законопроекту они проводят прямую аналогию с федеральными конституционными законами от 04.10.2022¹⁹.

Республика Крым и город федерального значения Севастополь. В соответствии со ст. 5 Международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов (г. Москва, 18 марта 2014 г.)²⁰ лица, имеющие право на приобретение российского гражданства, «признаются гражданами Российской Федерации, за исключением лиц, которые в течение одного месяца после этого дня заявят о своем желании сохранить имеющееся у них и (или) их несовершеннолетних детей иное гражданство либо остаться лицами без гражданства». Федеральный конституционный закон, принятый на основании международного договора, каких-либо дополнительных требований не устанавливает. Следовательно, в указанном случае гражданство приобреталось *автоматически, без необходимости совершать какие-либо юридически значимые действия* для признания гражданином РФ, что

подтверждается и судебной практикой²¹. Вероятно, незаmysловатость процедуры признания и исключение лишних сложностей обусловлены непростым характером ситуации, при которой происходило изменение территориально-государственных границ²².

Между тем *представляется затруднительным определить момент взятия на себя обязательства о соблюдении российского законодательства новыми гражданами по Международному договору между Российской Федерацией и Республикой Крым... 2014 г.* Исходя из указанного, с одной стороны, юридически отсутствуют нормативные основания полагать, что оптированные граждане вообще давали такого рода обязательства, с другой — действующее законодательство в формулировках ч. 1 ст. 24, ч. 1 ст. 26 Закона 2023 г. четко устанавливает, что по указанным выше нормам закона гражданство может быть прекращено и «в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора»²³. Существующая практика принудительного прекращения гражданства также свидетельствует о распространении данной процедуры на оптированных граждан, постоянно проживающих на тот момент (2014 г.) в Крыму²⁴.

На основании вышеизложенного считаем, что юридическая конструкция механизма прекращения гражданства в отношении оптированных граждан несовершенно и требует доработки. В частности, речь идет о прекращении российского гражданства у лиц, постоянно проживающих на территории полуострова на

¹⁹ Законопроект № 769953-8 «О внесении изменений в статьи 21 и 37 Федерального закона “О гражданстве Российской Федерации”» // URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/769953-8#bh_note (дата обращения: 01.12.2024).

²⁰ СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 1570.

²¹ Решение Краснопереконского районного суда (Республика Крым) от 20.11.2023 по делу № 2-701/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

²² Гандалов Р. Б. Современные нормы права о понятии, особенностях, способах возникновения и прекращения гражданства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 6. С. 76.

²³ Закон 2023 г.

²⁴ Жителя Камчатки лишили гражданства РФ за призывы к экстремизму в отношении россиян // Известия. 2023. URL: <https://iz.ru/1583317/2023-10-03/zhitelia-kamchatki-lishili-grazhdanstva-rf-za-prizyv-k-ekstremizmu-v-otnoshenii-rossii> (дата обращения: 01.12.2024).

момент заключения Международного договора между Российской Федерацией и Республикой Крым... 2014 г. и получивших гражданство РФ в установленном порядке. Основываясь на произведенном анализе нормативного материала, отметим, что лица, признанные гражданами России в ходе обозначенных событий, не совершали активных действий, свидетельствующих о взятии на себя обязательства по соблюдению Конституции и законодательства РФ (напомним, что гражданство прекращается *именно вследствие нарушения такого обязательства*). Нельзя и утверждать, что такое обязательство ими взято не было: лицо, получившее гражданство, само признало образовавшуюся устойчивую правовую связь с Россией и не совершило активных действий, направленных на отказ от установления такой связи. Иными словами, приобретение гражданства России жителями Крыма в 2014 г. было подтверждено совершением конклюдентного бездействия²⁵.

Как уже было сказано выше, не является спорным и тот факт, что гражданство — это двусторонняя связь²⁶, порождающая необходимость того или иного законодательно определенного поведения как принимающим государством, так и принимаемым индивидом. На этот счет в науке конституционного права верно утверждается, что «наличие российского гражданства есть предпосылка для обладания человеком полным объемом прав и свобод, закрепленных в Конституции РФ и текущем законодательстве, а также исполнения всех обязанностей»²⁷. Таким образом, даже при пассивном подтверждении желания установить устойчивую правовую связь с Российской Федерацией лицо при любых обстоятельствах молчаливо соглашается не нарушать законодательные запреты и ответственно подходить к исполнению обязанностей.

Тем не менее, учитывая всё вышеперечисленное, считаем объективно необходимым восполнить обнаруженный пробел в законодательстве и внести в действующий Закон 2023 г. изменения, направленные на уточнение и конкретизацию момента взятия на себя соответствующего обязательства всеми лицами, которые приобрели гражданство не по факту рождения (в частности в ходе оптации). В этой связи пункт 2 ч. 1 ст. 22 предлагаем изложить в следующей редакции: «2) сообщение заведомо ложных сведений в отношении обязательства соблюдать Конституцию Российской Федерации и законодательство Российской Федерации при подаче заявления о приобретении гражданства Российской Федерации в соответствии с законодательством Российской Федерации, а равно отсутствие реальных намерений соблюдать указанное обязательство при приобретении гражданства Российской Федерации в результате признания гражданином Российской Федерации на основании федерального конституционного закона, международного договора Российской Федерации, что выразилось в том числе:».

Прекращение гражданства совершеннолетних лиц, не достигших на момент заключения международных договоров 2014 и 2022 гг. 18 лет. Отдельного внимания требует и вопрос прекращения гражданства оптированных лиц, которые приобрели гражданство в 2014 и 2022 гг., будучи несовершеннолетними. По смыслу действующего закона, как уже неоднократно было отмечено, гражданство прекращается только в случае нарушения обязательства по соблюдению Конституции и законодательства РФ. Очевидно, что несовершеннолетние лица, признанные гражданами РФ в 2014 г. наравне с достигшими возраста 18 лет, не документировали и не произносили

²⁵ Термин активно используется в цивилистическом процессе. См., например: *Двуречинский Д. В.* Конкретные действия и бездействие в цивилистическом процессе // *Российское право: образование, практика, наука.* 2023. № 3. С. 74–82.

²⁶ *Кутафин О. Е.* Указ. соч. С. 3.

²⁷ *Авакьян С. А.* Конституционное право России : учеб. пособие : в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2023. Т. 1. С. 590.

подобного рода обязательство, а несовершеннолетние лица, не достигшие возраста 14 лет в 2022 г., не приносили Присягу гражданина РФ. Предложенная в настоящей работе формулировка п. 2 ч. 1 ст. 22 Закона 2023 г. позволит сгладить обозначенную коллизию: *во-первых*, с ее помощью получится четко установить момент и факт взятия оптированным лицом любого возраста обязательства по соблюдению российского законодательства на основании и в силу норм международного договора и федерального конституционного закона, *во-вторых*, она в совокупности со статьей 8 указанного Закона подчеркнет факт следования гражданства ребенка гражданству родителей, в том числе и в отношении взятых родителями на себя обязательств по соблюдению российского законодательства.

В заключение отметим, что неявные на первый взгляд и не привлекающие особого внимания проблемы на самом деле представляют собой очень важный и юридически значимый пример, когда пробелы в законодательном регулировании *могут поставить под вопрос конституционность того или иного явления*. Как уже было отмечено в конституционной науке, по своей правовой природе процедура принудительного прекращения гражданства сходна с институтом лишения гражданства²⁸. С точки зрения юридической техники необходимо разграничить эти процедуры не просто с правоприменительной, но и с формально-юридической стороны, создав тем самым непротиворечивый фундамент причинно-следственной связи между волевым приобретением гражданства и фактом его прекращения по инициативе государства.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России : учеб. пособие : в 2 т. Т. 1. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2023. — 936 с.
2. Гандалоев Р. Б. Современные нормы права о понятии, особенностях, способах возникновения и прекращения гражданства // Вестник Московского университета МВД России. — 2022. — № 6. — С. 76–81.
3. Исаков В. Б. Механизм правового регулирования. Проблемы теории государства и права / под ред. С. С. Алексеева. — М. : Высшая школа, 1987. — 446 с.
4. Кетова Л. П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 7 (223). — С. 140–144.
5. Ковтун О. А., Терещенко Н. Д. Основные новеллы Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» 2023 года // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 4. — С. 109–114.
6. Коновалов Д. Д. Прекращение гражданства как мера конституционно-правовой ответственности // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. — 2024. — № 3. — С. 120–132.
7. Кузнецова С. А. К вопросу об определении понятия «правовой механизм» // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. — 2013. — № 1 (57). — С. 9–12.
8. Кутафин О. Е. Избранные труды : в 7 т. Т. 3. — М. : Проспект, 2022. — 592 с.

Материал поступил в редакцию 17 января 2025 г.

²⁸ Кетова Л. П. Институт лишения гражданства в России // Право и государство: теория и практика. 2023. № 7 (223). С. 143.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakyan C. A. Konstitutsionnoe pravo Rossii: ucheb. posobie: v 2 t. T. 1. — 7-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2023. — 936 s.
2. Gandaloev R. B. Sovremennye normy prava o ponyatii, osobennostyakh, sposobakh vzniknoveniya i prekrashcheniya grazhdanstva // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2022. — № 6. — S. 76–81.
3. Isakov V. B. Mekhanizm pravovogo regulirovaniya. Problemy teorii gosudarstva i prava / pod red. S. S. Alekseeva. — M.: Vysshaya shkola, 1987. — 446 s.
4. Ketova L. P. Institut lisheniya grazhdanstva v Rossii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. — 2023. — № 7 (223). — S. 140–144.
5. Kovtun O. A., Tereshchenko N. D. Osnovnye novelly Federalnogo zakona «O grazhdanstve Rossiyskoy Federatsii» 2023 goda // Gumanitarnye, sotsialno-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. — 2024. — № 4. — S. 109–114.
6. Konovalov D. D. Prekrashchenie grazhdanstva kak mera konstitutsionno-pravovoy otvetstvennosti // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11, Pravo. — 2024. — № 3. — S. 120–132.
7. Kuznetsova S. A. K voprosu ob opredelenii ponyatiya «pravovoy mekhanizm» // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. — 2013. — № 1 (57). — S. 9–12.
8. Kutafin O. E. Izbrannye trudy: v 7 t. T. 3. — M.: Prospekt, 2022. — 592 s.

Риски, связанные с отменой ограничения занятия одним и тем же лицом должности главы субъекта Российской Федерации более двух сроков подряд

Аннотация. В статье рассматривается проблематика отмены ограничения на количество последовательных сроков на посту главы субъекта РФ, на которые раньше могло избираться одно и то же лицо. Отмечается, что конституционно не установлена обязанность законодателей устанавливать такого рода ограничения, более того, подобное ограничение конституционно определено только для главы государства. И с учетом последних изменений в законодательстве России, а именно в связи с отменой ограничения на занятие одним и тем же лицом должности главы субъекта РФ более двух сроков подряд, если население удовлетворено работой главы региона, оно может избрать это лицо на третий срок и более. В статье выделены потенциальные риски, связанные с низким уровнем правосознания населения региона и его стремлением к стабильности, что может привести к консолидации власти на длительный период в руках не только одного человека, но группы людей, так как глава субъекта РФ участвует в формировании высшего органа исполнительной власти субъекта РФ. Делается вывод, что ограничение количества сроков полномочий главы субъекта РФ является важной мерой, направленной на защиту демократических принципов и предотвращение злоупотребления властью. Таким образом, данная норма должна быть возвращена в российское законодательство, несмотря на возможные аргументы в пользу ее отмены. Это связано с тем, что в сегодняшнем виде рассматриваемая норма не соответствует конституционному принципу сменяемости власти (ст. 1 и 3 Конституции РФ).

Ключевые слова: глава субъекта РФ; избирательный ценз; правовое государство; демократическое государство; пассивное избирательное право; предельный срок; сменяемость власти; монополия власти; демократия; правовая безграмотность.

Для цитирования: Ахременко А. С. Риски, связанные с отменой ограничения занятия одним и тем же лицом должности главы субъекта Российской Федерации более двух сроков подряд // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 52–59. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.052-059.

Risks Associated with the Abolition of Restrictions on Individuals Holding the Position of Head of a Constituent Entity of the Russian Federation for More than Two Consecutive Terms

Anastasia S. Akhremenko, Postgraduate Student, Department of Constitutional, Administrative, and Municipal Law, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
akhremenko.nastya@yandex.ru

Abstract. The paper addresses the issue of abolishing the limitation on the number of consecutive terms that an individual may serve as the head of a constituent entity of the Russian Federation. It is noted that the Constitution

© Ахременко А. С., 2025

* Ахременко Анастасия Сергеевна, аспирант, ассистент кафедры конституционного, административного и муниципального права Сибирского федерального университета
Свободный пр., д. 82а, г. Красноярск, Российская Федерация, 660041
akhremenko.nastya@yandex.ru

does not impose an obligation on lawmakers to establish such limitations. Moreover, such restrictions are constitutionally defined only for the Head of State. Considering the recent changes in Russian legislation — specifically the repeal of limits on holding the office of the head of a constituent entity for more than two consecutive terms — if the populace is satisfied with the performance of the regional head, they may opt to re-elect this individual for a third term or even longer. The paper highlights potential risks associated with a low level of legal consciousness among the regional population and their desire for stability, which could lead to the consolidation of power for an extended period, not only in the hands of a single individual but also within a group, as the head of a constituent entity plays a role in forming the highest executive body of that constituent entity. The author draws the conclusion that limiting the number of terms for the head of a constituent entity is an essential measure aimed at safeguarding democratic principles and preventing the abuse of power. Hence, this regulation should be reinstated in Russian legislation, despite potential arguments advocating for its abolition. This necessity arises from the fact that the current formulation of this norm does not align with the constitutional principle of the rotation of power, as articulated in Articles 1 and 3 of the Constitution of the Russian Federation.

Keywords: head of a constituent entity of the Russian Federation; electoral qualification; rule of law; democratic state; passive voting right; deadline; change of power; monopoly of power; democracy; legal illiteracy.

Cite as: Akhremenko AS. Risks Associated with the Abolition of Restrictions on Individuals Holding the Position of Head of a Constituent Entity of the Russian Federation for More than Two Consecutive Terms. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):52-59. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.052-059.

Введение

Данная тема поднята неслучайно. Это было продиктовано важностью выборов, которые занимают центральное место в демократических государствах, а также ролью в выборах самого государства и народа. И, так как глава 1 Конституции РФ декларирует, что Россия является демократическим государством, эта тема никогда не потеряет своей актуальности, ведь демократия без выборов невозможна. В Российской Федерации выборы представляют собой основополагающий механизм, с помощью которого народ как высший источник власти передает свои полномочия избранным должностным лицам. Эти выборные лица, в свою очередь, сотрудничают с другими, формируя остальные органы публичной власти РФ. И, как верно подмечает В. А. Черепанов, «формирование всей системы власти начинается с исходного делегирования народом своей власти путем прямых выборов»¹.

Актуальность темы обусловлена также необходимостью достижения баланса между пра-

вом народа самостоятельно определять своего лидера, будь то глава государства или глава субъекта РФ, и рисками, связанными с концентрацией власти в руках одного человека, что противоречит демократическим принципам.

Исследование позволяет обосновать необходимость вернуть в российское законодательство ограничение на замещение одним лицом должности главы субъекта РФ более двух сроков подряд. Это будет способствовать защите демократических институтов и предотвращению злоупотребления властью.

Основная часть

Один из ключевых элементов выборов в демократических странах — сменяемость власти (устоявшееся понятие в научном дискурсе), подразумевающая легитимную смену правящих лиц и состава выборных институтов, регулируемую нормативными актами, и предполагающая ограничение срока полномочий выборных должностных лиц. Это явление характеризует

¹ Черепанов В. А. О правовых вопросах сменяемости власти // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-pravovyh-voprosah-smenyamosti-vlasti> (дата обращения: 20.08.2024).

демократические процессы ротации власти, обеспечивающие периодическое обновление ключевых государственных постов. Сменяемость власти позволяет обеспечивать демократическую преемственность. На протяжении десятилетий сменяемость власти используется как показатель демократичности страны, свидетельствующий о степени свободы и честности выборов, а также о степени демократичности политического пространства².

А. А. Кондрашев выделяет несколько признаков, которые характеризуют сменяемость власти: 1) периодическую ротацию высших должностных лиц (например, в России глава государства переизбирается каждые шесть лет, а глава субъекта РФ — каждые пять лет; теперь для всех субъектов в нашей стране срок единый); 2) существование предельного возраста для занятия выборной должности; 3) и, наконец, создание барьеров, не позволяющих одному и тому же человеку долго занимать высший государственный пост. Такие барьеры бывают разными, например не более одного срока подряд или не более двух сроков как подряд, так и с перерывом³. Наличие всех этих признаков сменяемости власти позволяет предотвращать монополизацию власти. Далее статья будет посвящена третьему принципу сменяемости власти — установлению предельного количества сроков (каденций).

Сменяемость власти стала одним из наиболее популярных дискуссионных вопросов после конституционной реформы 2020 г. Практически

всё внимание было уделено появлению конституционной нормы, позволяющей действующему Президенту РФ переизбираться еще на два президентских срока (ч. 3.1 ст. 81 Конституции РФ), так как на момент написания статьи действующий Президент РФ занимает свой пост третий срок подряд (можно считать, что сейчас идет первый срок, так как предыдущие сроки главы государства до конституционных поправок не учитываются)⁴. В ходе конституционной реформы изменилась и норма п. 3 ст. 81: убрали слово «подряд», что означает еще большее ужесточение и ранее существовавшего ограничения. Теперь одно и то же лицо может быть главой государства только два срока в течение всей жизни (и неважно, подряд или с перерывом). Россия отказалась от «прерывистой» модели замещения одним и тем же лицом должности Президента РФ. Несмотря на это конституционное изменение, ограничение остается в силе и, можно смело сказать, даже ужесточается. И это логично, так как срок полномочий главы государства должен быть регламентирован, чтобы предотвратить злоупотребление властью. Если срок полномочий не ограничен, существует риск возникновения авторитарного государственного режима. Ограничение срока полномочий президента — это шаг к созданию системы сдержек и противовесов между высшими государственными институтами⁵.

Такое же ограничение ранее существовало и для глав субъектов РФ. Часть 5 ст. 18 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ⁶ уста-

² Lawal S. B. Election Administration and Peaceful Alternation of Power and Democratic Consolidation: A Case Study of 2015 General Election in Nigeria // Mazedan State Policies and Legal Review. 2024. Vol. 4. Iss. 2. P. 26. URL: https://www.researchgate.net/publication/381706746_ELECTION_ADMINISTRATION_PEACEFUL_ALTERNATION_OF_POWER_AND_DEMOCRATIC_CONSOLIDATION_A_CASE_STUDY_OF_2015_GENERAL_ELECTION_IN_NIGERIA (дата обращения: 20.08.2024).

³ Кондрашев А. А. Сменяемость власти как конституционная ценность // Российский юридический журнал. 2016. № 3 (108). С. 93–95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26300224> (дата обращения: 22.08.2024).

⁴ Конституция Российской Федерации: с изм., одобр. в ходе общерос. голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. <http://pravo.gov.ru/constitution/>. 2022.

⁵ Iriani D., Fauzan M., Ningrum E. Constitutional Court Judges' Interpretation Regarding the Limitation on the Presidential and Vice-Presidential Term of Office // Jurnal Jurisprudence. 2023. № 13 (1). P. 14. URL: https://www.researchgate.net/publication/377504453_Constitutional_Court_Judges'_Interpretation_Regarding_the_Limitation_on_the_Presidential_and_Vice-Presidential_Term_of_Office (дата обращения: 22.08.2024).

навливала, что глава субъекта РФ, вне зависимости от того, как он был избран на эту должность — путем прямых выборов населением или через депутатов законодательного органа субъекта РФ, не может занимать указанную должность более двух сроков подряд. То есть ранее законодательство предусматривало возможность так называемого прерывистого замещения должности главы субъекта РФ. Это означало, что одно и то же лицо могло многократно занимать этот пост при условии: не более двух сроков подряд и с перерывом между ними, равным одному сроку. Подобно тому, как это ранее практиковалось в отношении главы государства. Однако закон, содержащий эти положения, утратил силу. Сейчас же глава 3 относительно свежего Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ⁷, касающаяся высшего должностного лица субъекта РФ, не содержит положений, запрещающих одному и тому же лицу занимать эту должность более двух сроков подряд. Как следствие, законодатель отменил это ограничение, однако мотивы такого решения остаются неизвестными.

Как отмечено в учебнике С. А. Авакьяна, многие субъекты РФ копируют федеральную модель. Органы государственной власти субъекта РФ — это миниатюрная версия федеративного государства в целом. То есть на региональном уровне есть «мини-президент», который выступает в роли представителя и главы ре-

гиона⁸. Назревает вопрос: если глава субъекта РФ — это своеобразная версия главы государства, то почему для последнего законодатель посчитал необходимым оставить ограничение занимать одним и тем же лицом указанную должность не только более двух сроков подряд, а даже просто на два срока (всего!), а для главы субъекта РФ такое ограничение предпочел убрать?

Безусловно, законодатель конституционно не связан необходимостью установления подобного рода ограничения. В Конституции РФ в части, касающейся глав субъектов РФ, такой нормы нет (она конституционно предусмотрена только для главы государства РФ). Более того, нет даже нормы, обязывающей, чтобы главы субъектов РФ избирались путем прямых выборов проживающим в субъекте населением. Тем не менее еще в конце 1990-х — начале 2000-х Конституционный Суд РФ сформулировал четкую и недвусмысленную правовую позицию по этому вопросу. Так, в абз. 7 п. 6 постановления от 18.01.1996 № 2-П⁹ сказано, что, «поскольку федеративное устройство Российской Федерации основано на единстве системы государственной власти... органы государственной власти в субъектах Российской Федерации формируются на тех же принципах, что и федеральные». Это же мнение было дополнено в постановлении от 09.07.2002 № 12-П¹⁰ следующим: «...Государственная власть в субъектах Российской Федерации должна ба-

⁶ Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42. Ст. 5005 (утратил силу).

⁷ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (с изм. и доп. в ред. от 01.09.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. 21.12.2021.

⁸ Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Норма : Инфра-М, 2021. Т. 2. С. 853. URL: <https://znanium.ru/read?id=377635> (дата обращения: 25.08.2024).

⁹ Постановление Конституционного Суда РФ от 18.01.1996 № 2-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» // СЗ РФ. 1996. № 4. Ст. 409.

¹⁰ Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2002 № 12-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 18 и статьи 30.1 Федерального закона “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации”, статьи 108 Конституции Республики Татарстан, статьи 67 Конституции (Основного Закона) Республики Саха (Якутия) и части третьей статьи 3 Закона Республики Саха (Якутия) “О выборах Президента Республики Саха (Якутия)”» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2909.

зираться на тех же принципах формирования и функционирования, включая выборность и сменяемость, что и федеральная государственная власть». Во втором постановлении особое внимание уделяется принципу сменяемости власти. Важно отметить, что в этом документе рассматривалось дело, связанное с вопросом о том, может ли глава субъекта РФ занимать свой пост два срока подряд. В пункте 2.3 этого же постановления сказано, что глава субъекта РФ, наделенный «публичными полномочиями в системе государственной власти, обладает специальным конституционно-правовым статусом, частью которого являются обусловленная выборностью сменяемость и ряд иных условий избрания на эту должность и ее замещения».

Конституционный Суд РФ — важнейший институт конституционного контроля, занимающий основополагающее место в обеспечении верховенства Конституции РФ, гарантировании основных прав и свобод человека и гражданина. Его правовые позиции, сформулированные в решениях по конкретным делам, имеют особый статус и значение в российской правовой системе. Можно даже сказать, что решения Конституционного Суда обладают признаками, позволяющими сделать вывод, что они служат регулятором общественных отношений и являются источником права, даже несмотря на то, что в романо-германской правовой семье, к которой принадлежит и Россия, они таковыми не признаются. К таким признакам относятся общеобязательность, адресованность неопределенному кругу лиц, возможность неоднократного применения. Следовательно, правовые позиции, принятые Конституционным Судом, представляют собой волю государства, выраженную в судебных решениях. Кроме того, существенным аспектом решений Конституционного Суда выступает их обязательность для субъектов

законодательной и правоприменительной деятельности, что закреплено в ст. 125 Конституции РФ¹¹.

Но, как показывает практика, законодатели не всегда склонны придерживаться правовых позиций, установленных Конституционным Судом РФ. В ряде случаев они игнорируют эти позиции, руководствуясь, как нам кажется, политическими, экономическими или иными соображениями. Так и в нашем случае. Законодатели не приняли во внимание эти акты органа конституционной юстиции. Поэтому можно предположить, что законодатели под сменяемостью власти подразумевают лишь периодичность выборов, что, безусловно, присутствует в нашей стране, а также возможность самим гражданам выбирать главу субъекта РФ, но не такой важный признак, как ограничение количества сроков пребывания на выборном посту подряд одного и того же лица.

При этом множество государств с федеративным устройством устанавливают барьеры, по которым одно и то же лицо не может занимать должность главы субъекта больше установленного количества раз.

К примеру, в США ограничения по срокам полномочий действуют для губернаторов практически во всех штатах, но они различаются следующим образом: в некоторых штатах после двух сроков губернатор должен подождать один срок (равный четырем годам), прежде чем баллотироваться снова. В Вайоминге губернатор может занимать свой пост только восемь лет в течение 16-летнего периода. В Вирджинии — только один четырехлетний срок, после чего следуют два четырехлетних периода ожидания, прежде чем снова можно будет баллотироваться. В Нью-Гэмпшире сложная система: два годичных срока с последующим двухлетним периодом ожидания, без ограничения количества сроков¹².

¹¹ Жадан В. Н. Роль и функции Конституционного Суда РФ в современной отечественной системе конституционного права и правовом регулировании // Образование и право. 2021. № 7. С. 192. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-i-funktsii-konstitutsionnogo-suda-rossiyskoy-federatsii-v-sovremennoy-otechestvennoy-sisteme-konstitutsionnogo-prava-i-pravovom> (дата обращения: 25.08.2024).

¹² Simon C. A., Steel B. S., Lovrich N. P. State and Local Government and Politics: Prospects for Sustainability. 2nd Edition. Oregon State University, 2021. URL: <https://open.oregonstate.education/government/chapter/chapter-7/> (дата обращения: 26.08.2024).

На Филиппинах губернаторы провинций могут находиться у власти только в течение трех лет, и они не имеют права занимать эту должность более трех раз подряд. В Мексике и Колумбии главы регионов избираются однократно. В некоторых государствах, таких как Нигерия, законодательство позволяет одному и тому же человеку занимать должность главы региона только два раза (без каких-либо перерывов). Но предпочтительна модель, по которой глава региона может быть избран не более двух сроков подряд. Законодательство в разных странах имеет различные подходы к количеству сроков, в течение которых глава региона может находиться на должности¹³. Удивительно, но в то время как мы отменяем такие ограничения для глав регионов, большинство федеративных государств продолжают существовать с такого рода ограничениями.

В 2018 г. Венецианская комиссия, авторитетный консультативный орган Совета Европы по конституционному праву, опубликовала доклад, в котором проанализировала конституции 58 стран на предмет наличия или отсутствия ограничений на переизбрание президента. Комиссия пришла к важному выводу, что отмена ограничений на срок полномочий президента представляет собой регресс в плане демократизации, особенно в контексте президентской или полупрезидентской системы правления. Обоснованием такой позиции является то, что ограничение срока полномочий служит важнейшим инструментом защиты общества от чрезмерной концентрации власти в руках одного человека, а отмена ограничения сроков полномочий, соответственно, лишает общество этого важного инструмента¹⁴.

В случае с конституционно установленной возможностью действующего главы государства переизбираться еще на два срока подряд

можно сказать, что народ согласился с указанными изменениями посредством участия во всенародном голосовании за принятие поправок к Конституции РФ, хотя, как уже отмечалось, само ограничение на занятие указанной должности более двух сроков осталось и даже стало еще более жестким. В случае с региональными представителями власти, конкретно с главами субъекта РФ, решение было принято представителями народа. Что, однако, не означает, что таково было решение самого народа. Ограничение на два срока подряд было введено Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ, и это была отличная практика, которая защищала региональную власть от монополизации. Более того, как известно, глава субъекта РФ обладает рядом ключевых функций, например формирует и возглавляет высший орган исполнительной власти субъекта РФ, имеет колоссальное влияние на глав муниципальных образований / глав местной администрации и др. Однозначно следует резюмировать, что исполнительная власть в субъекте РФ может быть монополизирована не только одним человеком, региональным главой, а целой группой одних и тех же людей только из-за того, что законодатель убрал ограничение на замещение одним лицом должности главы субъекта РФ более двух сроков подряд.

Заключение

В отсутствие ограничений на предельное количество сроков на посту главы субъекта РФ лицо, замещающее указанную должность, получает возможность сохранять власть неограниченно долго, что создает потенциал для концентрации власти в субъектах РФ в руках одного человека, иными словами, происходит монополизация

¹³ Лысенко В. И. О порядке наделения полномочиями главы региона (субъекта федерации): зарубежный опыт // URL: <https://rfsv.ru/law/obuchenie/o-poriadke-nadeleniia-polnomochiiami-glavy-regiona-subekta-federatsii-zarubezhnyi-opyt> (дата обращения: 26.08.2024).

¹⁴ Ограничение сроков полномочий. Ч. I. Президенты : доклад Венецианской комиссии, одобрен Венецианской комиссией на ее 114-м пленарном заседании (Венеция, 16–17 марта 2018 г.). С. 23 // URL: <https://legal-sense.ru/wp-content/uploads/2020/05/Доклад-Венецианской-комиссии-об-ограничении-президентских-сроков.pdf> (дата обращения: 01.09.2024).

региональной власти. Введение ограничений по срокам полномочий позволяет обеспечить регулярную ротацию руководства на региональном уровне, не допуская закрепления власти в одних руках. Это, в частности, способствует повышению чувства ответственности главы субъекта РФ перед жителями региона. Кроме того, такой подход предотвращает злоупотребления и коррупцию, которые могут возникнуть из-за отсутствия контроля и безответственности со стороны власти.

Большинство глав субъектов РФ в нашей стране избираются населением субъекта РФ. В качестве обоснования отмены ограничения на возможность замещать эту должность одним и тем же лицом более двух сроков подряд могут привести аргумент, что народ субъекта РФ самостоятельно определяет, кто будет стоять во главе этого субъекта. Если население субъекта РФ удовлетворено тем, как конкретный глава субъекта осуществляет делегированные ему народом полномочия, оно имеет конституционное право избирать его три, четыре раза подряд и более. И это действительно отвечало бы требованиям современного демократического общества, где главным источником власти является народ. Однако, как отмечает Д. Г. Ротман, чувство стабильности вселяет в людей уверенность в завтрашнем дне, обеспечивает безопасность жителей страны и снижает социальную и политическую напряженность¹⁵.

Ограничение срока полномочий главы субъекта РФ представляет собой важнейший демократический правовой механизм предотвращения концентрации власти в руках одного человека. Это позволяет обеспечить ротацию кадров, по-новому взглянуть на решение региональных проблем и в долгосрочной перспективе способствует развитию демократических институтов. Несмотря на аргументы в пользу права народа определять своего лидера, необходимо учитывать потенциальные риски, связанные с правовой неграмотностью населения и стремлением к стабильности, что может привести к закреплению у власти одного и того же человека на длительный период. Аналогичной позиции придерживается и А. А. Кондрашев: «Признание права народа видеть конкретного человека президентом на третий или четвертый срок приведет к превращению государства в диктатуру»¹⁶. Это в такой же степени применимо и к главе субъекта РФ.

Таким образом, ограничение количества сроков полномочий главы субъекта РФ представляет собой важнейшую меру, направленную на реализацию демократических принципов и сдерживание злоупотребления властью. Эта норма должна быть возвращена в российское законодательство, конкретно в гл. 3 Федерального закона от 21.12.2021 № 414-ФЗ; несмотря на все аргументы, которые могут быть приведены в пользу ее отмены, минусов отмены этого ограничения прослеживается больше.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс : учеб. пособие : в 2 т. Т. 2. — 7-е изд., перераб. и доп. — М. : Норма : Инфра-М, 2021. — 936 с.
2. Жадан В. Н. Роль и функции Конституционного Суда Российской Федерации в современной отечественной системе конституционного права и правовом регулировании // Образование и право. — 2021. — № 7. — С. 190–198.
3. Кондрашев А. А. Сменяемость власти как конституционная ценность // Российский юридический журнал. — 2016. — № 3 (108). — С. 90–99.

¹⁵ Ротман Д. Г. Стабильность в государстве как ключевое условие поступательного улучшения качества жизни населения новых независимых государств // Вестник РУДН. Серия «Социология». 2014. № 4. С. 52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/stabilnost-v-gosudarstve-kak-klyuchevoe-uslovie-postupatel'nogo-uluchsheniya-kachestva-zhizni-naseleniya-novyh-nezavisimyh-gosudarstv> (дата обращения: 19.09.2024).

¹⁶ Кондрашев А. А. Указ. соч. С. 94.

4. *Ротман Д. Г.* Стабильность в государстве как ключевое условие поступательного улучшения качества жизни населения новых независимых государств // Вестник РУДН. Серия «Социология». — 2014. — № 4. — С. 45–57.
5. *Черепанов В. А.* О правовых вопросах сменяемости власти // Журнал российского права. — 2020. — № 11. — С. 30–44.
6. *Iriani D., Fauzan M., Ningrum E.* Constitutional Court Judges' Interpretation Regarding the Limitation on the Presidential and Vice-Presidential Term of Office // Jurnal Jurisprudence. — 2023. — № 13 (1). — P. 1–17. — DOI: 10.23917/jurisprudence.v13i1.1835.
7. *Lawal S. B.* Election Administration and Peaceful Alternation of Power and Democratic Consolidation: A Case Study of 2015 General Election in Nigeria // Mazedan State Policies and Legal Review. — 2024. — Vol. 4. — Iss. 2. — P. 24–35.
8. *Simon C. A., Steel B. S., Lovrich N. P.* State and Local Government and Politics: Prospects for Sustainability — 2nd Edition. — Oregon State University, 2021.

Материал поступил в редакцию 11 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Avakyan S. A.* Konstitutsionnoe pravo Rossii. Uchebnyy kurs: ucheb. posobie: v 2 t. T. 2. — 7-e izd., pererab. i dop. — M.: Norma: Infra-M, 2021. — 936 s.
2. *Zhadan V. N.* Rol i funktsii Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii v sovremennoy otechestvennoy sisteme konstitutsionnogo prava i pravovom regulirovanii // Obrazovanie i pravo. — 2021. — № 7. — S. 190–198.
3. *Kondrashev A. A.* Smenyaemost vlasti kak konstitutsionnaya tsennost // Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal. — 2016. — № 3 (108). — S. 90–99.
4. *Rotman D. G.* Stabilnost v gosudarstve kak klyuchevoe uslovie postupatel'nogo uluchsheniya kachestva zhizni naseleniya novykh nezavisimyykh gosudarstv // Vestnik RUDN. Seriya «Sotsiologiya». — 2014. — № 4. — S. 45–57.
5. *Cherepanov V. A.* O pravovykh voprosakh smenyaemosti vlasti // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2020. — № 11. — S. 30–44.
6. *Iriani D., Fauzan M., Ningrum E.* Constitutional Court Judges' Interpretation Regarding the Limitation on the Presidential and Vice-Presidential Term of Office // Jurnal Jurisprudence. — 2023. — № 13 (1). — P. 1–17. — DOI: 10.23917/jurisprudence.v13i1.1835.
7. *Lawal S. B.* Election Administration and Peaceful Alternation of Power and Democratic Consolidation: A Case Study of 2015 General Election in Nigeria // Mazedan State Policies and Legal Review. — 2024. — Vol. 4. — Iss. 2. — P. 24–35.
8. *Simon C. A., Steel B. S., Lovrich N. P.* State and Local Government and Politics: Prospects for Sustainability — 2nd Edition. — Oregon State University, 2021.

Конкуренция национальных правил по борьбе с уклонением от уплаты налогов с основными законами высокоинтегрированных формирований

Аннотация. Несмотря на взаимные санкции и международные противоречия, в 2020-х гг. достигнут международный консенсус в отношении мер по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и уклонению от уплаты налога. К настоящему времени в эволюции международного налогового режима и роли институтов, которые им управляют, согласованная налоговая политика транснационального налогообложения заняла самостоятельное место и нашла свою реализацию в национальных законодательствах не только стран G20/ОЭСР, но и большинства государств с развитыми налоговыми системами. Вместе с тем процессы турбулентности в экономической сфере последних 20 лет заставляют многие страны искать способы поддержки национальной экономики, в том числе путем предоставления экономических преференций в инвестиционной и налоговой сферах, что разрушает ранее достигнутые договоренности. Оппозиционное положение даже стран G20/ОЭСР и США, а также санкционная политика как инструмент давления подрывают достигнутый к 2017 г. консенсус в отношении плана BEPS. Кроме того, страны с развитой экономикой, а также высокоинтегрированные образования проводят конкурирующую налоговую политику и принимают собственные глобальные акты в вопросах транснационального налогообложения. Масштаб изменений, заложенных в окончательных отчетах BEPS, и принятие конкурирующих актов приводят к увеличению издержек налогового администрирования и росту экономической нагрузки.

Ключевые слова: противодействие размыванию налогооблагаемой базы; налоговая конкуренция; международные налоговые принципы и стандарты; международное налогообложение; транснациональный доход; минимальная ставка налога; Конвенция о международном налогообложении; план BEPS; борьба с уклонением от уплаты налогов; налоговый оазис; налоговый стандарт.

Для цитирования: Бортников С. П. Конкуренция национальных правил по борьбе с уклонением от уплаты налогов с основными законами высокоинтегрированных формирований // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 60–74. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.060-074.

Competition between National Anti-Tax Evasion Rules and Basic Laws of Highly Integrated Formations

Sergei P. Bortnikov, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Director of the Institute of Law,
Samara State University of Economics, Samara, Russian Federation
serg-bortnikov@yandex.ru

Abstract. Despite mutual sanctions and international controversies, the 2020s have witnessed the establishment of an international consensus regarding measures to combat the erosion of the tax base and tax evasion. To date, in the evolution of the international tax regime and the role of the institutions governing it, a coherent tax policy for transnational taxation has acquired an independent status and has been integrated into the national legislations of not only G20/OECD countries but also the majority of nations with developed tax systems. However, the turbulent economic processes of the past two decades have compelled many countries to seek methods of supporting their national economies, including the provision of economic preferential treatment in investment and tax spheres, thereby undermining previously achieved agreements. The divergent positions of even G20/OECD countries and the United States, coupled with the use of sanctions as a pressure tool, threaten to dismantle the consensus reached by 2017 regarding the BEPS plan. Furthermore, developed economies and highly integrated entities are pursuing competing tax policies and enacting their own global legislation concerning transnational taxation. The scale of changes outlined in the final BEPS reports, along with the adoption of these competing legislative measures, is contributing to an increase in tax administration costs and a heightened economic burden.

Keywords: counteraction against the tax base erosion; tax competition; international tax principles and standards; international taxation; transnational income; minimum tax rate; United Nations Framework Convention on International Tax Cooperation; Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting; combatting tax evasion; tax haven; tax standard.

Cite as: Bortnikov SP. Competition between National Anti-Tax Evasion Rules and Basic Laws of Highly Integrated Formations. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):60-74. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.060-074.

Проект BEPS представляет собой согласованные усилия правительств-участников по изменению условий, на которых они участвуют в налоговой конкуренции в отношении многонациональных предприятий.

Основными предпосылками, вызвавшими необходимость его появления, стали налоговые манипуляции изменением центра извлечения прибыли на фоне быстрого развития транснациональных корпораций, а также формализации межотраслевых институтов для целей получения налоговых льгот в низконалоговых юрисдикциях. В качестве своего рода реакции ОЭСР еще в 2013 г. разработала план мероприятий по противодействию размыванию налогооблагаемой базы и выводу прибыли из-под налогообложения. Ежегодно ОЭСР публикует отчеты о реализации 15 проблемных мероприятий.

Многолетняя кампания G20/ОЭСР по борьбе с размыванием налоговой базы и перемещени-

ем прибыли (BEPS — Action Plan on Base Erosion and Profit Shifting) к настоящему времени заняла самостоятельное место в эволюции международного налогового режима и реализовалась в национальных законодательствах не только стран G20/ОЭСР, но и большинства стран с развитыми налоговыми системами.

Можно утверждать, что, несмотря на взаимные санкции и международные противоречия, в 20-х гг. XXI в. достигнут международный консенсус в отношении результатов проекта BEPS G20/ОЭСР путем сравнения национальных мер по выполнению ключевых мандатов, рекомендаций и передовой практики BEPS.

В той или иной форме реализация плана нашла свое место в 18 странах — членах G20, в 27 из 38 стран — членов ОЭСР и 14 юрисдикций, которые не входят ни в G20, ни в ОЭСР. На страны, включенные в сферу влияния ОЭСР, приходится около 55 % мирового ВВП, и, конеч-

но, с этим следует считаться. В 2007 г. Россия получила приглашение к началу официальных переговоров по вступлению в ОЭСР. Однако после начала СВО Совет ОЭСР заявил о прекращении переговоров и приостановке совместной проектной деятельности¹. Тем не менее Россия ориентируется на разработки ОЭСР, в том числе и путем изменения национального законодательства. Например, в налоговом законодательстве с 2011 г. введены правила о сделках между взаимозависимыми лицами и трансфертном ценообразовании, с 2014 г. — о контролируемых иностранных компаниях, бенефициарном владельце и т.п.

На наш взгляд, толчок к развитию вышеуказанных новелл дали террористический акт 2001 г.² и кризис 2008 г., поэтому следует учесть взаимное влияние как международных актов, так и национального законодательства. Важно напомнить, что проект BEPS ОЭСР является продолжением ее Доклада о вредной налоговой конкуренции 1998 г.³, который, в свою очередь, последовал за принятием Советом ЕС Ecofin Кодекса поведения в области налогообложения бизнеса в 1997 г.⁴ Проект ОЭСР по борьбе с вредной налоговой конкуренцией был отложен в сторону из-за сворачивания проекта админи-

страцией Буша, но Европейский Союз продолжил работу с группой по Кодексу поведения (налогообложение бизнеса) и расширению применения доктрины государственной помощи в налогообложении.

Принятый в 2010 г. Закон США Foreign Account Tax Compliance Act (FATCA)⁵ в борьбе с бегством капиталов и сокрытием фондов за пределы США обязал иностранные финансовые институты и национальные юрисдикции по запросу США раскрывать информацию о счетах американских резидентов. В своем развитии FATCA стал основой для заключения соглашений с разными странами. На основе американского Закона в 2014 г. был принят Единый стандарт автоматического обмена финансовой информацией — Common Reporting Standard (CRS), правовой формой которого стала открытая для присоединения Конвенция о взаимной административной помощи по налоговым вопросам (МСАА), направленная на раскрытие информации о зарубежных счетах и фондах налогоплательщиков (в том числе об их владельцах и состоянии счетов). В России автообмен информацией в соответствии с CRS начал осуществляться с 2017 г. согласно постановлению Правительства РФ № 693⁶ и пп. 4 п. 1 ст. 102 НК РФ⁷.

¹ См.: Материалы работы ОЭСР // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/vneshneekonomicheskaya_deyatelnost/mnogostoronnee_ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/oesr/ (дата обращения: 01.11.2024).

² Был принят закон USA PATRIOT Act (полное наименование: Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001, Акт «О сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» 2001 г.), действовавший с 2001 по 2015 г. URL: <https://www.congress.gov/bill/107th-congress/house-bill/3162/text/enr> (дата обращения: 01.11.2024).

³ Доклад о вредной налоговой конкуренции: возникающая глобальная проблема / ОЭСР, 1998 (OECD (1998). Harmful Tax Competition: An Emerging Global Issue. OECD Publishing, Paris) // URL: <https://doi.org/10.1787/9789264162945-en> (дата обращения: 21.11.2024).

⁴ Кодекс поведения в области налогообложения бизнеса в 1997 (Conclusions of the ECOFIN Council Meeting on 1 December 1997 concerning taxation policy — Resolution of the Council and the Representatives of the Governments of the Member States, meeting within the Council of 1 December 1997 on a code of conduct for business taxation — Taxation of saving, OJ C 2, 1998, 6 Jan. P. 1–6 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A31998Y0106%2801%29> (дата обращения: 21.11.2024).

⁵ URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF12166> (дата обращения: 01.11.2024).

⁶ Постановление Правительства РФ от 16.06.2018 № 693 (в ред. от 11.07.2022) «О реализации международного автоматического обмена финансовой информацией с компетентными органами иностранных государств (территорий)» // СЗ РФ. 2018. № 26. Ст. 3858.

К 2020 г. в отношении BEPS поутих энтузиазм со стороны Соединенных Штатов после завершения проекта и опубликования окончательных отчетов, в которых не были достигнуты некоторые налоговые цели США. Конечно, это изменение позиции Соединенных Штатов вызвало некоторую обеспокоенность международного сообщества, однако надо отметить, что многие подходы BEPS уже включены в законодательство США. Открытым остается вопрос о том, откажутся ли Соединенные Штаты от отчетности по каждой стране (CbCr)⁸.

Отраслевые отчеты показывают, что влияние инициативы BEPS на конкретную юрисдикцию определяется по крайней мере тремя ключевыми факторами:

- степенью соответствия национального законодательства положениям BEPS как на момент принятия плана, так и по мере его внедрения;

- степенью улучшения экономических результатов в результате реализации положений BEPS по сравнению с опытом национальной юрисдикции до принятия BEPS;

- степенью вовлеченности национальной юрисдикции в этапы формирования инициативы, предшествующие обнародованию окончательных планов действий BEPS.

Страны по-разному мотивированы к имплементации идей BEPS в национальную практику и законодательство. Часть стран, придерживаясь консенсуса по BEPS, приняли правила под давлением коллег, некоторые сослались на

препятствия для участия в BEPS в виде нехватки ресурсов, другие — на отсутствие ожидаемых выгод от предлагаемых реформ по сравнению со стоимостью их внедрения.

Желание юрисдикций и заинтересованных сторон продвигать различные аспекты BEPS для достижения своих собственных политических и экономических целей всегда присутствует, даже если мотивы в каком-либо конкретном случае неочевидны. Хотя прозрачность является ключевой темой BEPS, многие процессы, посредством которых развиваются налоговые нормы как внутри государства, так и за его пределами, по-прежнему характеризуются неясностью.

Не столь однозначно воспринимают призывы к универсализации плана и в научной среде. Принимая во внимание многочисленные комментарии, можно сделать вывод, что «в международном налоговом дискурсе существует основная проблема, которая заключается в том, что ОЭСР ориентируется на себя и игнорирует институциональные возможности каждой страны, как будто можно применять одни и те же критерии во всем мире. Трансфертное ценообразование — отличный пример попытки универсализировать стандарт, который явно не может быть применен повсеместно»⁹.

В период санкционной войны и на третьем году СВО стали неактуальными опасения потерять позиции в мире с точки зрения конкурентоспособности в привлечении глобальных торговых и инвестиционных потоков или сочетания этих факторов. Появление сильных регио-

⁷ Федеральный закон от 27.11.2017 № 340-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний» // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7312.

⁸ Страновой отчет (Country-by-Country Reporting (CbCR)) подает материнская компания международной группы компаний в юрисдикции по месту нахождения материнской компании или уполномоченный участник МГК в юрисдикции по месту нахождения уполномоченного участника МГК. Отчет содержит информацию о финансовых показателях, численности работников МГК в разрезе налоговых юрисдикций ее присутствия и информацию об основных видах деятельности каждой компании МГК, согласно пп. 1, 3 ст. 105.16-6 НК РФ, по установленному формату только в электронной форме. С 2017 г. подача страновых отчетов (CbCR) в России является обязательной.

⁹ Rocha S. A. International Taxation, Epistemologies of the South, and Institutional Capacities: Transfer Pricing and the Universalization of the OECD Standards // URL: <https://kluwertaxblog.com/2018/05/07/international-taxation-epistemologies-south-institutional-capacities-transfer-pricing-universalization-oecd-standards/> (дата обращения: 01.11.2024).

нальных центров оказывает гораздо большее влияние на гармонизацию налогового законодательства, которая может быть стимулирована экономическими выгодами.

Европейский Союз предпринял шаги по гармонизации требований BEPS и их реализации в рамках ЕС, используя директивы Совета и другие руководящие указания, что остается основным методом, с помощью которого государства — члены ЕС обеспечивают соблюдение требований BEPS. Процесс имплементации в ЕС имеет решающее значение для приведения мер реагирования государств — членов ЕС на BEPS в соответствие со свободами ЕС, предусмотренными Договором о функционировании Европейского Союза и толкованиями этих свобод Европейским Судом (CJEU), а также стандартами ЕС в отношении государственной помощи в рамках указанного договора.

Однако прошедший в России в октябре 2024 г. саммит БРИКС показал, что универсализация мира ОЭСР — всего лишь отражение того, что можно найти в социальной теории в целом. Португальский профессор Б. де Соуза Сантуш утверждает, что необходимо развивать «эпистемологию Юга»¹⁰ — социальную теорию, учитывающую конкретные ситуации и взгляды развивающихся стран, а мы также добавим: стран с государственно-капиталистической системой и стран постсоветского пространства, КНР, Индии, Ирана и пр.

С. А. Роха заявляет, что международное налогообложение определяется интересами развитых стран, которым удалось превратить международные налоговые принципы и стандарты, выгодные их позиции, в универсальные и общие принципы международного налогообложения. Такое положение дел приводит к «международному налоговому империализму»¹¹, то есть «преобразованию определенных налоговых критериев, выгодных интересам развитых стран, в международные налоговые

стандарты, которые становятся базовыми принципами международного налогообложения»¹².

С разной степенью успеха страны ОЭСР почти сто лет продвигают идеи и стандарты по сотрудничеству в сфере международного налогообложения, исходя из предпосылки (или по крайней мере из риторики) о том, что сотрудничество выгодно всем его участникам, так как все проиграют, если каждый государственный субъект будет преследовать собственные интересы и откажется от сотрудничества. Как указывает профессор Т. Даган, «здесь мы видим проблемную стратегическую динамику игры, которая заставляет некоторых государственных деятелей выбирать действие (дезертирство), противоречащее их интересам. Однако в нарративе о сотрудничестве упускается из виду противоположная альтернатива: для некоторых государств тот факт, что они сотрудничают, не обязательно означает, что это лучший вариант для них... Иногда государства сотрудничают несмотря на то, что это не в их интересах»¹³.

Такая ситуация приводит к налоговой колонизации умов жителей развивающихся стран и стран с формирующимся рынком, которые, скорее всего, рассматривают международную налоговую политику своих стран с позиции *международных* рамок.

Не все национальные формы налогообложения и администрирования налогов имплементируются другими странами. Тогда почему развивающиеся и новые индустриальные страны должны двигаться в направлении плана ОЭСР, если есть другой способ контролировать сделки между связанными сторонами? Слепое включение мероприятий плана в национальное законодательство может привести к тому, что эти страны будут действовать вопреки собственным интересам. Рискнув дать интуитивный ответ, можно предположить, что для некоторых развивающихся стран и стран с формирующимся рынком близость к ОЭСР привлекательна с точки

¹⁰ Souza Santos B. *Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide*. Routledge, 2016.

¹¹ Rocha S. A. *Op. cit.*

¹² Rocha S. A. *Op. cit.*

¹³ Dagan T. *International Tax Policy: Between Competition and Cooperation*. Cambridge University Press, 2018. P. 183–184.

зрения экономических выгод, что может объяснить, почему некоторые из них стремятся стать полноправными членами организации.

В отчетах о юрисдикциях, не входящих в G20 и ОЭСР, неизменно выражается обеспокоенность историческими проблемами, с которыми сталкиваются юрисдикции на этапе их развития. К ним относятся отсутствие достаточного внутреннего технического опыта, нехватка ресурсов для надлежащего проведения реформ и опасения по поводу поддержания конкурентоспособности и привлечения иностранных инвесторов. Для успешного осуществления проекта BEPS ОЭСР по пересмотру налоговых систем во всем мире важно решить эти проблемы.

Нельзя ожидать, что изменения в заданном масштабе будут реализованы немедленно и что они пройдут безболезненно. Часто страны выражают озабоченность в связи с увеличением затрат на соблюдение требований, возросшей неопределенностью и повышенным риском судебных разбирательств для налогоплательщиков и налоговых органов. Эти опасения возникают на фоне более широкой неопределенности в мировой экономике, а также в налоговом законодательстве. Вопрос заключается в том, приведут ли действия BEPS, которые были направлены на борьбу со злоупотреблениями и использованием юрисдикций-посредников для размывания базы, к значительному сопутствующему ущербу для экономической деятельности.

Сам проект BEPS ни в коем случае нельзя рассматривать как какую-то обучающую платформу для стран с проблемными сферами налогообложения — это не учеба, а реальность. Институциональная формализация процесса установления глобальных стандартов налоговой политики затрагивает большинство стран

вне зависимости от того, к какому блоку они относятся. Роль и значение проекта BEPS G20/ОЭСР хорошо иллюстрируют отчеты IFA, где проводится анализ результатов мониторинга и имплементации положений плана, на которые мы укажем ниже¹⁴.

Проект BEPS не является уникальным крупным мероприятием по глобальному сотрудничеству в период после финансового кризиса в области налогообложения:

1) первый проект был в основном межправительственным и предусматривал прозрачность в сфере обмена информацией и регулирования процентных ставок;

2) проект налогового сотрудничества G20 и ОЭСР по налоговой политике для достижения уверенного устойчивого роста;

3) глобальный форум по прозрачности и обмену информацией для целей налогообложения в качестве международной организации, которая согласовала расширенные стандарты обмена информацией;

4) стимулирование роста налоговой политики и обеспечение определенности.

Работа по обеспечению прозрачности была предпринята в ответ на опасения по поводу потери доходов в условиях жесткой экономии после финансового кризиса, протесты общественности относительно раскрытия незарегистрированных финансовых счетов и стремление к расширению обмена информацией для борьбы с финансовой поддержкой глобального терроризма и преступной деятельности.

После бегства фондов из США, наказания европейских банков, поиска следов заемных средств и прочего для всех стала очевидной задача не столько налогового, сколько глобального фискального сотрудничества и обмена информацией.

¹⁴ Международная финансовая ассоциация (МФА, или IFA) — неправительственная и межотраслевая международная организация, занимающаяся финансовыми вопросами. В ее состав входят налогоплательщики, их консультанты, государственные служащие, представители судебной власти и университетские профессора, поэтому она является уникальным форумом для обсуждения международных финансовых вопросов. МФА объединяет более 10 тыс. практиков, налоговых чиновников и ученых из 90 стран-членов, занимающихся налогообложением международных операций и изучением сравнительных налоговых систем. С момента своего основания в 1938 г. IFA, базирующаяся в Роттердаме, в сочетании с деятельностью отделений в каждой стране обеспечивает сочетание комплексных исследований в области между-

Во всё более взаимосвязанной глобальной экономике а) внутренняя и б) трансграничная налоговая политика взаимосвязаны, а для достижения *сильного, устойчивого и сбалансированного роста* во всей мировой экономике необходимы постоянные усилия во всех областях политики. Была нужна площадка для международной координации. Однако до настоящего времени еще не оценены последствия этой инициативы, а санкционная война, формирование многополярных высокоинтегрированных экономико-политических центров, региональные войны не позволяют оценить степень влияния инициатив на текущие усилия по проведению различия между повышением благосостояния и вредной налоговой конкуренцией.

Для борьбы с BEPS ОЭСР сформулировала концепцию международных налоговых отношений, которая а) смягчает агрессивную налоговую конкуренцию между правительствами в пользу более тесного налогового сотрудничества и координации; б) способствует применению согласованного подхода к трансграничному налогообложению доходов, который позволяет юрисдикции отказывать в налоговых льготах, когда это необходимо для защиты своей налоговой базы (а также для увеличения налоговой базы во избежание двойного налогообложения); в) уменьшает трансграничную информационную асимметрию между налогоплательщиками и правительствами посредством мер по повышению прозрачности.

В качестве базовой архитектуры консенсуса BEPS определены три широкие категории правовых реформ: а) те, которые, как правило, требуют принятия внутренних законодательных или административных мер, б) те, которые, как правило, требуют принятия мер на основе международных договоров, в) и те, которые

конкретно касаются трансфертного ценообразования и страновых отчетов (CbCr).

Результаты заключительных отчетов BEPS варьировались от *обязательных* минимальных стандартов до рекомендаций, передовой практики и обсуждения вопросов, которые потребовали бы дополнительной работы (например, по цифровой экономике и многостороннему правовому инструменту (MLI¹⁵) для изменения соглашений об избежании двойного налогообложения).

Следует отметить, что изучение разработки и внедрения результатов BEPS сопряжено с рядом трудностей. Сфера охвата 15 пунктов BEPS очень широка и включает пересекающиеся области налогового права, многие из которых связаны с технически сложными концепциями и правилами, а многие из них являются политически чувствительными.

Проводимая Европейским Союзом политика и развитие им своих собственных подходов к регулированию глобального налогового сотрудничества привели к появлению параллельной платформы реформ, которая повлияла на некоторые результаты ОЭСР, а в других случаях не полностью соответствует результатам BEPS. Эти различия частично обусловлены предполагаемыми ограничениями в рамках TFEU¹⁶, а иногда представляют собой отступление от консенсуса ОЭСР.

В настоящее время есть основания полагать, что значительные политические трансформации в Соединенных Штатах в связи с новым избранием президента Д. Трампа и сменой властных элит приведут к изменению условий для реализации результатов BEPS и дальнейшей проработки нерешенных вопросов. В Соединенных Штатах с момента первого избрания Д. Трампа республиканское большинство в Палате пред-

народного налогообложения и разработки программ и инициатив, имеющих актуальное практическое значение. URL: <https://www.ifa.nl/ifa-cahiers> (дата обращения: 06.11.2024).

¹⁵ Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения (Multilateral Instrument, или MLI) (ратифицирована Федеральным законом от 01.05.2019 № 79-ФЗ с оговорками и заявлениями) // СЗ РФ. 2019. № 18. Ст. 2203.

¹⁶ См., например: URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/documents/2023/_GCC%20Country%20Economic%20Profile%20-%20UAE%20October%202023.pdf (дата обращения: 06.11.2024).

ставителей уже пытались реализовать план налоговой реформы, который включал механизм корректировки налогов в трансграничных коммерческих отношениях. Даже на стадии обсуждения это отразилось на условиях международной налоговой конкуренции для многонациональных инвестиций и деловой активности. Многие страны скорректировали национальные подходы к трансграничному налогообложению маркетплейсов и электронной торговли, что негативно сказалось на дальнейшем сотрудничестве в налоговой сфере, как это уже случалось ранее.

Противостояние ЕС и США, а также их налоговая конкуренция оказывают свое влияние и на судебные постановления.

10 сентября 2024 г. Европейский Суд удовлетворил требования Европейской комиссии и постановил, что две ирландские дочерние компании Apple Inc. получили незаконную государственную помощь от Ирландии в виде налоговых льгот на сумму примерно 14,1 млрд евро¹⁷. Дело в том, что налоговые решения могут считаться государственной помощью, если они предоставляют рассматриваемой компании более выгодные условия, чем обычный режим корпоративного налогообложения в соответствующем государстве-члене.

Ранее Европейский Суд постановил, что ориентиром, по которому оценивается налоговая мера, должны быть внутренние налоговые правила государства — члена ЕС. Ранее принятые Комиссией решения, согласно которым налоговые решения приравнивались к незаконной государственной помощи, в делах, связанных с Fiat Chrysler, Amazon и Engie¹⁸, были отменены Европейским Судом, поскольку он постановил, что Комиссия проигнорировала положение

применимого национального налогового законодательства и объяснения, представленные государством в обоснование налогового решения, а в некоторых случаях предпочла обойти обоснование применения принципа «вытянутой руки»¹⁹. В большинстве стран, в том числе и в России, для целей налогообложения применяются сопоставимые цены, если сделки совершаются взаимозависимыми лицами или в случае колебания цен сделок при сопоставимых условиях.

Однако отраслевые отчеты показывают, что влияние инициативы BEPS на конкретную юрисдикцию определяется такими факторами, как, во-первых, степень, в которой ее законодательство уже в значительной степени соответствует положениям BEPS; во-вторых, степень, в которой реализация положений BEPS, по-видимому, способна обеспечить положительные доходы, или экономические результаты, или и то и другое относительно опыта и представлений юрисдикции до BEPS; и, в-третьих, тип и степень вовлеченности юрисдикции в этапы формирования инициативы, предшествующие обнародованию окончательных планов действий BEPS.

Юрисдикции, входящие лишь в бюро CFA ОЭСР, инициировали и разработали повестку дня для проекта BEPS. Эти страны, по-видимому, присоединятся к консенсусу BEPS, поскольку они достаточно сходны в экономическом плане и составляют ядро членов ОЭСР; у них была возможность участвовать в формировании и развитии инициативы BEPS с самого начала процесса; BEPS является средством «уговоров» (с использованием рычагов влияния) и давления со стороны других юрисдикций с целью тиражирования их собственных предпочтений в области внутренней политики.

¹⁷ Дело C-465/20 P — Commission v. Ireland and Others. Judgment ECLI:EU:C:2024:724 // URL: <https://curia.europa.eu/juris/documents.jsf?num=C-465/20%20P> (дата обращения: 16.11.2024).

¹⁸ Дело C-885/19 P и C-898/19 P, Fiat Chrysler Finance Europe и другие против ЕК, решение Европейского Суда от 08.11.2022.

¹⁹ Принцип «вытянутой руки» (Arm's length principle) представляет собой совокупность правил, применяемых при определении соответствия цен в сделках между взаимозависимыми лицами рыночным. Эти правила предусмотрены разделом V.1 НК РФ, и на них указывает ФНС РФ в письме Минфина России от 29.04.2014 № 03-01-РЗ/20100 «По вопросам применения страховщиками положений раздела V.1 Налогового кодекса РФ» // СПС «КонсультантПлюс».

Индийские суды рассматривали крайне мало дел об уклонении от уплаты налогов по Закону о подоходном налоге 1961 г. Но с принятием Закона о финансах 2012 г. вступившей в силу в 2017 г. судебной доктриной были разработаны принципы для борьбы с соглашениями, заключенными с намерением избежать налогообложения (JAAR: судебные правила борьбы с уклонением от уплаты налогов)²⁰. Еще до знаменитого дела Vodafone индийские суды рассматривали сложный вопрос уклонения от уплаты налогов в серии судебных решений, в которых формулировались различные принципы, в том числе «суть важнее формы», «снятие корпоративной вуали», «противодействие структурам, уклоняющимся от уплаты налогов, на основе государственной политики»²¹. Кроме того, в результате последовательных судебных решений был разработан ряд законодательных мер по введению в Закон множества конкретных мер по борьбе с уклонением от уплаты налогов²².

Для стран ядра членов ОЭСР попытка BEPS осуществить международную передачу норм налогового законодательства в значительной степени продиктована личными интересами, защищающими их экономику. Однако в некоторых юрисдикциях, соответствующих консенсусу G20/ОЭСР, ограниченность ресурсов становится препятствием для участия в BEPS и его реализации. Например, в отчетах из Эстонии и Турции четко обозначена проблема выделения ограниченных административных ресурсов на инициативы, которые не обязательно являются национальными приоритетами, даже несмотря на то, что в обеих юрисдикциях общая политика согласована с принципами, лежащими в основе налогового плана.

Проблема ограниченности ресурсов и потенциала, отмеченная в нескольких отраслевых отчетах начиная с 2022 г., не просто остается основным препятствием для полноценного участия юрисдикций с низким и средним уровнем дохода в любом институциональном механизме, но остро ставит вопрос о факте существования конкурентной экономики.

Осторожность и сдержанность в отношении внедрения BEPS обусловлены также отсутствием ожидаемых выгод от предлагаемых реформ по сравнению со стоимостью внедрения, желанием дождаться, пока лидеры в области нормотворчества или аналогичные юрисдикции примут реформы, опасаясь потерять позиции с точки зрения их эффективности. Страны с дотируемыми экономиками, страны, предоставляющие лишь услуги в качестве посреднической юрисдикции, страны с внутренней низкой конкурентоспособностью в привлечении глобальных торговых и инвестиционных потоков не могут существовать в равных условиях игры. У таких стран нет перспективы в конкуренции с экономиками США, КНР, Германии, Франции, и, чтобы сохранить свою посредническую роль, они вынуждены предоставлять эксклюзивные налоговые льготы, закрывать глаза на налоговое планирование ТНК, продавать свой налоговый суверенитет.

В ноябре 2024 г. лидеры стран «Большой семерки» выразили приверженность нанесению ущерба России через санкции и другие меры. Предполагается рассмотреть 15-й пакет анти-российских санкций и расширение ограничений против Ирана из-за сотрудничества с Россией.

Консенсус по BEPS развивался в три этапа: первый этап — формулирование проблемы, которую необходимо решить, кульминацией

²⁰ Vodafone International Holdings B. V. против Союза Индии (1) (2012) 17 taxmann.com 202.

²¹ Уполномоченные по внутренним доходам против Герцога Вестминстерского (1936) A.C. 1 ; 19 TC 490 ; CIT v. Sri Meenakshi Mills Ltd. Мадурай, AIR 1967 SC 819 и McDowell & Co. Ltd. против СТО 1985 3 SCC 230.

²² Закон Индии о подоходном налоге 1961 г. содержит несколько положений судебной доктрины. Одним из примеров является концепция условных дивидендов (закрепленная в разд. 2(22)(е) Закона), согласно которой выплаты по кредитам или ссудным активам акционеру, имеющему существенную долю в компании, считаются условными дивидендами. В данном случае налогоплательщик утверждает, что применяется разд. 94(8), который и является рассматриваемым положением SAAR. Раздел 94 Закона — пример сокращения дивидендов.

его является План действий BEPS, одобренный главами государств G20; второй этап — консультации по вопросам действий и разработка решений, направленных на получение широкой поддержки со стороны ОЭСР и членов G20; и третий — выполнение мандатов, рекомендаций и наилучшей практики, содержащихся в заключительных отчетах BEPS.

Сфера применения BEPS в странах с высокими налогами, не входящих в ОЭСР, вскоре расширилась, и в нее вошли юрисдикции G20, не входящие в ОЭСР, а после корректировки курса — весь спектр юрисдикций, желающих принять участие в реформировании BEPS. Такое расширение юрисдикций, участвующих в проекте, знаменовало собой переход к более инклюзивному международному режиму разработки политики, поскольку экономическая деятельность в меньшей степени ограничивается членами ОЭСР, а конкурирующие потенциальные источники разработки политики и нормотворчества вынудили ОЭСР отреагировать, расширив сферу своей деятельности за пределы своих членов.

Недостаточное взаимодействие с развивающимися странами на первом этапе вызвало вопросы относительно способности ОЭСР в дальнейшем выступать посредником в международном налоговом сотрудничестве, на что она

решительно отреагировала на втором и третьем этапах, расширив юрисдикции, участвующие в проекте BEPS, и проведя значительную информационно-пропагандистскую работу с участием региональных совещаний и технической поддержки. Изучение того, как юрисдикции взаимодействовали на последующих этапах проекта BEPS, и последствий этого взаимодействия позволяет извлечь полезные уроки для будущих процессов и проектов международного налогового сотрудничества и координации.

Трудно переоценить роль прессы и журналов в стимулировании начала работ над BEPS со стороны G20 и ОЭСР. Именно негативное освещение в СМИ налоговой практики транснациональных корпораций стало основным стимулом исследуемой международной налоговой реформы. Причем в 11 страновых отчетах упоминается роль СМИ, а в 10 — скандалы с «Панамскими документами»²³, Lux Leaks (опубликованы в ноябре 2014 г.)²⁴, негативное изложение в СМИ налоговых вопросов крупных транснациональных корпораций, а также частных лиц с высоким уровнем дохода.

Кроме того, что освещение утечек в Lux придало импульс работе BEPS и, вероятно, сыграло свою роль в разработке директивы ЕС 2015 г. об обязательном обмене решениями, Европей-

²³ “Panama Papers” scandals, или «Панамские документы», — это масштабная утечка финансовых файлов из базы данных Mossack Fonseca, четвертой по величине офшорной юридической фирмы в мире. Документы были анонимно переданы немецкой газете Süddeutsche Zeitung (SZ). Файлы раскрыли сеть из 214 тыс. налоговых убежищ, в которых состояли богатые люди, государственные служащие и организации из 200 стран. Анонимный источник, сливший документы, сделал это из Панамы, отсюда и название «Панамские документы». В большинстве документов не было указано никаких незаконных действий, но некоторые подставные корпорации, созданные Mossack Fonseca, использовались для мошенничества, уклонения от уплаты налогов или обхода международных санкций. См.: URL: <https://panamapapers.org/inside-the-leak> (дата обращения: 06.11.2024).

²⁴ Разоблачения выявили более 300 секретных налоговых соглашений, которые Люксембург заключил с международными компаниями, включая Disney, Skype, GlaxoSmithKline, Koch Industries и Black & Decker, Apple, Starbucks, Fiat и Amazon, IKEA, французскую энергетическую компанию Engie и Nike. В некоторых случаях сделки, известные как «налоговые решения», позволяли компаниям платить в Люксембурге налог менее 1 %. Второе по величине государство — член ЕС тайно предлагало огромные налоговые льготы в промышленных масштабах. Иногда, как показали просочившиеся в сеть документы, чиновники даже предоставляли выгодные налоговые вычеты за мнимые проценты, то есть за якобы выплачиваемые проценты по кредитам, которые на самом деле не облагались процентами. См.: URL: <https://www.icij.org/investigations/luxembourg-leaks/why-has-the-european-commission-not-investigated-lux-leaks-tax-deals/> (дата обращения: 06.11.2024).

ской комиссией были разработаны директивы, которые расширили защиту информаторов, обеспечив ее применение в таких случаях, как Lux Leaks.

Несмотря на то что прошло уже 10 лет с момента принятия плана, совсем недавно, в декабре 2022 г., в ЕС введены несколько значимых правил в отношении ТНК. Принят минимальный дополнительный налог (Qualified Domestic Minimum Top-up Tax, QDMTT), который в соответствии с Директивой Совета (ЕС) 2022/2523 от 14.12.2022²⁵ применяется в приоритетном порядке по отношению к правилу включения доходов (Income inclusion rule, IIR) и правилу заниженных платежей (Undertaxed Payment Rule, UTPR).

К 2022 г. Европейский Союз уже принял важные меры по усилению борьбы с агрессивным налоговым планированием на внутреннем рынке. В рамках постоянных усилий по прекращению практики налогообложения ТНК, позволяющей им переводить прибыль в юрисдикции, где она не облагается налогом или облагается очень низким налогом, ОЭСР дополнительно разработала набор международных налоговых правил, гарантирующих, что ТНК РФ платят справедливую долю налогов, где бы они ни осуществляли свою деятельность.

К концу 2024 г. часть стран ЕС уже приняла соответствующие национальные акты, имплементирующие вышеуказанную директиву в свое законодательство. С одной стороны, именно масштабность и массовость позволяют обеспечить эффективность применения QDMTT, но с другой — ни ЕС, ни страны-участники не достигли консенсуса в том, как они обеспечили бы налогоплательщикам правовую определенность при применении таких правил.

Необходимо установить правила, чтобы создать эффективную и согласованную основу для глобального минимального уровня налогообложения на уровне Союза. Эта структура формирует систему из двух взаимосвязанных правил, вместе называемых также глобальными правилами (GloBE), в соответствии с которыми

дополнительная сумма налога (дополнительный налог) должна взиматься каждый раз, когда эффективная налоговая ставка ТНК РФ в данной юрисдикции составляет менее 15 %. В таких случаях юрисдикцию следует рассматривать как низконалоговую. Эти два взаимосвязанных правила называются правилом учета дохода (IIR) и правилом о прибыли, не облагаемой налогом в полном объеме (UTPR). В соответствии с этой системой материнское предприятие ТНК, расположенное в государстве-члене, должно быть обязано применять IIR к своей доле дополнительного налога, относящейся к любому предприятию группы, облагаемому низкими налогами, независимо от того, находится ли это предприятие в пределах Союза или за его пределами. UTPR должно служить вспомогательным средством для IIR путем перераспределения любой остаточной суммы дополнительного налога, когда материнские организации не могут получить всю сумму дополнительного налога, относящуюся к организациям с низкими налогами, путем применения IIR.

Дополнительный налог, по сути, взимается у источника, а не в юрисдикции, где зарегистрирована материнская компания, или в какой-либо юрисдикции с унифицированным налогообложением; QDMTT снимает с юрисдикций необходимость реформировать или сокращать внутренние налоговые льготы. Возможно, после СВО и с возвращением мира в обычный формат налогового сотрудничества корпоративный подоходный налог может быть полностью заменен QDMTT для многонациональных корпораций.

Главная проблема по-прежнему в том, что у некоторых юрисдикций сложилось мнение, что они страдают от налоговой практики других стран. К ним относятся члены G20 и ОЭСР, такие как Франция и Германия.

Конкуренция внутри ЕС проявляется и в отношении Директивы о борьбе с уклонением от уплаты налогов (ATAD). Поскольку она определяет параметры, которым необходимо следовать для обеспечения соответствия требованиям BEPS, государствам — членам ЕС необходимо

²⁵ Директива Совета (ЕС) 2022/2523 от 14.12.2022 // Официальный журнал Европейского Союза. L 328/1. 2022.

включить эти положения во внутреннее законодательство, только если их внутреннее законодательство еще не содержит положений об этом правиле.

Например, в мексиканском отчете говорится, что «основные ситуации, связанные с BEPS, которые беспокоят мексиканские налоговые органы, проистекают из практики и структур, которые, по их мнению, являются обычной практикой многонациональных предприятий, включая передачу функций, активов или рисков от компаний в Мексике в юрисдикции с незначительными затратами, или в отсутствие доступа к обмену информацией, или связанные с низкими налоговыми ставками вплоть до нулевых ставок, с миграцией нематериальных объектов, созданных в Мексике, в юрисдикции с низким налогообложением или без него, а также с использованием структур, направленных на то, чтобы избежать существования постоянных представительств в Мексике»²⁶.

С другой стороны, некоторые ведущие экономики мира неоднозначно оценивают инициативы BEPS и QDMTT. Активная и почти восторженная позиция руководства США постепенно сменилась гораздо более оборонительной. На фоне принятых в США Закона о снижении инфляции (IRA)²⁷ и Закона о чипах и науке²⁸ было выделено более 400 млрд долл. в виде налоговых льгот, кредитов и субсидий, последовал массовый исход европейского бизнеса в США, где только немецкие компании объявили об инвестициях в проекты на территории США на рекордные 15,7 млрд долл. Конечно, основной интерес Соединенных Штатов в проекте BEPS сместился в сторону того, чтобы защитить свои ТНК. В том числе исходя из соображений конкурентоспособности. Считается, что представители Соединенных Штатов в проекте BEPS повлияли на сужение сферы охвата окончательных реко-

мендаций по сравнению с тем, что было в первоначальном проекте.

К сожалению, ни один из минимальных стандартов BEPS не отразился на основных нормах налогового законодательства, которые были отнесены к рекомендациям и передовой практике.

Из 15 пунктов плана действий чаще всего называли четыре приоритетные области реформы: действие 13, касающееся CbCr, действия 8–10, касающиеся трансфертного ценообразования, действие 6, касающееся злоупотреблений договорами, и, несколько реже, действие 5, касающееся вредной налоговой практики. Действия 2–4, которые связаны с гибридами, возможностью вычета процентов и правилами КИК, были следующими наиболее часто упоминаемыми приоритетными областями (хотя в ряде случаев юрисдикции утверждали, что их законодательство уже соответствует требованиям), а также действие 7, которое охватывает правила постоянного представительства. Наконец, вопросы, касающиеся разрешения споров, цифровой экономики, MLI, раскрытия информации о налоговом планировании и анализе данных BEPS, реже упоминались в качестве приоритетных областей (вероятно, из-за сферы охвата руководства для отраслевых репортеров).

Страны теряют 480 млрд долл. в год из-за злоупотреблений в сфере налогообложения. Основной удар приходится на страны с низким уровнем дохода, в которых налоговые потери составляют примерно 49 % бюджета здравоохранения (по сравнению с 9 % в странах с высоким уровнем дохода).

Судебная практика многих стран, которые так или иначе выразили свою приверженность плану, уже сформулировала свои судебные доктрины «снятия корпоративной вуали», «деловой цели», запрета злоупотребления правом, «ре-

²⁶ Public consultation document 13 February — 1 March 2019 — Addressing the Tax Challenges of the Digitalization of the Economy, sections 103–111.

²⁷ Inflation Reduction Act of 2022 (IRA) H.R.5376 // URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376/text> (дата обращения: 21.11.2024).

²⁸ CHIPS and Science Act H. R.4346 // URL: <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/4346> (дата обращения: 21.11.2024).

альности хозяйственной операции», принципа «вытянутой руки» и пр.

Обращает на себя внимание то, что указанный процесс уже занимает значительную долю в судебной практике большинства стран.

Решение Суда Европейского Союза (CJEU) от 04.10.2024 по делу X BV (C-585/22)²⁹ явно является одним из знаковых дел, определяющих соответствие национальных правил по борьбе с уклонением от уплаты налогов основным законам ЕС. Верховный суд Нидерландов обратился в Европейский Суд с просьбой вынести предварительное решение, чтобы разъяснить его прецедентное право: может ли ТНК, принадлежащая к трансграничной группе, вычитать из налогооблагаемой прибыли проценты, которые она выплачивает по трансграничному кредитному долгу в льготной юрисдикции. Решение по этому делу создаст правило взаимосвязи между принципом «вытянутой руки» и принципом запрета злоупотребления правами по сравнению с делом *Lexel* (C-484/19), подтвердив первостепенную важность обоснованных коммерческих причин (называемых также экономической реальностью или реальной экономической деятельностью) для выявления злоупотреблений.

В оптимизацию трансграничного налогообложения включилась и ООН, в сентябре 2024 г. предложившая проект налоговой конвенции. В планах стоит задача ее принятия к 2027 г. Вместе с тем не все страны с энтузиазмом восприняли новую инициативу, обратив внимание на то, что существует риск снижения качества международного налогового законодательства и политических норм, поскольку ОЭСР, возможно, обладает большим опытом в этой области, чем ООН. Браунер утверждал, что «эту инициативу не следует рассматривать как замену ОЭСР, и она не требует отмены достижений существующего международного налогового режима»³⁰. В настоящее время можно наблюдать борьбу противоречащих друг другу тенденций: лавирование развивающихся стран по сохранению

возможности манипуляций с предоставлением налоговых оазисов, попыток ОЭСР достичь консенсуса в этом вопросе, принятия Европейским Союзом налоговой директивы минимального корпоративного налога для МНК, приостановление MLI — все эти разновекторные процессы, справедливые каждый в отдельности, на самом деле снижают вероятность достижения глобальных простых и справедливых международных налоговых стандартов, которые являются целью как для стран, так и для налогоплательщиков. Дискуссия не должна быть сосредоточена на том, какая организация возьмет на себя контроль, а смена процедурного форума с ОЭСР на ООН не меняет сложности вопросов по существу. Проблема в том, что Организация Объединенных Наций вряд ли сможет достичь консенсуса по основным сложным и деликатным международным налоговым вопросам, а также по многочисленным техническим вопросам, в отличие от ОЭСР. Инициатива ООН — это не только смена платформы, но и изменение метода принятия решений. ОЭСР якобы действует на основе консенсуса, который может привести либо к наименьшему общему знаменателю, либо к тому, чего хочет самая сильная сторона (стороны), вынуждая остальных соглашаться. ООН позволяет принимать более гибкие решения на основе большинства голосов. Рамочное соглашение ГА ООН может сделать различные внутренние меры легитимными и не требует универсальных мер.

Сложно оценить действия Великобритании по взаимодействию со странами при реализации инициатив международного сообщества. Британское правительство в борьбе за инвестиции установило такие национальные налоговые правила, которые фактически направлены против BEPS. Британцы для защиты своей налоговой базы действуют таким образом, чтобы это не оказывало негативного влияния на ее экономическую стратегию в области налоговой конкуренции даже в ущерб другим юрисдикциям. Это

²⁹ Запрос ВС Нидерландов в ВС ЕС // URL: <https://tpcases.com/netherlands-october-2024-european-court-of-justice-case-no-c-585-22/> (дата обращения: 21.11.2024).

³⁰ Цит. по: *Смит К., Радживик О.* Смена власти в сфере налогообложения дает ООН преимущество // Государственные финансы. 2024. № 1. С. 12.

может указывать и на то, что Великобритания (и, возможно, другие юрисдикции) будет отходить от стандартов BEPS в надежде сохранить свою известность как финансового центра.

Германия выбрала иную стратегию поддержания высокой внутренней налоговой ставки: она избегает специальных налоговых льгот (в том числе для НИОКР) и полагается на правила борьбы с уклонением от уплаты налогов и BEPS для сохранения своей налоговой базы.

Франция придерживается стратегии, в целом аналогичной стратегии Германии.

Ключевые игроки ОЭСР и Соединенные Штаты боролись за собственные экономические интересы, которые резко обострились в связи с политическим и экономическим кризисом 2022–2024 гг.

Другие страны, не входящие в ОЭСР, включая Бразилию, Китай и Индию, присоединились к дискуссии, чтобы учесть и защитить свои собственные интересы.

Масштаб изменений, заложенных в окончательных отчетах BEPS, очевидно, приводит к увеличению издержек налогового администрирования и повышению экономической нагрузки вследствие изменения правовых норм:

- в 20 % отраслевых отчетов указывается, что изменения правил, связанные с BEPS, привели к росту числа судебных разбирательств внутри юрисдикций или между ними из-за увеличения количества случаев двойного налогообложения;

- трансфертное ценообразование часто упоминается в качестве катализатора споров;

- нехватка ресурсов не позволяет отдельным юрисдикциям в полной мере реализовать консенсус BEPS;

- это негативно сказывается на торговле, инвестициях и экономических результатах;

- нескоординированное осуществление мер реагирования на BEPS может привести к нежелательным последствиям и в отношениях между основными торговыми партнерами.

Выражается озабоченность по поводу результатов BEPS на фоне более широкой неопределенности в мировой экономике и налоговом законодательстве.

На основании вышеизложенного можно констатировать, что развивающимся странам следует перестать импортировать решения для налоговых проблем, которых у них нет. В какой-то степени это относится и к проекту BEPS в целом. Проблемы BEPS и предлагаемые решения представлены с точки зрения ОЭСР, которая чаще всего игнорирует налоговые позиции развивающихся стран и стран с формирующимся рынком, а также их институциональные возможности.

В широком смысле план внедряется или уже внедрен в большинстве стран, но именно как борьба с уклонением от уплаты налогов в соответствующих юрисдикциях и с различными схемами недобросовестного налогового планирования.

Инструменты стимулирования внедрения не только BEPS, но и иных документов ЕС, ООН, высокоинтегрированных образований позволили расширить круг участников процесса за счет включения в него стран, привлеченных перспективой получения взаимной выгоды от участия в рамках всеобъемлющей структуры в разработке дальнейших руководящих указаний. Все, кто согласен с минимальными стандартами BEPS, были приглашены к партнерству и участию «на равноправной основе» в технической работе и в процессе принятия консенсуальных решений CFA.

Но то, как страна реагирует и реализует различные меры по борьбе с BEPS, во многом зависит от того, является ли она преимущественно страной — экспортером капитала или страной — импортером капитала.

Как будут формироваться будущие повестки дня и будут ли они устанавливаться юрисдикциями, которые выходят за рамки узкой группы в бюро CFA? Как будут задействованы страны с формирующимся рынком, с низким и средним уровнем дохода? Какова будет роль ЕС и других региональных организаций? Завершая этот промежуточный обзор истоков, стандартов и мер реагирования на BEPS на сегодняшний день, можно надеяться, что ответы на эти вопросы и окончательная оценка проекта BEPS будут даны на будущих конгрессах IFA и в процессе нормализации мировой экономики.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Смит К., Раджвик О. Смена власти в сфере налогообложения дает ООН преимущество // Государственные финансы. — 2024. — № 1. — С. 10–52.
2. Dagan T. International Tax Policy: Between Competition and Cooperation. — Cambridge University Press, 2018.
3. Rocha S. André. International Taxation, Epistemologies of the South, and Institutional Capacities: Transfer Pricing and the Universalization of the OECD Standards // URL: <https://kluwertaxblog.com/2018/05/07/international-taxation-epistemologies-south-institutional-capacities-transfer-pricing-universalization-oecd-standards/>.
4. Souza Santos B. Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide. — Routledge, 2016.

Материал поступил в редакцию 25 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Smit K., Radzhvik O. Smena vlasti v sfere nalogooblozheniya daet OON preimushchestvo // Gosudarstvennye finansy. — 2024. — № 1. — S. 10–52.
2. Dagan T. International Tax Policy: Between Competition and Cooperation. — Cambridge University Press, 2018.
3. Rocha S. André. International Taxation, Epistemologies of the South, and Institutional Capacities: Transfer Pricing and the Universalization of the OECD Standards // URL: <https://kluwertaxblog.com/2018/05/07/international-taxation-epistemologies-south-institutional-capacities-transfer-pricing-universalization-oecd-standards/>.
4. Souza Santos B. Epistemologies of the South: Justice Against Epistemicide. — Routledge, 2016.

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.075-082

О. И. Лютова*

Развитие правового регулирования налоговой обязанности в условиях цифровизации в Китае

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей и перспектив развития китайского правового регулирования налоговой обязанности, возникающих под воздействием цифровизации. Автором рассмотрены и проанализированы обязанности по уплате налога, по представлению налоговой отчетности и по постановке на налоговый учет. Особое внимание уделено трансформации механизма правового регулирования НДС. На основе анализа норм об обязанности сдачи налоговой отчетности в КНР делается заключение о наличии у Китая передового опыта применения электронного инвойсинга, выражающегося в установлении для налогоплательщиков обязанности использования электронных счетов-фактур *fapiao* (фапiao), являющихся оригинальными и известными исключительно китайской практике налогового администрирования. Исследование показало, что обязанность по постановке на налоговый учет в КНР полностью цифровизована с точки зрения процесса ее исполнения, в результате чего потеряла самостоятельное значение как вид налоговой обязанности.

Ключевые слова: налоговая обязанность; цифровизация; искусственный интеллект; КНР; налоговые льготы; цифровой юань; Золотая налоговая система Китая; электронный инвойсинг; счет-фактура *fapiao* (фапiao); единый код общественной кредитоспособности.

Для цитирования: Лютова О. И. Развитие правового регулирования налоговой обязанности в условиях цифровизации в Китае // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 75–82. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.075-082.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках реализации Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Development of Legal Regulation of Tax Obligations in the Context of Digitalization in China

Olga I. Lyutova, Cand. Sci. (Law), Senior Researcher, Institute of State and Municipal Administration, National Research University «Higher School of Economics», Moscow, Russian Federation.
lutova.olga@mail.ru

Abstract. The paper is dedicated to examining the characteristics and prospects of the development of Chinese legal regulation of tax obligations influenced by digitalization. The author discusses and analyzes obligations related to tax payments, submission of tax reports, and registration for tax purposes. Particular attention is given to the transformation of the legal regulation mechanism concerning Value Added Tax (VAT). Based on an analysis of the provisions regarding the obligation to submit tax reports in the People's Republic of China (PRC), the

© Лютова О. И., 2025

* Лютова Ольга Игоревна, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института государственного и муниципального управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

Мясницкая ул., д. 20, г. Москва, Российская Федерация, 101000
lutova.olga@mail.ru

author concludes that China possesses advanced experience in the implementation of electronic invoicing. This is characterized by the establishment of a requirement for taxpayers to use electronic invoices known as «fapiao» which are original and unique to the Chinese tax administration practice. The research demonstrates that the obligation to register for tax purposes in the PRC has been completely digitized in terms of its execution process, leading to a loss of its independent significance as a category of tax obligation.

Keywords: tax obligation; digitalization; artificial intelligence; People's Republic of China; tax incentives; digital yuan; Golden Tax System of China; electronic invoicing; fapiao (invoice) system; unified social credit code.

Cite as: Lyutova OI. Development of Legal Regulation of Tax Obligations in the Context of Digitalization in China. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):75-82. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.075-082.

Acknowledgements. The article has been prepared as part of the implementation of the Fundamental Research Program of the National Research University «Higher School of Economics».

Налоговое законодательство Китая перманентно находится в фокусе внимания исследователей российских ученых-налоговедов, и, как отмечают Е. В. Килинкарлова и А. А. Трофимов, на сегодняшний день массив соответствующих научных работ представлен широким перечнем юридических и экономических трудов в формате от научных статей до диссертаций¹.

Доктринальной основой теоретических и эмпирических исследований правового регулирования налогообложения в современном отечественном Китае по праву считаются научные работы И. А. Майбурова², С. П. Савинского³ и Р. А. Шепенко⁴. За более чем 20 лет, прошедших с момента формирования в российской науке правовых и экономических учений о налогообложении Китая, произошли различные события, принципиальным образом поменявшие концептуальные основы построения

налоговой системы КНР. К их числу можно отнести значительное увеличение темпов экономического роста, а также цифровизацию и пандемию коронавируса, способствовавшие «еще большему погружению Китая в сетевое пространство»⁵.

Несмотря на то что на сегодняшний день Китай не занимает лидирующих позиций по показателям цифровизации по сравнению с развитыми странами, можно констатировать, что сфера налогообложения, проходящая в настоящее время период платформизации экономики⁶, в значительной степени подвергается воздействию в связи с использованием как налоговыми органами, так и различными представителями налогоплательщиков цифровых инструментов и технологий. Поэтому важно оценить тенденции и перспективы правового регулирования налогообложения, используя в качестве инструмента универсальное понятие налоговой

¹ Килинкарлова Е. В., Трофимов А. А. Обзор российских научных исследований в области права публичных финансов КНР // *Правоприменение*. 2021. Т. 5. № 4. С. 249.

² Карпова О. М., Майбуров И. А. Сравнительный анализ систем НДС в России и Китае // *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*. 2018. № 2 (86). С. 68–76; Liu L., Mayburov I. A. Analysis of China's vehicle purchase tax policy research methods: DID model // *Beneficium*. 2024. № 1 (50). Р. 84–89; Karpova O. M., Mayburov I. A., Fan Y. Prospects and Problems of Realization of the VAT Neutrality Principle in Russia and China // *Journal of Tax Reform*. 2020. Vol. 6. No. 2. P. 124–141.

³ Савинский С. П. Новая налоговая система КНР // *Финансы*. 1996. № 5. С. 24–25.

⁴ Шепенко Р. А. Правовое регулирование налогообложения в Китайской Народной Республике. М.: Муравей, 2001; Он же. Налоговое право Гонконга. М.: Вузовская книга, 2003; Он же. Налоговое право Китая: источники и субъекты. М.: Статут, 2004.

⁵ Трощинский П. В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования // *Право и цифровая экономика*. 2021. № 1 (11). С. 45.

⁶ Килинкарлова Е. В. Налоговое право КНР на современном этапе и налоговые вызовы платформенной экономики // *Закон*. 2024. № 11. С. 91–101.

обязанности. На наш взгляд, подобный подход обеспечит всесторонний характер исследования особенностей развития китайской налоговой системы, возникших в результате активного внедрения информационно-коммуникационных технологий в деятельность китайского общества и государства.

Нужно уточнить, что для анализа процесса развития правового регулирования налоговых обязанностей, связанного с развитием цифровизации, будет использован разработанный ранее инструментарий, в соответствии с которым налоговая обязанность рассматривается как системообразующая категория-коннектор⁷ и включает в себя в условиях цифровизации обязанности по уплате налога, постановке на налоговый учет и сдаче налоговой отчетности⁸.

Так, цифровизация правового регулирования исполнения обязанности по уплате налогов в КНР охватывает комплекс мер, связанных с трансформацией процедур исчисления и уплаты налогов, и выражается в следующем.

Во-первых, это создание преференциальных (льготных) механизмов для IT-компаний, разрабатывающих и/или реализующих новые цифровые технологии, в рамках механизмов правового регулирования отдельных налогов.

Прежде всего, принципиально важно отметить, что в современной китайской модели цифрового налогообложения, которая ориентирована на быстрорастущую внутреннюю экономику Китая, решающую роль играет НДС⁹, в том числе по причине значительной роли такого

налога в формировании бюджета китайского государства¹⁰, что предопределяет исследование вопросов оптимизации и модернизации его экономико-правовой конструкции.

Интересно, что в ситуации отсутствия кодифицированного акта — налогового кодекса — и формирования двухуровневой системы налогового законодательства КНР¹¹ (налоговая система материкового Китая, а также провинций Гонконга, Макао и Тайваня) исчисление и уплата отдельных налогов продолжают регулироваться отдельными документами о них, в частности Временными нормами и правилами КНР «О налоге на добавленную стоимость» от 19.11.2017.

На сегодняшний день в Китае реализуется ряд мероприятий по использованию различных инструментов снижения налоговой нагрузки на бизнес в рамках трансформации экономико-правового механизма косвенного налогообложения¹²: повышение пороговых значений, освобождение от уплаты налога, введение специальной (пониженной) ставки, возможность использования различных видов налоговых вычетов, установление возможности выставления собственных счетов-фактур и добровольного использования системы управления ими. И в целом механизм НДС в Китае сложнее аналогичного российского.

Одной из точечных стимулирующих мер поддержки в условиях цифровизации в китайском механизме исчисления НДС стал новый вид налоговых льгот для некоторых высокотехнологичных компаний, введенный в целях

⁷ Лютова О. И. Особенности налоговой обязанности как института налогового права в эпоху цифровизации // Информационное общество. 2023. № 5. С. 91–99.

⁸ Лютова О. И. Классификация налоговых обязанностей: развитие в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 5 (162). С. 11–17.

⁹ См.: Бачурин Д. Г. Цифровая экономика КНР и налогообложение добавленной стоимости: анализ проблем и тенденций правового регулирования // Финансовое право. 2023. № 2. С. 19–22.

¹⁰ Например, за 11 месяцев 2024 г. поступления от НДС в китайский федеральный бюджет достигли 6,12 трлн юаней (около 851,56 млрд долл.), что составляет 37,8 % от общего объема налоговых поступлений страны. См.: URL: <https://russian.news.cn/20241225/aec29216c3f7428d99de9b64dd03687c/c.html> (дата обращения: 14.02.2025).

¹¹ Шепенко Р. А. «Второй уровень» налогового законодательства КНР // Вестник МГИМО-Университета. 2008. № 1 (1). С. 55–60.

¹² Здесь и далее использованы тексты нормативных актов КНР, размещенных на сайте Минюста КНР (司法部): URL: www.moj.gov.tw (дата обращения: 14.02.2025).

дополнительной поддержки инновационного роста экономики Китая. Такая новелла предполагает, что организации, осуществляющие передовые производства, работающие в сфере электроэнергетики и оказывающие современные цифровые услуги, получают право на единовременное возмещение платежей по НДС, на которые ранее такой налог не уменьшался по иным основаниям. Возможность получения такого возмещения зависит от «общего уровня честности» налогоплательщика, то есть в КНР реализуется практика учета так называемого налогового капитала.

В качестве иллюстрации последствий подобного льготирования сто́ит указать весьма успешный опыт налогового льготирования представителей различных бизнес-сообществ Китая, создающих и/или использующих новые технологии, по итогам 2022 г.: вычет по НДС был получен малыми, средними и микропредприятиями, а также индивидуальными предпринимателями на общую сумму 16,49 млрд юаней¹³. Благодаря этому, например, компания Haidian обеспечила регистрацию (так называемая кластерная регистрация) и ведение инвестиционных проектов в сфере недвижимости с использованием ChainMaker — первой в Китае автономной управляемой аппаратно-программной системы на основе технологии блокчейн¹⁴.

Помимо этого, в связи с реализацией курса на технологический суверенитет Китая в марте 2023 г. были объявлены масштабные меры по развитию исследований и разработок¹⁵, в том числе в сфере новых технологий и инноваций. Тем самым подтверждается традиционный фокус Китая на привлечение и развитие талантов в контексте научно-технической политики¹⁶. В области налоговой политики такие меры вы-

разились в дальнейшем расширении налоговых льгот и преференций, которые предусмотрены принятым постоянным комитетом Всекитайского собрания народных представителей 25 декабря 2024 г. новым Законом КНР о налоге на добавленную стоимость (增值税法), вступающим в силу с 1 января 2026 г. и заменяющим собой действующее в настоящее время Временное положение КНР о НДС, несмотря на то что в целом Закон вводит новую организационную рамку исчисления и уплаты НДС и предполагает усложнение порядка получения налоговых вычетов, в том числе по НДС для разработчиков операционных систем и базового программного обеспечения.

Помимо НДС, идея предоставления налоговых льгот в современном Китае реализуется путем трансформации механизма правового регулирования налога на прибыль организаций (предприятий). В соответствии со ст. 28 Закона КНР о налоге на прибыль предприятий, вступившего в силу с 1 января 2008 г., такой налог в отношении новых и высоких технологий, являющихся объектами государственной поддержки, взимается по сниженной ставке в размере 15 % (основная ставки составляет 25 %).

Во-вторых, мерой, связанной с трансформацией процедур исчисления и уплаты налогов, является развитие процесса уплаты налога за счет введения возможности использования для этих целей цифрового юаня.

С 2021 г. в провинции Хайнань проводится эксперимент по использованию цифрового юаня в качестве средства для уплаты налогов, а также для обеспечения получения китайскими налогоплательщиками налоговых вычетов. Эксперимент реализуется Народным банком Китая,

¹³ Высокие технологии Haidian вносят значительный вклад в ВВП (海淀高新技术对本地生产总值的贡献显著) // Портал Центрального правительства (中央政府门户网站). URL: http://english.www.gov.cn/news/topnews/202302/07/content_WS63e1bd25c6d0a757729e676a.html (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁴ Высокие технологии Haidian вносят значительный вклад в ВВП (海淀高新技术对本地生产总值的贡献显著).

¹⁵ 10-летний план развития фундаментальной науки в Китае (我国将实施基础研究十年规划) // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2022-01/07/content_5666824.htm (дата обращения: 14.02.2025).

¹⁶ См.: Китай расставляет акценты в научно-технической политике (комментарий М. Гершмана, директора Центра научно-технической, инновационной и информационной политики ИСИЭЗ НИУ ВШЭ) // URL: <https://issek.hse.ru/news/822382493.html> (дата обращения: 14.02.2025).

Industrial and Commercial Bank of China (ICBC) и региональной налоговой службой.

Что касается процесса совершенствования китайского правового регулирования обязанности по представлению налоговой отчетности, здесь важно отметить проведенные в КНР меры, позволяющие констатировать значительные изменения в правовом механизме сдачи налоговой и бухгалтерской отчетности в Китае.

Правовой основой обязанности по представлению налоговой отчетности в Китае является статья 16 Закона КНР «Об управлении сбором налогов», в соответствии с которой налогоплательщикам и сборщикам налогов вменяется в обязанность подавать налоговые декларации, сдавать финансовую, бухгалтерскую отчетность и другие документы, касающиеся исчисления и уплаты налогов. Соответственно, целесообразно оценить правила не только о налоговых декларациях, но и о бухгалтерской отчетности, и о сдаче так называемой первичной документации, являющейся основанием для исчисления налогов и также представляемой в налоговые органы.

Указанные обязанности претерпевают изменения в порядке их исполнения в результате запуска масштабного проекта финансовой реформы «Золотой налоговый проект» (Golden Tax Project (GTP)), в соответствии с которым для налогоплательщиков и налоговых органов устанавливаются порядок сдачи налоговых деклараций в электронном виде, а также необходимость использовать цифровые технологии при выставлении счетов-фактур для целей исчисления НДС. Золотая налоговая система — цифровой метод администрирования НДС, обеспечивающий электронный документооборот между налогоплательщиками, сборщиками налогов или налоговыми агентами с одной стороны и налоговыми органами Китая — с другой. Она появилась в 1994 г., с 2019 г. реализуется в том числе по различным регионам КНР (связано с появлением технической возможности обмена информацией между региональными и центральными налоговыми органами); в настоящее

время проходит уже третий ее этап, в рамках которого с 1 декабря 2024 г. Китай перешел на исключительное использование цифровых электронных счетов-фактур.

Значительный опыт Китая в области электронного инвойсинга, релевантный в том числе для Российской Федерации¹⁷, выражается в установлении для налогоплательщиков обязанности использования электронных счетов-фактур *fariao* (фапiao), оригинальных и известных только в китайской практике налогового администрирования. Такие документы печатаются на особом устройстве и представляют собой бланки особого вида, имеющие скретч-области с паролем (внешне сходны с лотерейными билетами).

Интерфейс стремительно расширяющего свое присутствие в Китае немецкого IT-гиганта SAP, специализирующегося на разработке корпоративного программного обеспечения и специально интегрированного в китайскую налоговую систему для целей реализации GTP (SAP Golden Tax), позволяет осуществлять автоматическую отправку счетов-фактур непосредственно в налоговые органы, не используя при этом согласия контрагента. Нужно подчеркнуть, что наличие или отсутствие согласия другой стороны сделки, по которой сдается цифровой фапiao, не является автоматической функцией и может настраиваться плательщиком вручную на условиях загрузки заранее запрашиваемого согласия делового партнера.

Основные сложности на пути внедрения SAP Golden Tax:

1) отсутствие технической возможности подать «уточненные» фапiao в ситуациях, когда налогоплательщик до наступления срока уплаты налога обнаружил ошибку и/или неточность в уже сданной налоговой и бухгалтерской отчетности;

2) динамичность развития положений Золотой налоговой системы, периодически создающая ситуацию морального устаревания общегосударственного и регионального регулирования

¹⁷ ФНС России и ГНА Китая обменялись опытом в области ЭДО и цифровой трансформации в налоговой сфере // URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/inttax/12313954/ (дата обращения: 14.02.2025).

процедуры сдачи отчетности и иных документов в налоговые органы.

Наконец, постанова на налоговый учет в КНР в период цифровизации экономики также характеризуется своеобразием используемых китайским законодателем правовых конструкций.

В доцифровой период китайским предпринимателям вменялась в обязанность постанова на налоговый учет (налоговая регистрация) в управлении сначала по центральным, а потом по местным налогам, которая, по сути, реализовывалась в сходном с российской практикой постанова на налоговый учет порядке: налогоплательщик должен был получить разрешение, и запись о нем вносилась в соответствующие реестры. Принципиальным отличием китайского подхода была многоуровневость процесса постанова на учет. Так, предприниматель регистрировался и получал сначала свидетельство о праве на ведение коммерческой (предпринимательской) деятельности (营业执照, business license), а потом еще ряд разрешений, в том числе свидетельство о регистрации в качестве налогоплательщика (税务登记证), являющееся аналогом ИНН российского налогоплательщика.

В результате развития процесса цифровизации оказания государственных услуг в КНР обязанность получения свидетельства о регистрации в качестве налогоплательщика прекращена с 2015 г. (изменения вступили в силу в разных регионах страны в разные сроки: в Гуандуне — с 1 сентября 2015 г., в Пекине — с 29 сентября 2015 г., в Шанхае и других регионах — с 1 октября 2015 г. и регулируются Законом КНР о партнерствах (товариществах) от 23.02.1997, Законом КНР о компаниях от 29.12.1993, Законом КНР о совместных акционерных предприятиях от 01.07.1979, а также различными региональными нормативными актами) после введения единого кода общественной кредитоспособности (unified social credit identifier, или unified social credit code, или 统一社会信用代码).

Цель введения такого кода — улучшение и упрощение обмена информацией между регистрационными, налоговыми органами и органами, осуществляющими контроль за качеством продукции, выпускаемой на территории Китая. В настоящее время в Китае реализуется ряд

партийных и правительственных документов по цифровизации госуправления (например, Общий план строительства цифрового Китая от 27.02.2023, План действий по продвижению развития больших данных, утвержденный Госсоветом КНР 31 августа 2015 г., Руководство по строительству национальной интегрированной системы правительственных больших данных, утвержденное Канцелярией Госсовета КНР 13 сентября 2022 г., и др.), что предполагает использование государственными органами технологии блокчейн в целях обширного обмена данными для связи государственных приложений различных органов власти и управления, а также формирования единого портала данных по аналогии с российским цифровым сервисом «Госуслуги».

Стоит отметить такое перспективное направление развития механизма учета налогоплательщиков, как расширение внедрения технологии генеративного искусственного интеллекта (то есть технологии, способной генерировать текст, изображение, а также аудио- и видеоконтент), осуществляемое на основании ст. 3 Временных правил оказания услуг с использованием искусственного интеллекта от 13.07.2023 (приказ № 15-2023). Этот документ устанавливает обязанности разработчиков и поставщиков искусственного интеллекта, а также процесс предоставления ими услуг. интеллектуальные продукты которых могут использоваться в том числе государственными органами для обмена, обработки и преобразования различного рода информации о налогоплательщиках.

Интересно, что аналогом китайского единого кода общественной кредитоспособности в России можно считать ОГРН/ОГРНИП (основной государственный регистрационный номер / основной государственный регистрационный номер индивидуального предпринимателя) — уникальный набор цифр, на основании которых можно узнать, например, дату и регион осуществления регистрации предпринимателя, а также организационно-правовую форму его бизнеса. В контексте налоговых отношений ОГРН необходим организации для обеспечения процесса сдачи налоговой отчетности, поскольку включает две цифры — код налоговой инспек-

ции, где были зарегистрированы организация или предприниматель.

Отличительная особенность единого кода общественной кредитоспособности — размещенный в его левом нижнем углу QR-код, который ведет на персональную интернет-страницу организации на информационном портале Главного государственного управления торгово-промышленной администрации КНР. На странице указывается важная для контрагентов налогоплательщика информация (например, сведения о размере уставного капитала, об участниках и их долях, о филиалах, фактах применения к организации административных наказаний и др.), в частности сведения об уплаченных налогах и предоставленные такой организацией данные, имеющие значение для их исчисления и уплаты. Соответственно, основное отличие китайского кода от российского ОГРН состоит в объеме информации, которую можно получить на основании установленного ряда цифр, а также в наличии в КНР нового (цифрового) порядка получения исчерпывающей, в том числе представляющей интерес с точки зрения налогового администрирования, информации о налогоплательщике.

Таким образом, опыт Китая заслуживает внимания в аспекте модернизации налоговой системы, происходящей в условиях цифровой

трансформации государства, экономики и ряда общественных процессов. Проведенное исследование позволяет сделать ряд выводов:

1. На сегодняшний день в Китае полностью автоматизировано исполнение обязанности по постановке на налоговый учет и частично — уплаты налогов и сдачи налоговой отчетности.

2. Уплата налогов в Китае в контексте цифрового развития государства и общества выражается в установлении налоговых льгот, а также в реализации возможности уплаты налогов с помощью цифровых юаней.

3. Основным достижением на пути активизации использования налоговыми органами Китая новых технологий в процессе администрирования процесса сдачи налоговой и бухгалтерской отчетности является полная автоматизация процесса сдачи счетов-фактур, необходимых для исполнения обязанности по уплате НДС.

4. В отличие от России, где сохраняется постановка на налоговый учет как необходимое действие налогоплательщика, в Китае обязанность постановки на налоговый учет как самостоятельная налоговая обязанность фактически упразднена. Подобный подход в полной мере обоснован, поскольку опирается на возможности цифровых технологий и развитую систему цифрового взаимодействия между государственными органами КНР.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бачурин Д. Г. Цифровая экономика КНР и налогообложение добавленной стоимости: анализ проблем и тенденций правового регулирования // Финансовое право. — 2023. — № 2. — С. 19–22.
2. Карпова О. М., Майбуров И. А. Сравнительный анализ систем НДС в России и Китае // Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление. — 2018. — № 2 (86). — С. 68–76.
3. Килинкарлова Е. В. Налоговое право КНР на современном этапе и налоговые вызовы платформенной экономики // Закон. — 2024. — № 11. — С. 91–101.
4. Килинкарлова Е. В., Трофимов А. А. Обзор российских научных исследований в области права публичных финансов КНР // Правоприменение. — 2021. — Т. 5. — № 4. — С. 248–264.
5. Лютова О. И. Классификация налоговых обязанностей: развитие в условиях цифровизации // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 5 (162). — С. 11–17.
6. Лютова О. И. Особенности налоговой обязанности как института налогового права в эпоху цифровизации // Информационное общество. — 2023. — № 5. — С. 91–99.
7. Савинский С. П. Новая налоговая система КНР // Финансы. — 1996. — № 5. — С. 24–25.
8. Трощинский П. В. Цифровой Китай до и в период коронавируса: особенности нормативно-правового регулирования // Право и цифровая экономика. — 2021. — № 1 (11). — С. 44–58.

9. Шепенко Р. А. «Второй уровень» налогового законодательства КНР // Вестник МГИМО-Университета. — 2008. — № 1 (1). — С. 55–60.
10. Шепенко Р. А. Налоговое право Гонконга. — М. : Вузовская книга, 2003. — 440 с.
11. Шепенко Р. А. Налоговое право Китая: источники и субъекты. — М. : Статут, 2004. — 414 с.
12. Шепенко Р. А. Правовое регулирование налогообложения в Китайской Народной Республике. — М. : Муравей, 2001. — 200 с.
13. Karpova O. M., Mayburov I. A., Fan Y. Prospects and Problems of Realization of the VAT Neutrality Principle in Russia and China // Journal of Tax Reform. — 2020. — Vol. 6. — No. 2. — P. 124–141.
14. Liu L., Mayburov I. A. Analysis of China's vehicle purchase tax policy research methods: DID model // Beneficium. — 2024. — № 1 (50). — P. 84–89.

Материал поступил в редакцию 14 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bachurin D. G. Tsifrovaya ekonomika KNR i nalogooblozhenie dobavlennoy stoimosti: analiz problem i tendentsiy pravovogo regulirovaniya // Finansovoe pravo. — 2023. — № 2. — S. 19–22.
2. Karpova O. M., Mayburov I. A. Sravnitelnyy analiz sistem NDS v Rossii i Kitae // Izvestiya Dalnevostochnogo federalnogo universiteta. Ekonomika i upravlenie. — 2018. — № 2 (86). — S. 68–76.
3. Kilinkarova E. V. Nalogovoe pravo KNR na sovremennom etape i nalogovye vyzovy platformennoy ekonomiki // Zakon. — 2024. — № 11. — S. 91–101.
4. Kilinkarova E. V., Trofimov A. A. Obzor rossiyskikh nauchnykh issledovaniy v oblasti prava publichnykh finansov KNR // Pravoprimerenie. — 2021. — Т. 5. — № 4. — S. 248–264.
5. Lyutova O. I. Klassifikatsiya nalogovykh obyazannostey: razvitie v usloviyakh tsifrovizatsii // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2024. — Т. 19. — № 5 (162). — S. 11–17.
6. Lyutova O. I. Osobennosti nalogovoy obyazannosti kak instituta nalogovogo prava v epokhu tsifrovizatsii // Informatsionnoe obshchestvo. — 2023. — № 5. — S. 91–99.
7. Savinskiy S. P. Novaya nalogovaya sistema KNR // Finansy. — 1996. — № 5. — S. 24–25.
8. Troshchinskiy P. V. Tsifrovoy Kitay do i v period koronavirusa: osobennosti normativno-pravovogo regulirovaniya // Pravo i tsifrovaya ekonomika. — 2021. — № 1 (11). — S. 44–58.
9. Shepenko R. A. «Vtoroy uroven» nalogovogo zakonodatelstva KNR // Vestnik MGIMO-Universiteta. — 2008. — № 1 (1). — S. 55–60.
10. Shepenko R. A. Nalogovoe pravo Gonkonga. — М.: Vuzovskaya kniga, 2003. — 440 s.
11. Shepenko R. A. Nalogovoe pravo Kitaya: istochniki i subekty. — М.: Statut, 2004. — 414 s.
12. Shepenko R. A. Pravovoe regulirovanie nalogooblozheniya v Kitayskoy Narodnoy Respublike. — М.: Muravey, 2001. — 200 s.
13. Karpova O. M., Mayburov I. A., Fan Y. Prospects and Problems of Realization of the VAT Neutrality Principle in Russia and China // Journal of Tax Reform. — 2020. — Vol. 6. — No. 2. — P. 124–141.
14. Liu L., Mayburov I. A. Analysis of China's vehicle purchase tax policy research methods: DID model // Beneficium. — 2024. — № 1 (50). — P. 84–89.

Добросовестность: проблемы доктринального определения и практического применения

Аннотация. В статье рассмотрены подходы к пониманию добросовестности в гражданском праве. Аргументирована недопустимость отождествления недобросовестности с гражданским правонарушением или его элементами. Использование субъективного критерия определения добросовестности (недобросовестности) приводит к смешению категории с формой вины. Добросовестность как сложное явление применяется в плоскости «поведение — законные интересы и соответствующие моральным установкам цели — добросовестность — мораль». Обосновывается всеобщий, универсальный характер принципа добросовестности. Наличие специального регулирования добросовестности применительно к отдельным видам отношений не допускает субсидиарного применения общих мер защиты от недобросовестного поведения. Под действие в обход закона с противоправной целью не подпадает недействительная сделка с пороком содержания. Злоупотребление при исполнении обязанности следует рассматривать в отношении кредитора по обязательству и по отношению к третьим лицам (обществу, государству), когда исполнение обязанности затрагивает их права и законные интересы. Исполнение обязанности в рамках обязательства должно соответствовать принципу надлежащего исполнения обязательства, что расценивается как случай специального регулирования реализации принципа добросовестности в гражданском праве. В отношении иных лиц поведение участников гражданских правоотношений может быть недобросовестным со стороны как управомоченных, так и обязанных лиц. Предпринята попытка определения признаков принципа добросовестности.

Ключевые слова: добросовестность; недобросовестное поведение; принцип гражданского права; меры защиты; гражданское правонарушение; злоупотребление правом; злоупотребление при исполнении обязанности; моральные установки; среднее мерило поведения; отказ в защите права.

Для цитирования: Яровой А. В. Добросовестность: проблемы доктринального определения и практического применения // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 83–93. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093.

© Яровой А. В., 2025

* Яровой Александр Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, старший советник юстиции, декан факультета профессиональной переподготовки и повышения квалификации Иркутского юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации
Шевцова ул., д. 1, г. Иркутск, Российская Федерация, 664035
jam98@yandex.ru

Good Faith: Issues of Doctrinal Definition and Practical Application

Alexander V. Yarovoy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Senior Counsellor of Justice, Dean of the Faculty of Professional Retraining and Further Education, Irkutsk Law Institute (branch) of the Prosecutor's University of the Russian Federation, Irkutsk, Russian Federation
jam98@yandex.ru

Abstract. The paper elucidates various approaches to understanding good faith in civil law. It argues against the identification of bad faith with civil wrongdoing or its elements. The use of subjective criteria to define good faith (or bad faith) leads to a conflation of the category with forms of culpability. Good faith, as a complex phenomenon, operates within the framework of «conduct — legal interests and the corresponding moral objectives — good faith — morality». The universal and general nature of the principle of good faith is substantiated. The existence of specific regulations concerning good faith in relation to particular types of relationships precludes the subsidiary application of general measures to protect against bad faith conduct. Transactions that are invalid due to a defect in content are not subject to the legal concept of acting to circumvent the law for unlawful purposes. Abuse of rights in the performance of obligations should be examined in relation to the creditor of the obligation and concerning third parties (society, the state) when the fulfillment of the obligation affects their rights and legitimate interests. The execution of an obligation within the framework of a commitment must conform to the principle of proper performance of obligations, which pertains to the case of specific regulations governing the implementation of the principle of good faith in civil law. Regarding other parties, the behavior of participants in civil legal relationships can be deemed bad faith on the part of both rights holders and obligated persons. An attempt is made to define the characteristics of the principle of good faith.

Keywords: good faith; bad faith behavior; principle of civil law; protective measures; civil wrongdoing; abuse of rights; abuse in the execution of duties; moral standards; average measure of behavior; denial of rights protection.

Cite as: Yarovoy AV. Good Faith: Issues of Doctrinal Definition and Practical Application. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):83-93. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.083-093.

Гражданскому праву присущ дозволи-
тельный тип правового регулирования отно-
шений, возникающих между юридически
равными, имущественно самостоятельными
участниками, обладающими автономией воли.
Дозволительный характер регулирования рас-
крывается через правонаделение. Закрепление
субъективных гражданских прав происходит в
том числе благодаря преобладающим в объ-
ективном гражданском праве управомочиваю-
щим нормам. Правовая инициатива участников
составляет необходимое условие развития граж-
данских правоотношений¹. Возможным нега-
тивным последствием реализации в граждан-
ских правоотношениях правовой инициативы,
автономии воли, свободы договора может стать
поведение, направленное на достижение своих
целей в ущерб интересам других лиц. Нередко

в судебной практике возникает ситуация, когда
«по закону всё правильно, но такое решение не
справедливо». Тем самым происходит подмена
целей правового регулирования. Затрагиваются
интересы отдельных лиц и, несомненно, пуб-
личные, общественные интересы. Подобное
поведение не носит массового характера, тем
не менее негативно влияет на восприятие права
и его социальную сущность.

Добросовестность становится важным меха-
низмом проявления разумности, справедли-
вости в гражданских правоотношениях. Роль
общего и специального регулирования реали-
зации добросовестности в гражданском праве
сложно переоценить. Несмотря на значительное
количество работ, мнений, широкую дискуссию,
доктринальное определение и практическая
реализация добросовестности только начи-

¹ Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. М. : Статут, 2006. С. 120.

нают формироваться. Необходимо выработать новые подходы в отношении научных категорий и институтов, давно и хорошо известных нашему правопорядку. Синергия доктринальных разработок, законодательного регулирования и правоприменения (в первую очередь судебная практика Верховного Суда РФ) может дать положительный эффект совершенствования подходов к добросовестности в гражданском праве, а также привести к последующему законодательному закреплению критериев недобросовестного поведения и мер защиты универсального или специального характера. Категория добросовестности оказывает огромное влияние не только на право, но и на процесс взаимодействия права и морали в механизме правового регулирования.

Проблема определения добросовестности, несмотря на обширную историю, является одной из актуальных в современном гражданском праве. Путь развития подходов к пониманию добросовестности сложен как в доктрине, так и в правоприменительной практике.

Выработка понятия добросовестности не должна стать целью научного познания, а лю-

бые предложенные определения весьма сомнительны. Как нельзя лучше к работам, содержащим попытку определить добросовестность, можно применить известное выражение «плохое понятие бесполезно, хорошее — вредно». Большую ценность представляет анализ сущности добросовестности, характеризующих признаков и свойств, места в системе «право — мораль».

В отечественной науке взгляды на добросовестность представлены двумя основными подходами:

1) двойственный, или компромиссный, подход, в соответствии с которым добросовестность необходимо рассматривать в объективном и субъективном смысле (такого мнения придерживаются, в частности, В. Д. Андреева², Ю. В. Брисов³, А. А. Волос⁴, Т. Ю. Дроздова⁵, А. В. Егоров⁶, Т. В. Новикова⁷, К. В. Нам⁸, И. Б. Новицкий⁹, А. И. Пименов¹⁰);

2) единый, унифицированный подход (сторонниками выступают В. П. Грибанов¹¹, В. И. Емельянов¹², С. Д. Радченко¹³, К. И. Скловский¹⁴, А. В. Татарников¹⁵), по которому не выделяются два указанных смысла категории, а

² Андреева В. Д. Понимание содержания принципа добросовестности в гражданском праве // Новая наука: проблемы и перспективы. 2016. № 8. С. 272.

³ Брисов Ю. В. Добросовестность в гражданском праве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. 2020. Т. 45. № 1. С. 95.

⁴ Волос А. А. Принципы-методы гражданского права и их система : монография. М. : Юстицинформ, 2018. С. 193.

⁵ Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2004. С. 6–7.

⁶ Егоров А. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. 2013. № 2. С. 5.

⁷ Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 126.

⁸ Нам К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. С. 21.

⁹ Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. С. 134.

¹⁰ Пименова А. И. Проблемы развития категории «добросовестность» в гражданском праве России // Право и правоохранительная деятельность : международная научно-практическая конференция (28 апреля 2017 г.). Саратов : Саратовский источник, 2017. С. 207.

¹¹ Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав // Классика российской цивилистики: М. : Статут, 2001. С. 64–77.

¹² Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. М. : Лекс-Книга, 2002. С. 74.

добросовестность есть сложная категория, проявляющаяся в единственном смысле.

Согласно компромиссному подходу добросовестность следует рассматривать в субъективном и объективном смыслах: в объективном — как основное начало гражданского права, обладающее морально-нравственной детерминантой, а в субъективном — как «незнание субъекта гражданского оборота о неправомерности своего поведения» в конкретных обстоятельствах, обладающее интеллектуальной детерминантой¹⁶. Добрая совесть в своем объективном проявлении есть объективно существующий критерий (внешнее мерило), отвечающий требованиям гражданского оборота и позволяющий внешне оценивать поведение его участников. Добросовестность в данном смысле включает в себя определенные условно существующие элементы: 1) учет интересов ближнего; 2) соблюдение доверия к другим участникам гражданских правоотношений; 3) соблюдение морально-нравственных основ оборота; 4) соблюдение уверенности других субъектов оборота в известной доброжелательности контрагента.

В субъективном смысле сторонники этого подхода именуют добросовестность извинительным незнанием¹⁷, подразумевая под ним ошибочное знание или незнание лица об определенных обстоятельствах объективной действительности — юридических фактах (фактическая ошибка) или о противоправности своего поведения (правовая ошибка). Необходимо сразу отметить дискуссионность выделения правовой ошибки. Известно, что незнание закона не освобождает от ответственности, и здесь происходит смешение понятий: элемента основания гражданско-правовой ответственности и недобросовестности поведения в конкретной ситуации. Тем не менее сторонники подхода считают, что

в основе «извинительного незнания» лежит заблуждение, заключающееся либо в незнании субъекта гражданского оборота о каких-либо юридических фактах, которые существуют в реальности, либо в неправильном представлении о них. Кроме того, важно, чтобы «извинительное незнание» имело место не вследствие грубой неосторожности или умысла, ибо в противном случае лицо будет недобросовестным в субъективном смысле. Если же заблуждение в фактах произошло из-за легкой небрежности, то лицо, вероятно, является добросовестным в субъективном смысле, однако только в том случае, если на возможность признания его таковым прямо указано в нормативном правовом акте. В законе добросовестность в субъективном смысле закрепляется в виде формулировки «не знал», или «не знал или не должен был знать», или «не знал или не мог знать». Выражение «не знал» отражает фактическое незнание, которое практически никогда нельзя доказать, в связи с чем необходимо всегда предусматривать дополнительную формулу «не должен был знать». Последняя раскрывается через условно «среднего» человека. Определение добросовестности через призму субъективного критерия неминуемо приведет к совпадению с психическим отношением к своему действию (бездействию). Как известно, грубая неосторожность определяется по формуле: лицо не проявило той степени заботливости и осмотрительности, которая требовалась от любого участника оборота. Установление недобросовестности в субъективном смысле сходно с установлением виновности — по объективным признакам. Следовательно, формулировка «знал или должен был знать» не более чем юридический прием для установления характеристики поведения «среднего» участника гражданского правоотношения. Установление добросовестности (недобросовест-

¹³ Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. М. : Волтерс Клувер, 2010. С. 38.

¹⁴ Скловский К. И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации, 2018. № 2. С. 94–118.

¹⁵ Татарников А. В. Принцип разумности и добросовестности в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 44.

¹⁶ Дроздова Т. Ю. Указ. соч. С. 4.

¹⁷ Новицкий И. Б. Указ. соч. С. 13.

ности) поведения в конечном счете производится судом по объективным характеристикам в конкретной правовой ситуации.

Согласно второму подходу добросовестность определяется в единственном смысле. В. И. Емельянов считает, что добросовестность необходимо рассматривать исключительно с точки зрения «извинительного заблуждения» субъекта гражданских правоотношений. Иными словами, добросовестность есть незнание об определенных негативных последствиях для контрагента (т. е. о вреде)¹⁸. Лицо будет добросовестным, если оно действует без умысла причинить вред другому лицу, а также не допускает неосторожности (в любой форме) по отношению к потенциальной возможности причинения вреда (т. е. лицо знает или должно знать о юридическом факте, который может повлечь последствия в виде вреда). Иначе говоря, добросовестный субъект — это тот, кто проявил должную заботливость (т. е. при отсутствии вины в любой форме) «среднего» человека о предотвращении возможности причинить вред другому лицу. Правильность данных выводов обосновывается наличием в законе формул «не знал или не должен был знать» и иных подобных. Фактически категория «добросовестность» совпадает с категорией невиновности. Сравнивая категории вины и недобросовестности, можно прийти к выводу, что виновность есть частное проявление недобросовестности (недобросовестность в широком смысле является родовым понятием, включающим в себя вину и недобросовестность в узком смысле)¹⁹. Потребность в использовании недобросовестности в узком смысле возникает в случаях, прямо предусмотренных законом, когда отсутствует гражданско-правовое нарушение или деликт, но имеют место действия, совершаемые с пониманием возможности причинения вреда другому лицу или неоправданным непредвидением ее.

Другие сторонники единого подхода к определению категории добросовестности рассматривают ее в качестве основного начала гражданского законодательства (принципа права). Содержание принципа составляет некая абстрактная модель поведения участников гражданского оборота, признанная законом, обычаями, судебной практикой, основанная на представлениях о нравственности поведения при установлении, прекращении, осуществлении (исполнении) гражданских прав и обязанностей, применяемая для оценки поведения сторон правоотношений на предмет юридически значимой осведомленности («знал» или «должен был знать»), а также для оценки всего поведения субъектов в рамках гражданского оборота²⁰.

Сходной точки зрения придерживается А. В. Татарников. Но он смешивает в содержании данного принципа два самостоятельных проявления добросовестности: извинительное незнание и основное начало гражданского права. Содержание добросовестности базируется и на субъективной составляющей («не знал» или «не должен был знать»), и на объективной (внешнее мерило) — ожидаемом поведении абстрактного «среднего» контрагента по тому или иному договору в соответствующих отношениях²¹.

В. П. Грибанов предлагал рассматривать недопустимость осуществления гражданских прав в противоречии с их назначением исключительно в качестве принципа. Содержание универсального принципа составляет требование, обращенное к субъектам гражданско-правовых отношений, по осуществлению гражданских прав с соблюдением требований закона и моральных устоев²². К. И. Скловский характеризует добросовестность в качестве принципа гражданского права, обладающего общеобязательностью, универсальностью, всеобщностью, прямым действием. При этом смысловое содержание данного принципа является достаточно

¹⁸ Емельянов В. И. Указ. соч. С. 75–77.

¹⁹ Емельянов В. И. Указ. соч. С. 88.

²⁰ Богданова Е. Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях : монография. М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2010. С. 11, 13.

²¹ Татарников А. В. Указ. соч. С. 75–77.

²² Грибанов В. П. Указ. соч. С. 87.

абстрактным и подлежит конкретизации судом в каждом случае, но исходя из условных критериев: законопослушности, соблюдения прав и интересов других участников оборота и др. Вместе с тем принцип добросовестности имеет различные формы проявления, в том числе и извинительное незнание²³.

Любые попытки определения добросовестности в субъективном смысле приводят к смешению добросовестности с той или иной формой вины. Градации на степени (уровни) недобросовестности не существует, и такой подход обречен на неудачу. Вина как элемент гражданского правонарушения отражает психическое отношение лица к своему действию (бездействию). Вину следует отличать от установления виновности. Вина носит субъективный характер, а установление виновности происходит по объективным признакам как установление возможности иного поведения участника гражданского правоотношения, если в результате такого поведения возможно было избежать причинения вреда. Добросовестность характеризует поведение субъектов. Она, по сути, влияет на качественную характеристику поведения участника гражданского правоотношения независимо от оценки поведения (отношения к нему) со стороны субъекта. Только поведение может быть добросовестным или недобросовестным. Характеристика недобросовестности через субъективное «извинительное незнание» приводит к оценке психического отношения лица к своим действиям или бездействию и становится следующей, более нижней ступенью формы вины лица после неосторожности. Формула «знал или должен был знать» используется лишь постольку, поскольку судом участнику правоотношения будет объективно вменяться соответствующее знание или незнание о тех или иных фактических обстоятельствах исходя из того, был ли выдержан им критерий поведения среднего субъекта оборота или нет. И, очевидно, только по поведению суд будет (и может) судить о добросовестности участника гражданского оборота.

Недобросовестное поведение не может служить основанием для гражданского правонарушения, а также не выступает его элементом, в связи с чем любая попытка оценить поведение участников гражданского правоотношения с точки зрения его знания или незнания, предвидения возможных последствий приводит к рассмотрению его в качестве той или иной формы вины, и, как следствие, происходит смешение характеристики недобросовестности и гражданского правонарушения. Очевидно, категории вины и недобросовестности не соотносятся как род и вид (форма).

Добрую совесть необходимо воспринимать как объективно существующий критерий, внешнее мерило, позволяющее оценивать поведение лиц исходя из целеполагания. Внешне отношения строятся в соответствии с нормами права, поведение облекается в соответствующие правовые формы, но участие направлено на достижение таких целей, которые не соответствуют принципу добросовестности. Можно ли отнести недобросовестное поведение к противоправному (незаконному)? По мнению отдельных исследователей, несоблюдение принципа добросовестности приводит к противоправности. В обоснование подхода используется аргумент о закреплении принципа в правовой норме (ст. 1 ГК РФ). Несоблюдение принципа — нарушение нормы и, следовательно, противоправность поведения. На основании чего делается вывод, что любое недобросовестное поведение является незаконным²⁴. Сходным подходом в литературе можно признать мнение о том, что любое противоправное действие или бездействие одновременно является недобросовестным поведением. Отождествление противоправного и недобросовестного поведения не позволит развить систему мер защиты гражданских прав. Наличие правового регулирования привлечения к гражданско-правовой ответственности исключает необходимость применения нормы о добросовестности с применением мер защиты от недобросовестного поведения. Любое опре-

²³ Словский К. И. Указ. соч.

²⁴ Эрделевский А. М. О некоторых вопросах злоупотребления правом // Хозяйство и право. 2010. № 3 (398). С. 13–25.

деление критериев недобросовестности и правил защиты от подобного поведения столкнется с противоречием разработанному механизму гражданской правовой ответственности или иному институту гражданского права. В частности, Гражданский кодекс РФ предоставляет возможность возмещения убытков лицу, чьи права были нарушены в результате злоупотребления правом (п. 4 ст. 10). Очевидно, что возмещение убытков должно происходить без применения норм гл. 59 ГК РФ. При этом поведение субъектов должно считаться добросовестным при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей и только при установлении целевого отклонения поведения при правильном применении правовых норм может привести к включению специфического механизма мер защиты от недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений.

Добросовестность — более сложная категория, чем характеристика поведения участников гражданских правоотношений в объективном и (или) субъективном смысле. В настоящее время ее необходимо рассматривать в качестве принципа гражданского права. Закрепление его в ГК РФ позволяет добиваться целей правового регулирования в аспекте соблюдения моральных установок в общественных отношениях. Представляется, что поиск характеристики добросовестности лежит в плоскости соотношения морали и права. Несомненно, нормы права базируются на социальных установках о добре, справедливости, разумности, взаимопомощи, дружелюбии. Гражданские правовые нормы не исключение, однако их диспозитивность, наличие оценочных категорий, необходимых для широты правовой инициативы участников отношений, могут приводить к спорной ситуации, когда отношения, права и обязанности участников полностью соответствуют правовым предписаниям, но следование им приводит к несправедливому решению, ущемляет законные интересы отдельных лиц, а также общественные (публичные) интересы. Построение отношений, внешне соответствующих гражданскому праву, но, по сути, противоречащих его духу, приводит к существенному недостатку правового регулирования общественных отношений. Любой субъект

надеется на добросовестность других участников гражданских правоотношений, учитывает интересы ближнего, оказывает доверие, ожидает соблюдения морально-нравственных основ оборота, уверен в известной доброжелательности контрагента и его добрых намерениях. Добрая совесть служит целям отрицания исключительного индивидуализма в таких правоотношениях.

Добросовестность представляется как сложившееся в обществе незыблемое представление о добре и зле. Учет национальных моральных установок отдельных народов нашего многонационального государства не должен происходить при применении судом принципа добросовестности. Плоскости применения можно определить следующим образом: «поведение — законные интересы и соответствующие моральным установкам цели — добросовестность — мораль», «правоотношение — субъективные права и обязанности — право».

Гражданское право построено на проверенных веками (даже тысячелетиями) правилах, их оценка, критерии защиты во многом базируются на практике римских юристов. Эдикты магистратов позволяли гибко реагировать на усложнение общественных отношений, возникающие правовые казусы, и, как следствие, происходило установление и развитие новых юридических конструкций. Основным средством развития юридической мысли была возможность применения правовой нормы с учетом *bona fides*. В праве на иск могло быть отказано, если удовлетворение требования, соответствующего правовому предписанию, было несправедливым, противоречило доброй совести. Аналогичный путь предстоит пройти отечественной юридической науке. Субъекты должны строить отношения в соответствии с принципом добросовестности при неукоснительном соблюдении правовых предписаний. Если выявляется аномалия поведения в конкретном правоотношении, суд может по инициативе сторон или собственной инициативе применить принцип добросовестности.

Добросовестность как принцип есть, безусловно, требование, носящее общеобязательный характер. Более того, добросовестность обладает чертами всеобщности и универсальности, то есть этот принцип должен соблюдаться

абсолютно во всех сферах общественных отношений, регулируемых гражданским правом. Субъекты гражданского оборота должны действовать в соответствии с требованием добросовестности не только когда закон прямо указывает на это (в отдельных статьях), но и когда отсутствует специальное нормативно закрепленное обязывание. Действие принципа основывается на общих требованиях и установлении универсальных мер защиты (ст. 1, 10 ГК РФ), а также регламентации специальных правил, применяемых к отдельным видам отношений. Так, несомненно, собственник не утрачивает титула при выбытии вещи из своего владения, но добросовестность приобретателя может привести к утрате права собственности (ст. 302 ГК РФ). Причем правовое регулирование, толкование оценочных понятий добросовестности приобретения вещи находится в активной балансировке со стороны Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ. Специальные правила о применении принципа добросовестности касаются истребования документарных ценных бумаг (ст. 147.1 ГК РФ), отказа в признании сделки недействительной (ст. 166 ГК РФ), переработки (ст. 220 ГК РФ), давностного владения (ст. 234 ГК РФ), заключения договора (ст. 432 ГК РФ) и в других нормах. Можно констатировать, что в указанных случаях принцип добросовестности реализован в специальном правовом регулировании и применение общего регулирования (ст. 10 ГК РФ) недопустимо. Выработка судебной практикой устойчивых критериев отнесения поведения к недобросовестному будет приводить к законодательному закреплению правил применения принципа к отдельным видам отношений. На сегодняшний день существуют четкие позиции по поводу того, какое поведение следует считать добросовестным или недобросовестным (в объективном смысле), содержащиеся в том числе в отдельных документах Верховного Суда РФ (например, в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»²⁵, от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некото-

рых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»²⁶ и др.).

Общей нормой, регламентирующей реализацию принципа добросовестности для субъектов гражданских отношений и устанавливающей способ защиты от недобросовестного поведения, является статья 10 ГК РФ. Правовая категория «злоупотребление правом» характеризуется как главная разновидность недобросовестного поведения. Злоупотребление правом может выражаться в осуществлении гражданских прав исключительно с целью причинения вреда другому лицу либо в действии в обход закона с противоправной целью, а также в ином заведомо недобросовестном осуществлении гражданских прав.

Действие в обход закона с противоправной целью не стоит рассматривать как порок содержания сделки. Такой вид недобросовестного поведения не может состоять в заключении сделки с нарушением требований закона или иного правового акта, а также не может являться недействительной сделкой, совершенной с целью, противной основам правопорядка и нравственности. Гражданское законодательство специально регулирует такие случаи (ст. 168 и 169 ГК РФ соответственно). Правовое последствие должно состоять в оспоримости или ничтожности сделки и применении последствий недействительности. Установленное законом злоупотребление правом в форме действия в обход закона с противной целью заключается в наличии у субъекта (субъектов) правоотношения цели, противоречащей принципу добросовестности, при внешнем соблюдении всех правовых предписаний. Порок содержания содержит нарушение правовых требований к сделке.

Так, лица, замещающие государственные должности, обязаны подтверждать приобретение своего имущества на законные доходы, в качестве обоснования этого могут представляться договоры купли-продажи, подряда. В договоре может содержаться условие о цене товара (результата работы) существенно ниже рыночной. Хотя условия договора полностью соответствуют требованиям закона, однако подобное поведе-

²⁵ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

²⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

ние государственного служащего может быть расценено как осуществление гражданских прав с противоправной целью. Прокурору, уполномоченному на обращение имущества в доход Российской Федерации (ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам»²⁷), не требуется признавать сделку недействительной, но при этом необходимо представить доказательства недобросовестного поведения лица, а ответчику должно быть отказано в защите права на имущество (п. 2 ст. 10 ГК РФ). Доказательства недобросовестного поведения должны определяться без учета психического отношения субъекта к своим действиям, а исходя из представлений о среднем мериле поведения государственного служащего и соблюдении этических правил.

Нарушение принципа добросовестности при осуществлении гражданских прав относится к злоупотреблению правом. При всей доле условности оно наиболее удачно отражает суть отношений и интуитивно понятно как участникам правоотношений, так и правоприменителю. В гражданском законодательстве устанавливается требование о добросовестном поведении участников гражданских правоотношений (ст. 1 ГК РФ), которое выражается не только в осуществлении права, но и в исполнении обязанности. Злоупотребление при исполнении обязанности следует рассматривать в отношении контрагента по обязательству (управомоченного лица в правоотношении) и к третьим лицам (обществу, государству), когда исполнение обязанности затрагивает их права и законные интересы. Исполнение обязанности в рамках обязательства должно соответствовать принципу надлежащего исполнения обязательства (ст. 309 ГК РФ), что можно отнести к случаю специального регулирования реализации принципа добросовестности в гражданском праве. В отношении иных лиц поведение участников гражданских правоотношений может быть недобросовестным со стороны как управомоченных, так и обязанных лиц. Для при-

мера вспомним приведенную выше ситуацию, когда чиновник приобрел имущество по существенно заниженной цене, а продавец получил дополнительную материальную выгоду за рамками обязательства купли-продажи. Поведение участников сделки будет рассматриваться как недобросовестное вне зависимости от осуществления права или исполнения обязанности в обязательстве. Независимо от осуществления права или исполнения обязанности недобросовестным поведением признается получение выгоды от инициирования процедуры несостоятельности (банкротства) юридического лица, причиняющее вред независимым участникам оборота (п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»²⁸).

Заведомо недобросовестному поведению собственника по отчуждению жилого помещения (злоупотреблению правом) дана оценка судом в делах о выселении детей прежних собственников. Судебная практика, основываясь на постановлении Конституционного Суда РФ от 08.06.2010 № 13-П «По делу о проверке конституционности пункта 4 ст. 292 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки В. В. Чадаевой»²⁹, защищает жилищные права несовершеннолетнего от злоупотреблений со стороны родителя — собственника жилого помещения. В совершении сделки с жилым помещением, в результате которой ребенок собственника лишается права пользования жилым помещением без предоставления права пользования в другом жилом помещении, усматривается злоупотребление родителя — собственника жилого помещения, а также недобросовестное поведение приобретателя жилья, обремененного правами ребенка прежнего собственника. При предъявлении покупателем иска о выселении ребенка прежнего собственника суд откажет в удовлетворении требования, если установлено злоупотребление правом собственности со стороны родителя,

²⁷ СЗ РФ. 2012. № 50 (ч. IV). Ст. 6953.

²⁸ Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 3.

²⁹ СЗ РФ. 2010. № 25. Ст. 3246.

при этом правовые последствия наступят и для покупателя: право собственности на жилое помещение будет обременено правами ребенка прежнего собственника. Если покупатель действовал добросовестно — не знал и не должен был знать о таких правах, — то он может заявить требование о расторжении договора или о возмещении убытков за передачу вещи с обременением правами третьих лиц (ст. 460 ГК РФ)³⁰.

Добросовестность как принцип не имеет и не должна иметь четкого содержания. По своей сути этот принцип является абстрактным и требует конкретизации судом при каждом рассмотрении дела. Судебным актом должны формулироваться обоснованные выводы признания поведения недобросовестным по объективным критериям. Абстрактность принципа одновременно обладает преимуществами, так как по-

зволяет адаптировать правовое регулирование к развивающимся общественным отношениям и конкретным ситуациям.

Добросовестность обладает характеристиками универсальности (т. е. относится не только к сфере осуществления гражданских прав, но и к исполнению обязанностей), всеобщности (распространяет свое действие на все институты в рамках отрасли гражданского права, однако выработка устойчивых критериев отнесения поведения к недобросовестному в какой-либо сфере общественных отношений приводит к их закреплению в специальных нормах и к применению специальных мер защиты), общеобязательности, абсолютного характера (может применяться в том числе по инициативе суда на основе общей нормы (ст. 10 ГК РФ) без указания на необходимость действовать добросовестно).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Андреева В. Д. Понимание содержания принципа добросовестности в гражданском праве // Новая наука: проблемы и перспективы. — 2016. — № 8. — С. 271–273.
2. Богданова Е. Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях : монография. — М. : Юнити-Дана : Закон и право, 2010. — 159 с.
3. Брисов Ю. В. Добросовестность в гражданском праве // Nomothetika: Философия. Социология. Право. — 2020. — Т. 45. — № 1. — С. 88–97.
4. Волос А. А. Принципы-методы гражданского права и их система : монография. — М. : Юстицинформ, 2018. — 258 с.
5. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав // Классика российской цивилистики. — М. : Статут, 2001. — 410 с.
6. Дроздова Т. Ю. Добросовестность в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2004. — 187 с.
7. Егоров А. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы // Legal insight. — 2013. — № 2. — С. 4–10.
8. Емельянов В. И. Разумность, добросовестность, незлоупотребление гражданскими правами. — М. : Лекс-Книга, 2002. — 159 с.
9. Нам К. В. Принцип добросовестности. Основы теории и правоприменения в контексте немецкого правового опыта : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2021. — 472 с.
10. Новикова Т. В. Понятие добросовестности в российском гражданском праве : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2003. — 192 с.
11. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. — 2006. — № 1. — С. 124–182.
12. Пименова А. И. Проблемы развития категории «добросовестность» в гражданском праве России // Право и правоохранительная деятельность : международная научно-практическая конференция (28 апреля 2017 г.). — Саратов : Саратовский источник, 2017. — С. 204–207.

³⁰ Определение Верховного Суда РФ 16.04.2013 № 4-КГ13-2 // СПС «КонсультантПлюс».

13. Радченко С. Д. Злоупотребление правом в гражданском праве России. — М. : Волтерс Клувер, 2010. — 216 с.
14. Скловский К. И. Применение права и принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. — 2018. — № 2. — С. 94–118.
15. Татарников А. В. Принцип разумности и добросовестности в гражданском праве России : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2010. — 169 с.
16. Эрделевский А. М. О некоторых вопросах злоупотребления правом // Хозяйство и право. — 2010. — № 3 (398). — С. 13–25.
17. Яковлев В. Ф. Гражданско-правовой метод регулирования общественных отношений. — М. : Статут, 2006. — 238 с.

Материал поступил в редакцию 12 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Andreeva V. D. Ponimanie soderzhaniya printsipa dobrosovestnosti v grazhdanskom prave // Novaya nauka: problemy i perspektivy. — 2016. — № 8. — S. 271–273.
2. Bogdanova E. E. Dobrosovestnost i pravo na zashchitu v dogovornykh otnosheniyakh: monografiya. — M.: Yuniti-Dana: Zakon i pravo, 2010. — 159 s.
3. Brisov Yu. V. Dobrosovestnost v grazhdanskom prave // Nomothetika: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. — 2020. — T. 45. — № 1. — S. 88–97.
4. Volos A. A. Printsipy-metody grazhdanskogo prava i ikh sistema: monografiya. — M.: Yustitsinform, 2018. — 258 s.
5. Gribanov V. P. Osushchestvlenie i zashchita grazhdanskikh prav // Klassika rossiyskoy tsivilistiki. — M.: Statut, 2001. — 410 s.
6. Drozdova T. Yu. Dobrosovestnost v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — Irkutsk, 2004. — 187 s.
7. Egorov A. Printsip dobrosovestnosti v Grazhdanskom kodekse RF: pervye shagi reformy // Legal insight. — 2013. — № 2. — S. 4–10.
8. Emelyanov V. I. Razumnost, dobrosovestnost, nezloupotreblenie grazhdanskimi pravami. — M.: Leks-Kniga, 2002. — 159 s.
9. Nam K. V. Printsip dobrosovestnosti. Osnovy teorii i pravoprimeneniya v kontekste nemetskogo pravovogo opyta: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2021. — 472 s.
10. Novikova T. V. Ponyatie dobrosovestnosti v rossiyskom grazhdanskom prave: dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2003. — 192 s.
11. Novitskiy I. B. Printsip dobroy sovesti v proekte obyazatelstvennogo prava // Vestnik grazhdanskogo prava. — 2006. — № 1. — S. 124–182.
12. Pimenova A. I. Problemy razvitiya kategorii «dobrosovestnost» v grazhdanskom prave Rossii // Pravo i pravookhranitel'naya deyatel'nost: mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya (28 aprelya 2017 g.). — Saratov: Saratovskiy istochnik, 2017. — S. 204–207.
13. Radchenko S. D. Zloupotreblenie pravom v grazhdanskom prave Rossii. — M.: Volters Kluver, 2010. — 216 s.
14. Sklovskiy K. I. Primenenie prava i printsip dobrosovestnosti // Vestnik ekonomicheskogo pravosudiya Rossiyskoy Federatsii. — 2018. — № 2. — S. 94–118.
15. Tatarnikov A. V. Printsip razumnosti i dobrosovestnosti v grazhdanskom prave Rossii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2010. — 169 s.
16. Erdelevskiy A. M. O nekotorykh voprosakh zloupotrebleniya pravom // Khozyaystvo i pravo. — 2010. — № 3 (398). — S. 13–25.
17. Yakovlev V. F. Grazhdansko-pravovoy metod regulirovaniya obshchestvennykh otnosheniy. — M.: Statut, 2006. — 238 s.

ГРАЖДАНСКОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.094-103

Е. Н. Лукашевич*

Правила состязания в арбитражном процессе, сформированные в результате судебного правоприменения

Аннотация. Статья посвящена изучению судебной практики по вопросам реализации принципа состязательности в арбитражном процессе. Выявлена этапность в развитии состязательного процесса, обусловленная динамикой социально-экономических отношений, сближением правовых систем, поиском подходов и способов достижения эффективности правосудия, сменой процессуальных парадигм. Установлено, что в результате судебного правоприменения сформированы правила состязания, основанные на содействии правосудию, добросовестном раскрытии правдивой информации и доказательств, имеющих значение для дела. Судами определены исключения из общего правила распределения бремени доказывания: неравенство в процессуальных возможностях доказывания и недобросовестное процессуальное поведение, заключающееся в нераскрытии информации, непредставлении доказательств, отказе от дачи пояснений. Бремя представления доказательств теперь не следует безусловно за бременем утверждения: в условиях неравенства процессуальных возможностей доказывания бремя представления доказательств возлагается на ту сторону, которая обладает или должна обладать доказательствами. Такие подходы являются обоснованными и соответствуют целям и задачам процесса. В то же время принцип правовой определенности требует встраивания выработанных правил в гражданско-процессуальную форму, а также их дальнейшей детализации и конкретизации.

Ключевые слова: принцип состязательности; бремя доказывания; бремя представления доказательств; обязанность раскрыть доказательства; процессуальная добросовестность; истребование доказательств; бремя опровержения; раскрытие информации; распределение бремени доказывания; процессуальный риск.

Для цитирования: Лукашевич Е. Н. Правила состязания в арбитражном процессе, сформированные в результате судебного правоприменения // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 94–103. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.094-103.

© Лукашевич Е. Н., 2025

* Лукашевич Екатерина Николаевна, руководитель юридического департамента группы компаний «РЕСА», аспирант кафедры гражданского права и процесса Челябинского государственного университета Братьев Кашириных ул., д. 129, г. Челябинск, Российская Федерация, 454001
lukashevich2006@mail.ru

Rules of Adversarial Proceedings in Arbitration Formed Through Judicial Application

Ekaterina N. Lukashevich, Head of the Legal Department, RESA Group of Companies,
Postgraduate Student, Department of Civil Law and Procedure, Chelyabinsk State University,
Chelyabinsk, Russian Federation
lukashevich2006@mail.ru

Abstract. The paper examines judicial practice regarding the implementation of the adversarial principle in arbitration proceedings. The study identifies stages in the development of adversarial proceedings, driven by the dynamics of socio-economic relations, the convergence of legal systems, the search for approaches and methods to enhance judicial efficiency, and shifts in procedural paradigms. It is established that, as a result of judicial application, rules of adversarial proceedings have been formed based on facilitating justice, the good-faith disclosure of truthful information, and the presentation of evidence relevant to the case. Courts have defined exceptions to the general rule of burden of proof distribution — inequality in procedural opportunities for proving and bad-faith procedural conduct, including the withholding of information, failure to present evidence, or refusal to provide explanations. The burden of proof no longer follows unconditionally the burden of assertion: in conditions of inequality of procedural powers of proof, the burden of proof is placed on the party that has or should have the evidence. Such approaches are justified and align with the objectives of the proceedings. At the same time, the principle of legal certainty requires integrating these developed rules into the civil procedural framework, as well as their further elaboration and specification.

Keywords: adversarial principle; burden of proof; burden of presenting evidence; duty to disclose evidence; procedural good faith; obtaining evidence; burden of rebuttal; disclosure of information; distribution of burden of proof; procedural risk.

Cite as: Lukashevich EN. Rules of Adversarial Proceedings in Arbitration Formed Through Judicial Application. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):94-103. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.094-103.

Достижение таких задач арбитражного процесса, как защита нарушенных или оспариваемых прав и справедливое судебное разбирательство в разумный срок, возможно при условии, если гражданская процессуальная форма содержит эффективные способы установления фактических обстоятельств дела и соответствует уровню развития общественных отношений, правосознанию и социальным потребностям общества.

Как указывал Т. М. Яблочков, единственно возможный способ выяснения спорных обстоятельств дела и источник необходимой информации для суда — это состязание¹.

Законодательно установленные правила состязательного процесса должны обеспечивать

возможность суду в разумный срок установить «действительное отношение между сторонами»² и принять справедливое решение.

В настоящей статье предпринята попытка проанализировать некоторые правила состязания в арбитражном процессе, определенные законодателем, а также сформированные судебной практикой в течение последних 12 лет, факторы, способствовавшие отклонению от курса, определенного в АПК РФ³, и тенденции дальнейшего развития состязательного арбитражного процесса.

Из системного анализа ст. 41, п. 5 ч. 2 ст. 125, п. 3 ч. 5 ст. 131, ст. 65, 66, ч. 1 ст. 168, п. 1 ч. 1 ст. 135 АПК РФ можно сделать вывод, что подход законодателя к пониманию состязательно-

¹ Яблочков Т. М. К учению об основных принципах гражданского процесса. М., 1914. С. 42–43.

² Рязановский В. А. Единство процесса : учеб. пособие. М. : Городец, 2005. С. 36.

³ Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.

сти заключается в установлении пределов бремени представления и раскрытия доказательств стороной: сторона должна раскрывать и представлять только те доказательства, которые подтверждают ее позицию. В АПК РФ отсутствуют нормы, накладывающие на лиц, участвующих в деле, обязанность сообщать суду правдивую информацию, содействовать правосудию в установлении действительных обстоятельств дела, так же как не предусмотрены эффективные механизмы, побуждающие стороны раскрывать информацию и представлять доказательства, которые имеют значение для правильного разрешения дела. Из установленных законодателем пределов бремени представления и раскрытия доказательств следует возможность безрискового пассивного поведения ответчика, заключающегося в простом отрицании иска до тех пор, пока истец не выполнит бремя доказывания⁴.

Единственное законодательно закрепленное исключение из вышеуказанных правил — истребование судом у стороны доказательств по ходатайству ее оппонента в соответствии с ч. 6 ст. 66 АПК РФ. В то же время институт истребования

доказательств как способ выравнивания процессуальных возможностей сторон в доказывании и установления действительных обстоятельств дела нечасто применяется судами и не находит активного развития в судебной практике⁵. Как будет указано ниже, судебная практика преимущественно идет по пути развития института раскрытия доказательств, а также информационного сотрудничества сторон и суда.

Проблемы установления действительных обстоятельств дела, вызванные утаиванием сторонами в процессе информации и доказательств, неоднократно отмечались в литературе⁶. А. Г. Карапетов обращал внимание на то, что «в российских реалиях... сторона не только не обязана раскрывать доказательства, свидетельствующие против себя, но и может практически безнаказанно предоставлять ложные объяснения по факту спора, а механизмы истребования доказательств у процессуального оппонента работают крайне плохо»⁷.

В то же время следует отметить некую этапность в развитии подходов к пониманию состязательности: период с принятия АПК РФ в 2002 г. до 2012 г. (первое дело, с которого в

⁴ На это указывала Н. А. Бортникова (*Бортникова Н. А. Доказывание в судебном процессе // СПС «КонсультантПлюс». 2024*).

⁵ Суды, отказывая в удовлетворении ходатайства об истребовании доказательств, используют следующие доводы: «доказательства могут быть истребованы только у лиц, которые не участвуют в деле, и не могут быть истребованы у сторон спора»; «истребование документов у стороны спора не отвечает принципу состязательности и равноправия сторон в арбитражном процессе»; «бремя доказывания не может быть возложено на другую сторону путем истребования у нее доказательств в порядке части 4 ст. 66 АПК РФ». См., например: постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.03.2020 № Ф01-8776/2020 по делу № А29-8800/201612 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 19.07.2018 № Ф09-4348/18 по делу № А60-55205/201712 // URL: <https://kad.arbitr.ru/>; постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 11.12.2023 № 01АП-6289/2023 по делу № А39-8072/2022 // URL: <https://1aas.arbitr.ru/>; постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 15.03.2024 по делу № А74-2179/2023 // URL: <https://3aas.arbitr.ru/>; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 08.02.2024 № 09АП-87765/2023-ГК, 09АП-89133/2023-ГК по делу № А40-138450/2022 // URL: <https://9aas.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

⁶ См.: *Будылин С. Л.* Рентгеновский луч права. Раскрытие доказательств в России и за рубежом // *Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 7. С. 56–97*; *Афанасьев С. Ф.* О праве на ложь в гражданском процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // *Юрист. 2020. № 1. С. 22–28*.

⁷ Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова, В. В. Байбак, С. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022. С. 1307.

судебной практике начинают формироваться новые подходы к состязательности, — дело Кировского завода) и следующий — с 2012 г. по настоящее время. Первое десятилетие после принятия АПК РФ можно охарактеризовать как время отстаивания в литературе⁸ и судебной практике «чистой состязательности», признаки которой были описаны выше. Начиная с 2012 г. динамика социально-экономических отношений, сближение правовых систем⁹, вызванное в том числе поиском подходов и способов достижения эффективности правосудия¹⁰, смена процессуальных парадигм¹¹ оказывают влияние на формирование в судебном правоприменении новых подходов к сути состязательного процесса. Именно судебная практика, которая формируется под влиянием правовой культуры, общества в целом¹² и является рупором правосознания¹³, способна задать такие подходы к пониманию состязательности, которые смогут эффективно обеспечить достижение задач процесса. В. А. Белов указывал: «Судья — это не

пассивный “приминитель” законодательства, не проводник воли закона, а фигура, играющая активную роль в образовании и поддержании общественного правопорядка, выполняющая функции творения права»¹⁴.

Рассмотрим в хронологическом порядке ключевые судебные дела, изменившие в течение последних 10 лет правила состязательного процесса.

1. Дело Кировского завода¹⁵. В литературе неоднократно отмечалось, что это дело существенно изменило направление развития судебной практики¹⁶. Во-первых, на уровне высшего суда впервые были определены последствия непредставления стороной истребуемых судом доказательств: признание судом фактов, указанных (в данном случае) истцом и не опровергнутых ответчиком, доказанными. АПК РФ не содержит нормы, допускающей применение презумпции в случае непредставления стороной истребуемых судом доказательств. В дальнейшем Президиум Высшего Арбитраж-

⁸ См.: Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова [и др.] ; под ред. М. А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2019. С. 229–230 ; Жуков А. А. Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2022. С. 78.

⁹ На сближение правовых систем указывали Д. Я. Малешин и М. А. Алиэскеров. См.: Малешин Д. Я. Гражданская процессуальная система России. М. : Статут, 2011 ; Алиэскеров М. А. Развитие состязательного гражданского процесса: зарубежная практика и российский опыт // Журнал российского права. 2021. № 10. С. 127–142.

¹⁰ О необходимости эффективного правосудия и методах его достижения см., например: Курочкин С. А. Судебные реформы и эффективность правосудия // Вестник гражданского процесса. 2023. № 4. С. 220–241.

¹¹ О процессуальных парадигмах см., например: Аболонин В. О. О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 11. С. 40–43 ; № 12. С. 43–46 ; Дьяконова М. О. Гармонизация норм о распределении бремени доказывания на примере Типовых европейских правил гражданского процесса // Журнал российского права. 2021. № 7. С. 121–136.

¹² Малешин Д. И. Указ. соч. С. 85.

¹³ Ларенц К., Канарис К.-В. Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. М. : М-Логос, 2024. С. 54–55.

¹⁴ Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. / В. А. Белов [и др.] ; отв. ред. В. А. Белов. 2-е изд., стер. М. : Юрайт, 2024. Т. 1. С. 146.

¹⁵ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 06.03.2012 № 12505/11 по делу № А56-1486/2010 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

¹⁶ См., например: Будылин С. Л. Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 4. С. 34–66 ; Шевченко И. М. О некоторых вопросах раскрытия доказательств в делах о банкротстве // Арбитражные споры. 2020. № 3. С. 49–70.

ного Суда РФ в рамках другого дела¹⁷ объяснил признание судом факта доказанным в случае непредставления лицом, участвующим в деле, доказательств вероятным утаиванием доказательств по причине нежелания раскрывать информацию, которая может ослабить его позицию. Во-вторых, у ответчика возникает бремя опровержения даже в случае, если истец не смог выполнить бремя доказывания в полном объеме по причине нахождения необходимых доказательств у ответчика. В-третьих, суд применил к оценке процессуальных отношений новый термин — «раскрытие информации». Судом обращается внимание на нераскрытие ответчиком информации в процессе, в данном случае о сделках, условиях, мотивах и т.д. Действие обязанности исполнительного органа раскрывать информацию перед акционерами в рамках материальных правоотношений суд распространил и на процессуальные отношения. Именно с этого дела суды при рассмотрении различных категорий дел начинают указывать на необходимость раскрытия сторонами в процессе информации, которой они обладают и которая имеет значение для правильного разрешения дела, не как на этап доказательственной детальности, а как на критерий добросовестного поведения стороны в процессе¹⁸.

2. Дело «Системы»¹⁹. В деле «Системы» как такового утаивания доказательств не было:

истец выполнил бремя утверждения и бремя представления доказательств, но представленных истцом доказательств было недостаточно для вывода о доказанности указанных им фактов, а ответчики пояснений по доводам истца не дали, информацию не раскрыли. В результате Президиумом Высшего Арбитражного Суда РФ была сформулирована следующая позиция: «отказ ответчиков раскрыть информацию следовало квалифицировать исключительно как признание того факта, о котором заявляет процессуальный оппонент, то есть истец»²⁰. С этого дела в судебной практике начинают формироваться следующие подходы: ответчик должен давать пояснения по фактам, указанным истцом; ответчик несет риски пассивной состязательной позиции (простое отрицание иска, нераскрытие информации, непредставление пояснений по фактам, указанным истцом) даже в ситуации, когда истец не выполнил бремя доказывания в полном объеме как по причинам сокрытия доказательств ответчиком, так и ввиду их недостатка по объективным причинам.

3. Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.05.2014 № 1446/14²¹. Президиум в указанном деле впервые обозначил подход о справедливом распределении судом бремени доказывания, которое должно быть реализуемым. Этот подход был детализирован в определении Судебной коллегии по

¹⁷ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 08.10.2013 № 12857/12 по делу № А59-841/2009 2006 // URL: https://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=721238 (дата обращения: 29.10.2024).

¹⁸ См., например: постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 18.05.2023 № Ф03-1282/2023 по делу № А51-12131/2022 // URL: <https://fasdvo.arbitr.ru/>; постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 22.12.2015 № Ф04-28023/2015 по делу № А75-5046/2015; от 10.07.2018 № Ф04-2437/2018 по делу № А03-11157/2016 // URL: <https://faszso.arbitr.ru/>; постановление Арбитражного суда Московского округа от 13.03.2017 № Ф05-1133/2017 по делу № А40-65730/2016 // URL: <https://fasmo.arbitr.ru/>; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 31.07.2024 № Ф09-3808/24 по делу № А76-14785/2023 // URL: <https://fasuo.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

¹⁹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.03.2012 № 14989/11 по делу № А21-2060/2006 // URL: https://arbitr.ru/materials/54633?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F (дата обращения: 29.10.2024).

²⁰ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.03.2012 № 14989/11 по делу № А21-2060/2006.

²¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 13.05.2014 № 1446/14 по делу № А41-36402/2012 // URL: https://arbitr.ru/materials/110079?path=%2Farxiv%2Fpost_pres%2F (дата обращения: 29.10.2024).

экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2016²²: «Бремя доказывания тех или иных фактов должно возлагаться на ту сторону спора, которая имеет для этого объективные возможности и, исходя из особенностей рассматриваемых правоотношений, обязана представлять соответствующие доказательства в обоснование своих требований и возражений». Судами вводится исключение из общего правила доказывания, установленного частью 1 ст. 65 АПК РФ, — неравенство в процессуальных возможностях доказывания. В качестве еще одного критерия распределения обязанностей по доказыванию (помимо общего процессуального правила и норм материального права, содержащих исключения из общего процессуального правила) суды устанавливают объективно существующие возможности сторон в собирании тех или иных доказательств. Несмотря на то что это правило было сформулировано в деле о банкротстве, оно стало активно применяться судами и в других делах²³.

Такой подход полагаю справедливым и обоснованным. Б. В. Попов указывал, что «та из сторон должна дать правосудию потребные доказательства, которой заpastись ими легче теперь или удобнее было в прошлом»²⁴.

4. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 305-ЭС17-13822²⁵. Судебная коллегия в развитие подходов, сформулиро-

ванных в деле «Системы», подчеркнула, что бремя доказывания не является безграничным, «суды возложили на истца чрезмерное бремя доказывания, тем самым полностью освободив ответчиков от необходимости обосновать свою позицию по делу»²⁶. Ответчик уже не может занимать выжидательную, пассивную состязательную позицию до того, пока истец не выполнит бремя доказывания. Он должен активно состязаться, давать пояснения по фактам, указанным истцом, представлять доказательства в обоснование своей позиции даже в условиях, когда доказательства, приведенные истцом, являются убедительными, но не достаточными для выводов суда о доказанности фактов, о которых утверждает истец. Позиция ответчика, участвующего в процессе, основанная только на отрицании доводов истца и представленных им доказательств, свидетельствует о признании ответчиком фактов, указанных истцом, что будет тем недостающим доказательством, которое позволит суду сделать вывод о доказанности иска в полном объеме.

5. Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3)²⁷. В данном деле Судебная коллегия указала следующее: «Лица, желающие воспользоваться примирительными механизмами в государственном суде, должны вести себя по отношению к суду открыто и честно, в том числе раскрывая запрашиваемую судом информацию. Отказ или укло-

²² Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 26.02.2016 по делу № 309-ЭС15-13978, А07-3169/14 // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1419514 (дата обращения: 29.10.2024).

²³ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.06.2024 № Ф02-2426/2024 по делу № А10-1013/2022 // URL: <https://fasvso.arbitr.ru/>; постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 26.10.2023 № Ф04-913/2023 по делу № А45-25691/2019 // URL: <https://faszso.arbitr.ru/>; постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.01.2023 № Ф05-25817/2021 по делу № А40-129449/2020 // URL: <https://fasmo.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

²⁴ Попов Б. В. Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе. Харьков, 1905. С. 16.

²⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 305-ЭС17-13822 по делу № А40-4350/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 18.01.2018 № 305-ЭС17-13822 по делу № А40-4350/2016.

²⁷ Определение Верховного Суда РФ от 06.08.2018 № 308-ЭС17-6757(2,3) по делу № А22-941/2006 // URL: https://www.vsrfr.ru/stor_pdf_ec.php?id=1677026 (дата обращения: 29.10.2024).

нение от подобной модели поведения не может не порождать сомнений в добросовестности и законности намерений участников процесса». Принцип состязательности подразумевает в числе прочего «обязанность раскрывать доказательства, а также сообщать суду и другим сторонам информацию, имеющую значение для разрешения спора». Во-первых, суд расширяет понятие обязанности раскрыть доказательства по сравнению с тем, как это предусмотрено частью 3 ст. 65 АПК РФ: сторона обязана раскрывать не только те доказательства, которые подтверждают ее позицию, но и все те, которыми сторона обладает и которые имеют значение для дела. Во-вторых, судом указано на обязанность лиц, участвующих в деле, сообщать суду и сторонам правдивую информацию и содействовать правосудию в установлении действительных обстоятельств дела. Следует еще раз обратить внимание на то, что АПК РФ не предусматривает такой обязанности стороны. Полагаю, что речь, скорее всего, идет о «сотрудничестве в целях содействия справедливому, эффективному и быстрому разрешению спора»²⁸, необходимости добросовестного поведения под риском наступления неблагоприятных процессуальных последствий.

Указанные выводы были сформулированы в деле о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности в рамках процедуры банкротства, но такой подход стал применяться судами и в других категориях дел²⁹. Утаивание стороной информации в процессе начинает

расцениваться судами как недобросовестное поведение³⁰.

Парадигма «сторона не обязана облегчать позицию оппонента»³¹ начинает заменяться парадигмой необходимости добросовестного раскрытия информации и представления доказательств, имеющих значение для правильного разрешения дела, а не только тех, которые подтверждают позицию стороны, под угрозой неблагоприятных процессуальных последствий.

6. Постановление Конституционного Суда РФ от 07.02.2023 № 6-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона “О несостоятельности (банкротстве)” и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона “Об обществах с ограниченной ответственностью” в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля»³². Конституционным судом определено еще одно исключение из общего правила о распределении бремени доказывания — недобросовестное процессуальное поведение, которое выражается в отказе стороны от дачи пояснений, раскрытия информации и представления доказательств, имеющих значение для дела. Следует отметить, что еще в 2016 г. процессуальная добросовестность как основание для распределения бремени доказывания упоминалась в постановлении Арбитражного суда Западно-Сибирского округа³³: суд продублировал позицию, изложенную в ранее упомянутом определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ

²⁸ Дьяконова М. О. Указ. соч. С. 121–136.

²⁹ Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 28.06.2024 № Ф02-2426/2024 по делу № А10-1013/2022 // URL: <https://fasvso.arbitr.ru/>; постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 01.11.2021 № Ф03-4157/2021 по делу № А51-18389/2020 // URL: <https://fasdvo.arbitr.ru/>; постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.08.2022 № Ф05-20011/2022 по делу № А41-87842/2021 // URL: <https://fasmo.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

³⁰ См., например: постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 05.10.2020 № Ф04-3444/2020 по делу № А70-17058/2019 // URL: <https://kad.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.08.2024).

³¹ Мнение судьи Конституционного Суда РФ К. В. Арановского по делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией РФ постановления Европейского Суда по правам человека от 31.07.2014 по делу «ОАО “Нефтяная компания “ЮКОС” против России» в связи с запросом Министерства юстиции РФ // URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision258613.pdf> (дата обращения: 29.10.2024).

³² СЗ РФ. 2023. № 8. Ст. 1414.

³³ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 01.04.2016 № Ф04-303/2016 по делу № А03-20637/2014 // URL: <https://faszso.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

от 26.02.2016, но добавил «добросовестную реализацию процессуальных прав» как еще одно основание распределения бремени доказывания. Именно такой подход стал активно использоваться судами³⁴. Можно предположить, что критерий распределения бремени доказывания, сформулированный Конституционным Судом для дел о привлечении контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, найдет применение и в иных делах так же, как подходы, сформированные в рамках вышеуказанных банкротных дел, получили широкое применение при рассмотрении других категорий дел.

Как указывали К. Ларенц, К.-В. Канарис, «применение норм права в судебной практике служит выведению новых правовых подходов: толкование или дополнение нормы высшим судом является примером для вынесения последующих решений другими судами; далее уже такие решения влекут их дальнейшее толкование и развитие, которые со своей стороны снова ведут к судебным решениям и в общем плане к признанным правилам поведения»³⁵.

В результате можно выделить следующие правила состязательного процесса, сформированные судебной практикой:

- состязательность должна быть добросовестной. Стороны должны вести себя по отношению к суду открыто и честно, раскрывать информацию и представлять доказательства, имеющие значение для правильного разрешения дела, а не только в подтверждение своей позиции;
- пассивная состязательная позиция ответчика, которая заключается в простом отрицании, непредставлении документов и информации, даже в ситуации, когда истец не выполнил бре-

мя доказывания в полном объеме как по причинам сокрытия доказательств ответчиком, так и ввиду отсутствия достаточных и необходимых доказательств по объективным причинам, несет в себе риски признания фактов, приведенных истцом, доказанными;

- нераскрытие стороной информации и доказательств, имеющих значение для дела, может быть признано судом недобросовестным процессуальным поведением, влекущим процессуальные риски для стороны;

- сторона обязана давать пояснения по фактам, указанным процессуальным оппонентом, и раскрывать в процессе информацию, имеющую значение для дела;

- установлены исключения из общего правила распределения бремени доказывания: неравенство в процессуальных возможностях доказывания и недобросовестное процессуальное поведение, заключающееся в нераскрытии информации, непредставлении доказательств, отказе от дачи пояснений;

- бремя представления доказательств теперь не следует безусловно за бременем утверждения: в условиях неравенства процессуальных возможностей доказывания бремя представления доказательств возлагается на ту сторону, которая обладает или должна обладать доказательствами.

Сформированные судебной практикой подходы к правилам состязания в арбитражном процессе обоснованы и соответствуют целям и задачам процесса. Однако, полагаю, принцип правовой определенности требует встраивания выработанных правил в гражданско-процессуальную форму, а также их дальнейшей детализации и конкретизации.

³⁴ Постановления Арбитражного суда Дальневосточного округа от 07.12.2016 № Ф03-5740/2016 по делу № А51-27945/2015 ; от 14.06.2023 № Ф03-2144/2023 по делу № А04-3570/2022 // URL: <https://fasdvo.arbitr.ru/> ; постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2024 № Ф05-7574/2024 по делу № А41-2365/2022 // URL: <https://fasmo.arbitr.ru/> ; постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20.06.2018 № Ф06-33719/2018 по делу № А55-7035/2017 // URL: <https://faspo.arbitr.ru/> ; постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.08.2023 № Ф07-11951/2023 по делу № А21-7236/2021 // URL: <http://fasszo.arbitr.ru/> ; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.11.2022 № Ф09-7575/22 по делу № А47-2296/2021 // URL: <https://fasuo.arbitr.ru/> ; постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.09.2022 № Ф10-3300/2022 по делу № А83-9728/2018 // URL: <https://fasco.arbitr.ru/> (дата обращения: 29.10.2024).

³⁵ Ларенц К., Канарис К.-В. Указ. соч. С. 41.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аболонин В. О.* О развитии гражданского процесса через смену основной парадигмы // Арбитражный и гражданский процесс. — 2012. — № 11–12.
2. *Алиэскеров М. А.* Развитие состязательного гражданского процесса: зарубежная практика и российский опыт // Журнал российского права. — 2021. — № 10.
3. *Афанасьев С. Ф.* О праве на ложь в цивилистическом процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // Юрист. — 2020. — № 1.
4. *Будылин С. Л.* Внутреннее убеждение или баланс вероятностей? Стандарты доказывания в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2014. — № 4.
5. *Будылин С. Л.* Рентгеновский луч права. Раскрытие доказательств в России и за рубежом // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2014. — № 7.
6. *Бортникова Н. А.* Доказывание в судебном процессе // СПС «КонсультантПлюс». — 2024.
7. Гражданское право. Актуальные проблемы теории и практики : в 2 т. Т. 1 / В. А. Белов [и др.] ; отв. ред. В. А. Белов. — 2-е изд., стер. — М. : Юрайт, 2024. — 484 с.
8. *Дьяконова М. О.* Гармонизация норм о распределении бремени доказывания на примере Типовых европейских правил гражданского процесса // Журнал российского права. — 2021. — № 7.
9. *Жуков А. А.* Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2022. — 193 с.
10. *Ларенц К., Канарис К.-В.* Методология юриспруденции / пер. с нем. К. В. Нама. — М. : М-Логос, 2024. — 357 с.
11. *Курочкин С. А.* Судебные реформы и эффективность правосудия // Вестник гражданского процесса. — 2023. — № 4.
12. Курс доказательственного права : Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С. Ф. Афанасьев, О. В. Баулин, И. Н. Лукьянова [и др.] ; под ред. М. А. Фокиной. — 2-е изд., перераб. и доп. — М. : Статут, 2019. — 656 с.
13. *Малешин Д. Я.* Гражданская процессуальная система России. — М. : Статут, 2011. — 496 с.
14. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства: комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / А. Г. Архипова, В. В. Байбак, С. А. Громов [и др.] ; отв. ред. А. Г. Карапетов. — М. : М-Логос, 2022. — 1582 с.
15. *Попов Б. В.* Распределение доказательств между сторонами в гражданском процессе. — Харьков, 1905. — 379 с.
16. *Шевченко И. М.* О некоторых вопросах раскрытия доказательств в делах о банкротстве // Арбитражные споры. — 2020. — № 3.
17. *Рязановский В. А.* Единство процесса : учеб. пособие. — М. : Городец, 2005. — 80 с.
18. *Яблочков Т. М.* К учению об основных принципах гражданского процесса. — М., 1914.

Материал поступил в редакцию 17 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Abolonin V. O. O razvitii grazhdanskogo protsessa cherez smenu osnovnoy paradigmy // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2012. — № 11–12.
2. Alieskerov M. A. Razvitie sostyazatel'nogo grazhdanskogo protsessa: zarubezhnaya praktika i rossiyskiy opyt // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 10.
3. Afanasev S. F. O prave na lozh v tsivilisticheskom protsesse i sposobakh ego nivelirovaniya (v tom chisle s uchetom elektronnykh tekhnologiy) // Yurist. — 2020. — № 1.

4. Budylin S. L. Vnutrennee ubezhdenie ili balans veroyatnostey? Standarty dokazyvaniya v Rossii i za rubezhom // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. — 2014. — № 4.
5. Budylin S. L. Rentgenovskiy luch prava. Raskrytie dokazatelstv v Rossii i za rubezhom // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. — 2014. — № 7.
6. Bortnikova N. A. Dokazyvanie v sudebnom protsesse // SPS «KonsultantPlyus». — 2024.
7. Grazhdanskoe pravo. Aktualnye problemy teorii i praktiki: v 2 t. T. 1 / V. A. Belov [i dr.]; otv. red. V. A. Belov. — 2-e izd., ster. — M.: Yurayt, 2024. — 484 s.
8. Dyakonova M. O. Garmonizatsiya norm o raspredelenii bremini dokazyvaniya na primere Tipovykh evropeyskikh pravil grazhdanskogo protsessa // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2021. — № 7.
9. Zhukov A. A. Pravovye sredstva vozdeystviya suda na protsessualnoe povedenie storon v grazhdanskom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2022. — 193 s.
10. Larents K., Kanaris K.-V. Metodologiya yurisprudentsii / per. s nem. K. V. Nama. — M.: M-Logos, 2024. — 357 s.
11. Kurochkin S. A. Sudebnye reformy i effektivnost pravosudiya // Vestnik grazhdanskogo protsessa. — 2023. — № 4.
12. Kurs dokazatelstvennogo prava: Grazhdanskiy protsess. Arbitrazhnyy protsess. Administrativnoe sudoproizvodstvo / S. F. Afanasev, O. V. Baulin, I. N. Lukyanova [i dr.]; pod red. M. A. Fokinoy. — 2-e izd., pererab. i dop. — M.: Statut, 2019. — 656 s.
13. Maleshin D. Ya. Grazhdanskaya protsessualnaya sistema Rossii. — M.: Statut, 2011. — 496 s.
14. Peremena lits v obyazatelstve i otvetstvennost za narushenie obyazatelstva: kommentariy k statyam 330–333, 380–381, 382–406.1 Grazhdanskogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii / A. G. Arkhipova, V. V. Baybak, S. A. Gromov [i dr.]; otv. red. A. G. Karapetov. — M.: M-Logos, 2022. — 1582 s.
15. Popov B. V. Raspredelenie dokazatelstv mezhdru storonami v grazhdanskom protsesse. — Kharkov, 1905. — 379 s.
16. Shevchenko I. M. O nekotorykh voprosakh raskrytiya dokazatelstv v delakh o bankrotstve // Arbitrazhnye spory. — 2020. — № 3.
17. Ryazanovskiy V. A. Edinstvo protsessa: ucheb. posobie. — M.: Gorodets, 2005. — 80 s.
18. Yablochkov T. M. K ucheniyu ob osnovnykh printsipakh grazhdanskogo protsessa. — M., 1914.

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И КОРПОРАТИВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.104-113

А. С. Панова*

Значение SMART-стандартизации как передовой технологии в правовом обеспечении качества промышленного производства

Аннотация. В статье исследуются правовые аспекты SMART-стандартизации сферы промышленного производства. SMART-стандартизация рассматривается как новая передовая технология цифрового формата в области стандартизации. Выявлена недостаточная сформированность базового понятийного аппарата законодательства, касающегося в целом использования передовых технологий. Такое состояние снижает эффективность правовых норм и в определенной мере ограничивает возможности хозяйствующих субъектов. Показано, что SMART-стандартизация является деятельностью по разработке особого класса стандартов (машиночитаемых (SMART) стандартов). Сделаны выводы о правовой природе таких стандартов. Отмечено, что машиночитаемые (SMART) стандарты знаменуют переход от документоориентированного контента к данным, обрабатываемым машиной. Ввиду этого появление таких стандартов обуславливает фундаментальное изменение способа их использования, предполагает существенное снижение фактора человеческой ошибки при производстве продукции. Внимание уделено правовым проблемам, связанным с применением машиночитаемых (SMART) стандартов. Показано, что машиночитаемые (SMART) стандарты следует относить к элементам машиночитаемого права. Сделан вывод о необходимости уточнения патентной правовой политики в сфере стандартизации, одной из составляющих которой могли бы стать машиночитаемые (SMART) стандарты.

Ключевые слова: SMART-стандартизация; передовые технологии; цифровые технологии; правовое обеспечение; промышленное производство; машиночитаемые (SMART) стандарты; правовая природа машиночитаемых (SMART) стандартов; цифровая зрелость стандарта; Международная организация по стандартизации; Международная электротехническая комиссия; семантическая совместимость компьютерных систем; машиночитаемое право; Концепция развития технологий машиночитаемого права; патентная правовая политика; объекты патентного права; значимые для стандарта патенты.

Для цитирования: Панова А. С. Значение SMART-стандартизации как передовой технологии в правовом обеспечении качества промышленного производства // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 104–113. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.104-113.

Благодарности. Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (Центр компетенций «Бизнес-право»).

© Панова А. С., 2025

* Панова Альбина Сергеевна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
aspanova@msal.ru

The Importance of SMART Standardization as an Advanced Technology in Legal Support of Industrial Production Quality

Albina S. Panova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
aspanova@msal.ru

Abstract. The paper examines the legal aspects of SMART standardization in industrial production. SMART standardization is considered as a new advanced digital technology in the field of standardization. The study reveals the underdeveloped conceptual framework in legislation concerning the use of advanced technologies in general. This deficiency reduces the effectiveness of legal norms and, to some extent, limits the capabilities of economic entities. It is shown that SMART standardization involves the development of a special class of standards — machine-readable (SMART) standards. Conclusions are drawn regarding the legal nature of such standards. It is noted that machine-readable (SMART) standards mark the transition from document-oriented content to machine-processable data. Consequently, the emergence of such standards determines a fundamental shift in their application, and implies a significant reduction in the risk of human error in production. Attention is given to legal issues related to the use of machine-readable (SMART) standards. It is shown that machine-readable (SMART) standards should be classified as elements of machine-readable law. A conclusion is made about the need to clarify the patent legal policy in the field of standardization, where machine-readable (SMART) standards could become one of its components.

Keywords: SMART standardization; advanced technologies; digital technologies; legal support; industrial production; machine-readable (SMART) standards; legal nature of machine-readable (SMART) standards; digital maturity of the standard; International Organization for Standardization; International Electrotechnical Commission; semantic compatibility of computer systems; machine-readable law; Concept for the Development of Machine-Readable Law Technologies; patent legal policy; objects of patent law; patents essential to standards.

Cite as: Panova AS. The Importance of SMART Standardization as an Advanced Technology in Legal Support of Industrial Production Quality. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):104-113. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.104-113.

Acknowledgements: The study was carried out within the framework of «Priority-2030» Strategic Academic Leadership Program («Business Law» Competence Center).

В современных условиях стандартизация по-прежнему успешно выполняет возложенные на нее задачи: устранение неоправданного многообразия размеров и видов изделий, унификацию процессов, обеспечение совместимости и взаимозаменяемости продукции, достижение единства измерений, рациональное использование ресурсов. Решению указанных задач способствует закрепление в законодательстве правовых аспектов стандартизации, и прежде всего норм, регулирующих отношения в области разработки, утверждения, актуализации и применения документов в области стандартизации. Федеральный закон от 29.06.2015 № 162-ФЗ «О стандартизации в

Российской Федерации» (с изменениями от 30.12.2020) (далее — Закон о стандартизации)¹ устанавливает правовой режим стандартизации. Существенное значение стандартизация имеет для сферы промышленного производства, поскольку упорядочивает процессы проектирования и разработки продукции, постановки ее на производство, содействует изготовлению продукции, соответствующей условиям гражданско-правовых договоров, и надлежащему исполнению таких договоров.

Одним из современных трендов в области стандартизации является стремление придать процессам стандартизации и документам в области стандартизации цифровой формат. С од-

¹ СЗ РФ. 2015. № 27. Ст. 3953.

ной стороны, положения стандартов, имеющие, как правило, технико-социальный характер и выражающиеся в виде норм, правил, требований, установленных в отношении объектов стандартизации, могут устаревать. В этой связи актуальным направлением остаются выявление устаревших положений и их исключение из содержания стандартов. С другой стороны, одним из драйверов развития промышленного производства являются передовые технологии. Несмотря на то что в российском законодательстве понятие «передовые технологии» используется², определенным законодательным пробелом следует считать отсутствие его легального определения. В специальной литературе предлагается следующая трактовка: это технологии и технологические процессы (включая необходимое для их реализации оборудование), управляемые с помощью компьютера или основанные на микроэлектронике и используемые при проектировании, производстве или обработке продукции (товаров и услуг)³. Законодательство не устанавливает и легальной дефиниции категории «высокие технологии» (от англ. high

technology, hi-tech), однако соответствующий термин также применяется в целом ряде нормативных правовых актов⁴. Недостаточная сформированность базового понятийного аппарата в конкретной сфере законодательства может снижать эффективность правовых норм и в определенной мере ограничивать возможности хозяйствующих субъектов.

Сегодня к передовым технологиям принято причислять в первую очередь технологии искусственного интеллекта⁵. Указанные понятия соотносятся между собой как род (передовые технологии) и вид (технологии искусственного интеллекта). Не сформулирована в законодательстве категория «цифровые технологии»⁶. В юридической литературе под цифровыми технологиями понимается совокупность методов и инструментов (технических решений), позволяющих искать, создавать, хранить, обрабатывать и распространять данные (информацию) в электронном виде с использованием ЭВМ (компьютеров) и компьютерных сетей⁷. Возможность использования цифровых данных и технологий практически во всех сферах общественной жизни

² См., в частности: постановление Правительства РФ от 13.10.2022 № 1827 «Об утверждении Правил предоставления субсидии из федерального бюджета некоммерческой организации Фонд развития Центра разработки и коммерциализации новых технологий в целях поддержки и развития малых и средних дизайн-центров электроники» // СЗ РФ. 2022. № 44. Ст. 7556; приказ ФАС России от 18.03.2020 № 289/20 «Об утверждении Плана мероприятий по реализации Стратегии развития конкуренции и антимонопольного регулирования в Российской Федерации на период до 2030 года (I этап — 2020–2024 годы)» (с изм. от 22.03.2023) // СПС «КонсультантПлюс»; приказ Росстата от 21.10.2024 № 483 «Об утверждении формы федерального статистического наблюдения для организации федерального статистического наблюдения за разработкой и (или) использованием передовых производственных технологий» (документ вступает в силу с 1 января 2026 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ *Таксиор О., Поликарпов М.* Передовые технологии в инспекционной деятельности // Стандарты и качество. 2021. № 3. С. 102.

⁴ См., в частности: Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» (с изм. от 30.11.2024) // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 41; постановление Правительства РФ от 25.08.2023 № 1381 «О технопарках в сфере высоких технологий и управляющих компаниях технопарков в сфере высоких технологий» (с изм. от 01.04.2024) // СЗ РФ. 2023. № 36. Ст. 6707.

⁵ *Гюльбасарова Е. В.* Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 10. С. 83.

⁶ См.: *Прокопов М. С.* О понятии «цифровые технологии надзора за безопасностью дорожного движения» // Административное право и процесс. 2022. № 8; *Сольцин Л. О.* Цифровые технологии: понятие, виды // СПС «КонсультантПлюс». 2024.

⁷ *Вайпан В. А.* Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. 2024. № 1. С. 5.

ни позволяет именовать цифровые технологии сквозными⁸.

Закон о стандартизации, регламентируя в ст. 3 цели и задачи стандартизации, одну из задач связывает с разработкой передовых технологий, в том числе информационных, и их внедрением в различные секторы экономики, прежде всего в высокотехнологичные (инновационные). В то же время развитие процессов стандартизации должно основываться на *преемственности* деятельности в сфере стандартизации.

Известно, что использование передовых технологий в промышленном производстве позволяет наладить изготовление новых видов продукции либо существенно улучшить качество уже выпускаемой продукции. Вместе с тем применение передовых технологий может быть сопряжено с определенной степенью риска для конечных пользователей (потребителей) новой продукции ввиду ее недостаточной изученности и тестирования. Поэтому внедрение технологических разработок может сопровождаться негативными последствиями. Данный факт следует учитывать в деятельности по разработке стандартов на процессы, продукцию и иные объекты.

В деятельности по стандартизации могут применяться передовые технологии. И в этом смысле одной из передовых технологий цифрового формата в области стандартизации следует считать цифровую (SMART) стандартизацию (SMART-стандартизация). В общем плане она может быть представлена как деятельность по переводу при помощи *программных средств и методов* информации, выраженной в человековоспринимаемой форме и относящейся к объектам стандартизации, на *формализованный язык* — систему кодирования слов и предложений, интерпретируемую компьютером и

предназначенную для использования информационными системами. При этом сведения на формализованном языке (в закодированном формате), входящие в содержание цифровых машиночитаемых (SMART) стандартов (далее — машиночитаемые (SMART) стандарты), по мнению ряда отечественных специалистов, должны существовать наряду с информацией, представленной в человековоспринимаемой форме. Такая позиция связана с ожиданием того, что цифровизация нормативной документации в SMART-формате будет происходить постепенно и внутри единого контура должны бесконфликтно «уживаться» компоненты разного уровня цифровой зрелости. Используя такой подход, можно избежать необходимости полностью обновлять фонд электронных документов на каждом витке развития технологий⁹.

Впервые о SMART-стандартизации было заявлено на 41-й Генеральной ассамблее Международной организации по стандартизации (International Organization for Standardization, ISO) (далее — ИСО), состоявшейся в октябре 2018 г. В ходе заседания Технического руководящего бюро ИСО в рамках 41-й Генеральной ассамблеи ИСО была учреждена Стратегическая консультативная группа по машиночитаемым стандартам (Strategic Advisory Group on Machine Readable Standards)¹⁰. Перед группой поставлен ряд задач, связанных с разработкой единого понятийного аппарата в области машиночитаемых (SMART) стандартов; подготовкой дорожной карты создания и развития в ИСО машиночитаемых (SMART) стандартов; определением областей и направлений, приоритетных для развития международных стандартов в машиночитаемом формате¹¹. В дальнейшем Стратегическая консультативная группа по машиночитаемым

⁸ Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. М. : Проспект, 2020. С. 67 (автор § 7 гл. 1 — А. В. Минбалеев).

⁹ См.: Дмитриева С. Ю., Николаев А. Ф., Георгиева А. А. SMART-стандарты: цифровой инструмент автоматизации управления // Методы менеджмента качества. 2024. № 9 ; Дмитриева С., Кубишин О., Самотуго И. «Умные (SMART) стандарты. Архитектура и форматы данных»: стандарт в деталях // Стандарты и качество. 2025. № 1.

¹⁰ URL: <https://www.rctest.ru/news/itogi-41-y-generalnoy-assamblei-mezhdunarodnoy-organizatsii-po-standartizatsii-iso.html> (дата обращения: 22.11.2024).

¹¹ URL: https://news.metrologu.ru/standartizatsiya/standartizatsiya_5571.html (дата обращения: 22.11.2024).

стандартам разработала *градацию цифровой зрелости стандартов* по пяти уровням: от 0-го до 4-го уровня. Например, 0-м уровнем цифровой зрелости стандарта объявлен стандарт на бумажном носителе, txt; 1-м уровнем цифровой зрелости стандарта — открытый цифровой формат, pdf, и т.д. Машиночитаемые (SMART) стандарты отнесены к 4-му уровню цифровой зрелости стандартов. Считается, что такие стандарты должны функционировать в рамках особых цифровых систем управления требованиями. Предполагается, что эти цифровые системы будут включать машиночитаемые (SMART) стандарты в виде *контейнеров* текстовых, графических, числовых структур, цифровых моделей, а также контролировать выполнение требований стандартов¹². Практическое значение разработанной шкалы цифровой зрелости стандартов состоит в том, что она «позволяет определить уровень цифровизации стандарта на основе способов его применения»¹³.

Следует различать «оцифрованный» и «цифровой» (машиночитаемый) стандарты (документы). Оцифрованным документом является, например, любой чертеж, созданный в системе CAD, документ, написанный в MS Word, отсканированный стандарт на создание какой-либо продукции. Цифровой стандарт предполагает не просто перенос информации с аналогового носителя на электронный, но изменение характера такой информации и способов ее использования. Цифровой стандарт должен работать в среде *высокофункциональных сервисов*, позволяющих создавать объекты быстрее и качественнее¹⁴.

В целом SMART-стандартизация направлена на разработку и обеспечение использования машиночитаемых (SMART) стандартов, которые предназначены для установления требований к *процессам промышленного производства* и иным объектам на формализованном языке (в закодированном формате). В настоящее время происходят формирование и отработка технологий создания и использования таких стандартов. Работа ведется как международными организациями в области стандартизации, так и национальными регулирующими органами. Так, на международном уровне активно развивается Программа SMART. Это совместная программа Международной электротехнической комиссии (International Electrotechnical Commission) (далее — МЭК) и ИСО, которая способствует цифровой эволюции международных стандартов для удовлетворения потребностей граждан, общества и экономики¹⁵. В 2024 г. проведена первая SMART-конференция МЭК и ИСО¹⁶.

В Российской Федерации на применение информационных технологий в деятельности по стандартизации и разработке машиночитаемых стандартов было указано в 2019 г. в связи с принятием Плана мероприятий («дорожной карты») развития стандартизации в Российской Федерации на период до 2027 г.¹⁷ Позднее Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии приказом от 23.10.2023 № 41-пнст утвердило *предварительный* национальный стандарт РФ ПНСТ 864-2023 «Умные (SMART) стандарты. Общие положения» (далее — ПНСТ 864-2023)¹⁸. Этим стандартом впервые установ-

¹² Подробнее о градации цифровой зрелости стандартов см.: Дмитриева С. Основные принципы разработки умных (SMART) стандартов // Стандарты и качество. 2021. № 12. С. 23.

¹³ Саламатов В., Ватолкина Н., Дробышев Д., Сапожникова П. Цифровая трансформация стандартизации: препятствия и вызовы // Стандарты и качество. 2023. № 4. С. 36.

¹⁴ См. подробнее: URL: <https://blog.fondsmena.ru/?p=4553> (дата обращения: 22.11.2024).

¹⁵ URL: <https://www.iso.org/ru/smart> (дата обращения: 20.11.2024).

¹⁶ Первая ежегодная SMART-конференция IEC и ISO // URL: <https://gostinfo.ru/News/Details/1841> (дата обращения: 14.12.2024).

¹⁷ План мероприятий («дорожная карта») развития стандартизации в Российской Федерации на период до 2027 года (направлен письмом Правительства РФ от 15.11.2019 № ДК-П7-9914) // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁸ Приказ Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 23.10.2023 № 41-пнст «Об утверждении предварительного национального стандарта Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

лен основной подход к понятию и содержанию SMART-стандарта, его информационной структуре, цифровой среде функционирования. Иными словами, ПНСТ 864-2023 «закладывает основу для будущей SMART-стандартизации в России и дает ориентир всем заинтересованным в этой технологии организациям»¹⁹.

Важной деталью является то, что ПНСТ 864-2023 введен в действие с 1 февраля 2024 г. сроком на три года (до 1 февраля 2027 г.). Данный период установлен для апробации его положений на практике. В случае положительной оценки предполагается принятие этого стандарта в качестве национального стандарта РФ. Говоря о важности машиночитаемых (SMART) стандартов для промышленного производства, необходимо учитывать, что применение таких стандартов «существенно зависит от степени автоматизации производственных процессов на конкретном предприятии»²⁰. К тому же только практикой определяется реальная потребность в тех или иных документах по стандартизации²¹.

В юридическом смысле рассматриваемые стандарты следует считать *правовыми* документами в области стандартизации, поскольку, во-первых, они направлены на установление имеющих правовое значение для участников соответствующих отношений *требований к качеству* процессов и иных объектов. Во-вторых, данные стандарты обладают *рекомендательным* правовым характером в связи с тем, что Закон о стандартизации в качестве принципа стандартизации установил *добровольность* применения документов по стандартизации. Иными словами, использование машиночитаемых (SMART) стандартов в деятельности промышленных предприятий будет зависеть от усмотрения самих предприятий. В-третьих, технические (техничко-социальные) нормы,

являясь разновидностью регулятивных норм и закрепляя нормативы, описания и параметры качества процессов и иных объектов, будут составлять основу (несущую конструкцию) этих стандартов, так же как и стандартов на бумажном носителе. В-четвертых, рассматриваемые стандарты могут использоваться в договорной работе: при описании характеристик продукции, подлежащей поставке, формулировании гарантийных обязательств поставщика, определении товарно-сопроводительных документов, условий надлежащей эксплуатации продукции и т.п. Вместе с тем главной особенностью машиночитаемых (SMART) стандартов является их *цифровой характер*, выражающийся 1) в изложении значительной части своих требований и правил на *формализованном языке* (в закодированном формате), в этой связи такие стандарты наделяются особой информационной структурой; 2) в предназначении функционировать в специфической информационной среде посредством особых информационных систем; 3) в использовании специальных информационных сервисов для разработки таких стандартов.

С учетом сказанного можно заключить, что машиночитаемые (SMART) стандарты знаменуют собой переход от документоориентированного контента к данным, обрабатываемым машиной. Ввиду этого появление таких стандартов обуславливает фундаментальное изменение *способа их использования*, предполагает существенное снижение фактора человеческой ошибки при производстве продукции. Однако при переводе стандартов из бумажного в машиночитаемый формат необходимо обращать внимание на обеспечение *информационной совместимости* объектов стандартизации в бумажном и цифровом форматах, что позволит сохранить всю накопленную в документах

¹⁹ Денисова О. А., Дмитриева С. Ю. Стандарт на SMART-стандарт: документ в деталях // Стандарты и качество. 2023. № 10. С. 48.

²⁰ Саламатов В., Ватолкина Н., Дробышев Д., Сапожникова П. Цифровая трансформация в сфере стандартизации для повышения международной конкурентоспособности России // Российский внешнеэкономический вестник. 2023. № 6. С. 10.

²¹ Головин С., Лоцманов А., Тихомиров С. Интегрированная платформа стандартизации: информационные технологии // Стандарты и качество. 2023. № 9. С. 60.

информацию и на этой основе разрабатывать новые цифровые стандарты²².

Определенной проблемой при переходе к машиночитаемым (SMART) стандартам может стать отсутствие надлежащего *семантического* взаимодействия (совместимости) компьютерных систем с учетом того, что семантическое взаимодействие представляет собой способность двух или более активов (например, машин, систем) обмениваться и правильно понимать данные друг друга²³. В этой связи задача семантической совместимости — обеспечить обмен информацией таким образом, чтобы она была понятна не только людям, вовлеченным в соответствующие каналы связи, но и компьютерным системам с их программным обеспечением. Предполагается, что семантическая совместимость будет иметь основополагающее значение во множестве отраслей и станет одной из движущих сил четвертой промышленной революции²⁴.

Машиночитаемые (SMART) стандарты следует относить к числу элементов *машиночитаемого права*. Несмотря на то что в юридической науке понятие машиночитаемого права является дискуссионным²⁵, в большинстве случаев имеется в виду использование информационных технологий для перевода традиционных *норм права* в компьютеризированный формат и их последующего применения в таком формате. Во многом такой подход к пониманию машиночитаемого права основывается на положениях

Концепции развития технологий машиночитаемого права, утв. Правительственной комиссией в 2021 г.²⁶

Представляется, что в рамках машиночитаемого права внимание должно уделяться не только актам *нормативно-правового* характера, но и правовым документам, которые также выступают в роли социальных регуляторов, но не обладают признаком общеобязательности. Например, такими правовыми документами являются национальные стандарты в области качества продукции (работ, услуг). Здесь следует исходить из того, что «содержание национального стандарта составляют не юридически общеобязательные требования, а техническая (техничко-социальная) рекомендация²⁷, даваемая по поводу объекта стандартизации. Данная рекомендация устанавливает характеристики в отношении объекта стандартизации, а также правила, касающиеся действий изготовителя (исполнителя, продавца) относительно такого объекта, которые (характеристики и правила) являются желательными (предпочтительными) со стороны утвердившего этот акт государственного органа»²⁸. Таким образом, правила стандартов несут определенную нагрузку в ряду социальных норм, призванных регулировать общественные отношения по производству и обращению товаров²⁹.

В Концепции развития технологий машиночитаемого права в качестве одной из сфер применения таких технологий обоснованно указы-

²² Колмыков Е. А., Воронцова Ю. В., Воронцова А. Н. Предложения по структуре построения и идентификации содержания при переходе к SMART-стандартам // Стандарты и качество. 2022. № 6. С. 43.

²³ White paper IEC. Semantic interoperability: challenges in the digital transformation age. Geneva, 2019.

²⁴ White paper IEC. Semantic interoperability: challenges in the digital transformation age.

²⁵ Обзор подходов к определению машиночитаемого права в юридической науке см.: Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 8. С. 25–27.

²⁶ Концепция развития технологий машиночитаемого права (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Подробнее о понятии рекомендации в праве: Маслов Д. Е. Юридическая рекомендация: теория, практика, техника : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2013. С. 13–18.

²⁸ Панова А. С. Правовое обеспечение качества и безопасности товаров: вопросы теории и практики. М. : Проспект, 2020. С. 123.

²⁹ Панова А. С. Указ. соч. С. 127.

ваются стандартизация и сертификация, однако неточно используется термин «документы технического регулирования», под которым в данной Концепции подразумеваются стандарты. Термином «документы технического регулирования» принято обозначать технические регламенты — нормативные правовые акты, обеспечивающие в императивном режиме соответствие товаров и связанных с ними процессов обязательным техническим предписаниям.

Успешному развитию SMART-стандартизации в России будет способствовать решение вопроса о закреплении в стандартах положений об объектах патентного права путем предоставления возможности лицензирования патента (с целью выполнения требований стандарта) как на *возмездной* основе, так и *безвозмездно* (по решению договаривающихся сторон). Такой подход может быть оправдан тем, что «патенты стимулируют исследования и разработки и способствуют передаче знаний посредством реализации лицензий. Стандарты, в свою очередь, обеспечивают быстрое распространение знаний и технологий, поскольку являются общедоступными документами»³⁰. Таким образом, наряду с коммерциализацией научных и (или) научно-технических результатов, которая означает «деятельность по вовлечению в экономический оборот научных и (или) научно-технических результатов»³¹, важна и доступность результатов такой деятельности для хозяйствующих субъектов.

К настоящему времени в законодательстве РФ о стандартизации вопрос о значимых для стандарта патентах не получил необходимого регулирования. основополагающие нацио-

нальные стандарты РФ также демонстрируют неоднозначный подход. Согласно п. 4.3.6 ГОСТ Р 1.2-2020 в случае, если при разработке проекта национального стандарта в него включаются положения, связанные с использованием объектов патентного права, разработчик стандарта обязан раскрыть информацию об использованных в стандарте принадлежащих ему патентах, а также об известных ему использованных патентах третьих лиц и обеспечить *бессрочное лицензирование патента* в интересах выполнения требований стандарта *на безвозмездной основе*³². Пункт 4.2.3 ГОСТ Р 1.16-2011 предусматривает, что не допускается включение в предварительный национальный стандарт РФ объектов, которые защищены патентом³³. Таким образом, с учетом сказанного требуется уточнение патентной правовой политики в сфере стандартизации, одним из элементов которой могли бы стать машиночитаемые (SMART) стандарты.

В заключение отметим, что использование машиночитаемых (SMART) стандартов в промышленном производстве может не только обеспечивать существенный рост автоматизации такого производства, но и содействовать получению других положительных эффектов. В их числе более высокая окупаемость вкладываемых в производство инвестиций, повышение рентабельности цикла создания продукции, развитие технологических умений и навыков предприятий-изготовителей. Согласно Отчету МЭК «Smart Standards — From a market and industry perspective», ожидается, что малые и средние предприятия получают наибольшую выгоду от ма-

³⁰ Леонидов К., Аронов И., Рыбакова А. Стандарты, основанные на патентах // Стандарты и качество. 2022. № 4. С. 14.

³¹ Актуальные проблемы предпринимательского права : учебник / отв. ред. И. В. Ершова. М. : Проспект, 2021. С. 372 (авторы гл. 10 — И. В. Ершова, А. Ю. Петраков).

³² ГОСТ Р 1.2-2020 «Национальный стандарт Российской Федерации. Стандартизация в Российской Федерации. Стандарты национальные Российской Федерации. Правила разработки, утверждения, обновления, внесения поправок и отмены» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 30.06.2020 № 328-ст). М. : Стандартинформ, 2020.

³³ ГОСТ Р 1.16-2011 «Национальный стандарт Российской Федерации. Стандартизация в Российской Федерации. Стандарты национальные предварительные. Правила разработки, утверждения, применения и отмены» (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 16.11.2011 № 561-ст) (с изм. от 30.06.2016). М. : Стандартинформ, 2012.

шиночитаемых (SMART) стандартов, поскольку новый формат представляет собой форму аутсорсинга отраслевого выравнивания³⁴.

Несомненно, становление SMART-стандартизации в России потребует дальнейшего развития законодательства в области технического регулирования и стандартизации. В этой связи

исследовательский интерес вызывает вопрос о возможности выполнения обязательных технических предписаний в области безопасности продукции при помощи машиночитаемых (SMART) стандартов, а также перспектива перевода таких обязательных предписаний в машиночитаемый формат.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы предпринимательского права : учебник / отв. ред. И. В. Ершова. — М. : Проспект, 2021. — 448 с.
2. Вайпан В. А. Цифровое право: истоки, понятие и место в правовой системе // Право и экономика. — 2024. — № 1. — С. 5–27.
3. Головин С., Лоцманов А., Тихомиров С. Интегрированная платформа стандартизации: информационные технологии // Стандарты и качество. — 2023. — № 9. — С. 60–65.
4. Гюльбасарова Е. В. Обеспечение охраны интеллектуальных прав в условиях развития передовых технологий // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — Т. 19. — № 10. — С. 81–89.
5. Денисова О. А., Дмитриева С. Ю. Стандарт на SMART-стандарт: документ в деталях // Стандарты и качество. — 2023. — № 10. — С. 44–48.
6. Дмитриева С. Основные принципы разработки умных (SMART) стандартов // Стандарты и качество. — 2021. — № 12. — С. 22–25.
7. Дмитриева С., Кубишин О., Самотуго И. «Умные (SMART) стандарты. Архитектура и форматы данных»: стандарт в деталях // Стандарты и качество. — 2025. — № 1. — С. 46–49.
8. Дмитриева С. Ю., Николаев А. Ф., Георгиева А. А. SMART-стандарты: цифровой инструмент автоматизации управления // Методы менеджмента качества. — 2024. — № 9. — С. 16–21.
9. Колмыков Е. А., Воронцова Ю. В., Воронцова А. Н. Предложения по структуре построения и идентификации содержания при переходе к SMART-стандартам // Стандарты и качество. — 2022. — № 6. — С. 42–45.
10. Леонидов К., Аронов И., Рыбакова А. Стандарты, основанные на патентах // Стандарты и качество. — 2022. — № 4. — С. 14–19.
11. Маслов Д. Е. Юридическая рекомендация: теория, практика, техника : дис. ... канд. юрид. наук. — Н. Новгород, 2013. — 273 с.
12. Панова А. С. Правовое обеспечение качества и безопасности товаров: вопросы теории и практики. — М. : Проспект, 2020. — 336 с.
13. Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 8. — С. 22–37.
14. Прокопов М. С. О понятии «цифровые технологии надзора за безопасностью дорожного движения» // Административное право и процесс. — 2022. — № 8. — С. 79–81.
15. Саламатов В., Ватолкина Н., Дробышев Д., Сапожникова П. Цифровая трансформация стандартизации: препятствия и вызовы // Стандарты и качество. — 2023. — № 4. — С. 34–39.
16. Саламатов В., Ватолкина Н., Дробышев Д., Сапожникова П. Цифровая трансформация в сфере стандартизации для повышения международной конкурентоспособности России // Российский внешне-экономический вестник. — 2023. — № 6. — С. 7–29.
17. Сольцин Л. О. Цифровые технологии: понятие, виды // СПС «КонсультантПлюс». — 2024.

³⁴ Smart Standards — From a market and industry perspective : Societal and technology trend report. IEC, 2023.

18. Таксиор О., Поликарпов М. Передовые технологии в инспекционной деятельности // Стандарты и качество. — 2021. — № 3. — С. 102–107.
19. Цифровое право : учебник / под общ. ред. В. В. Блажеева, М. А. Егоровой. — М. : Проспект, 2020. — 640 с.

Материал поступил в редакцию 13 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aktualnye problemy predprinimatelskogo prava: uchebnik / otv. red. I. V. Ershova. — M.: Prospekt, 2021. — 448 s.
2. Vaypan V. A. Tsifrovoye pravo: istoki, ponyatie i mesto v pravovoy sisteme // Pravo i ekonomika. — 2024. — № 1. — S. 5–27.
3. Golovin S., Lotsmanov A., Tikhomirov S. Integrirovannaya platforma standartizatsii: informatsionnye tekhnologii // Standarty i kachestvo. — 2023. — № 9. — S. 60–65.
4. Gyulbasarova E. V. Obespechenie okhrany intellektualnykh prav v usloviyakh razvitiya peredovykh tekhnologiy // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — T. 19. — № 10. — S. 81–89.
5. Denisova O. A., Dmitrieva S. Yu. Standart na SMART-standart: dokument v detalyakh // Standarty i kachestvo. — 2023. — № 10. — S. 44–48.
6. Dmitrieva S. Osnovnye printsipy razrabotki umnykh (SMART) standartov // Standarty i kachestvo. — 2021. — № 12. — S. 22–25.
7. Dmitrieva S., Kubishin O., Samotugo I. «Umnye (SMART) standarty. Arkhitektura i formaty dannykh»: standart v detalyakh // Standarty i kachestvo. — 2025. — № 1. — S. 46–49.
8. Dmitrieva S. Yu., Nikolaev A. F., Georgieva A. A. SMART-standarty: tsifrovoy instrument avtomatizatsii upravleniya // Metody menedzhmenta kachestva. — 2024. — № 9. — S. 16–21.
9. Kolmykov E. A., Vorontsova Yu. V., Vorontsova A. N. Predlozheniya po strukture postroeniya i identifikatsii sodержaniya pri perekhode k SMART-standartam // Standarty i kachestvo. — 2022. — № 6. — S. 42–45.
10. Leonidov K., Aronov I., Rybakova A. Standarty, osnovannye na patentakh // Standarty i kachestvo. — 2022. — № 4. — S. 14–19.
11. Maslov D. E. Yuridicheskaya rekomendatsiya: teoriya, praktika, tekhnika: dis. ... kand. yurid. nauk. — N. Novgorod, 2013. — 273 s.
12. Panova A. S. Pravovoe obespechenie kachestva i bezopasnosti tovarov: voprosy teorii i praktiki. — M.: Prospekt, 2020. — 336 s.
13. Perevozkin A. A. Teoretiko-pravovaya kharakteristika mashinochitaemogo prava // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — № 8. — S. 22–37.
14. Prokopov M. S. O ponyatii «tsifrovye tekhnologii nadzora za bezopasnostyu dorozhnogo dvizheniya» // Administrativnoe pravo i protsess. — 2022. — № 8. — S. 79–81.
15. Salamatov V., Vatolkina N., Drobyshhev D., Sapozhnikova P. Tsifrovaya transformatsiya standartizatsii: prepyatstviya i vyzovy // Standarty i kachestvo. — 2023. — № 4. — S. 34–39.
16. Salamatov V., Vatolkina N., Drobyshhev D., Sapozhnikova P. Tsifrovaya transformatsiya v sfere standartizatsii dlya povysheniya mezhdunarodnoy konkurentosposobnosti Rossii // Rossiyskiy vneshneekonomicheskiy vestnik. — 2023. — № 6. — S. 7–29.
17. Soltsin L. O. Tsifrovye tekhnologii: ponyatie, vidy // SPS «KonsultantPlyus». — 2024.
18. Taksior O., Polikarpov M. Peredovye tekhnologii v inspeksionnoy deyatel'nosti // Standarty i kachestvo. — 2021. — № 3. — S. 102–107.
19. Tsifrovoye pravo: uchebnik / pod obshch. red. V. V. Blazheeva, M. A. Egorovoy. — M.: Prospekt, 2020. — 640 s.

Развитие законодательства о телемедицине: противоречия и тенденции

Аннотация. Статья посвящена правовым аспектам активно развивающейся сферы деятельности, связанной с дистанционным оказанием медицинской помощи (телемедициной). Становление данного института, несмотря на значительный общественный запрос на подобные медицинские услуги, сталкивается с рядом сложностей, в том числе юридических. Эти трудности рассматриваются как следствие противоречий технического или административного характера, последовательно разрешаемых на этапах зарождения телемедицины, ее становления, формирования необходимой для нее нормативной базы, а также реализации уже существующих правовых норм на практике. Идея о том, что противоречия в процессе правового регулирования способны выступить как катализатором развития права, так и препятствием для достижения его целей, иллюстрируется в статье примерами из российского и зарубежного опыта развития телемедицинских услуг. Одним из наиболее значимых противоречий является необходимость одновременной ориентации принимаемых правовых норм на два конкурирующих приоритета: доступность медицинских услуг и их высокое качество. Перспективы развития телемедицины в России и в мире непосредственно зависят от возможности найти инструменты, в том числе юридические, обеспечивающие баланс двух названных приоритетов.

Ключевые слова: телемедицина; телемедицинские услуги; цифровая медицина; цифровизация; противоречия в праве; дистанцирование; пандемия; COVID-19; правовое регулирование; экспериментальный правовой режим.

Для цитирования: Давыдова М. Л. Развитие законодательства о телемедицине: противоречия и тенденции // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 114–123. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.114-123.

Благодарности. Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда № 23-78-10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

© Давыдова М. Л., 2025

* Давыдова Марина Леонидовна, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Волгоградского государственного университета
Университетский просп., д. 100, г. Волгоград, Российская Федерация, 400062
davidovaml@volsu.ru

Development of Telemedicine Legislation: Contradictions and Trends

Marina L. Davydova, Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation
davidovaml@volsu.ru

Abstract. The paper examines the legal aspects of the rapidly developing field of remote medical care (telemedicine). The development of this institution, despite significant public demand for such medical services, faces numerous challenges, including legal ones. These challenges are viewed as consequences of technical or administrative contradictions that are being consistently resolved at the stages of the emergence of telemedicine, its development, the formation of the necessary regulatory framework, as well as the practical implementation of existing legal norms. The idea that contradictions in the process of legal regulation can serve both as a catalyst for the development of law and as an obstacle to achieving its goals is illustrated by examples from Russian and foreign experience in developing telemedicine services. One of the most significant contradictions is the need for the simultaneous orientation of adopted legal norms towards two competing priorities: the availability of medical services and their high quality. The prospects for the development of telemedicine in Russia and in the world directly depend on the ability to find tools, including legal ones, that ensure a balance between the two named priorities.

Keywords: telemedicine; telemedicine services; digital medicine; digitalization; contradictions in law; distancing; pandemic; COVID-19; legal regulation; experimental legal regime.

Cite as: Davydova ML. Development of Telemedicine Legislation: Contradictions and Trends. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):114-123. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.114-123.

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 23-78-10175, <https://rscf.ru/project/23-78-10175/>.

Назначение права (его регулятивная и охранительная функции) заключается в предотвращении и разрешении противоречий и порождаемых ими конфликтов. При этом развитие самого права часто бывает обусловлено противоречиями, которые могут дать толчок появлению новых правовых институтов или, наоборот, создать препятствия для их формирования. При этом специфика правового регулирования обуславливает тот факт, что доступный способ разрешения противоречий напрямую связан с моментом их разрешения. В идеале на дозаконодательном этапе могут (и должны) быть согласованы интересы всех потенциальных

участников и может быть найдено оптимальное компромиссное правотворческое решение, снимающее существующие противоречия. Компромисс, положенный в основу принимаемой правовой нормы, если не является гарантией, то значительно увеличивает шансы на ее бесконфликтное действие в будущем (на этом построены все современные концепции правотворчества¹). Если противоречие не было снято на стадии разработки нормы, то компромисс или сотрудничество как способы его разрешения впоследствии могут оказаться недоступными². Субъект, облеченный властью, не заинтересован в компромиссе, т.к. выгодное ему решение уже

¹ См.: Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 14–29. URL: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>; Трофимов В. В. Конфликтная и солидарная стороны правовой жизни общества как предметные области правового регулирования (к вопросу о культуре правотворческого реагирования на социально-правовой контекст) // Правовая культура. 2021. № 3 (46). С. 101–102.

² В конфликтологии возможными стратегиями преодоления конфликтов, порожденных неразрешенными противоречиями, считаются компромисс, сотрудничество, приспособление, избегание, соперничество (Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник для вузов. СПб., 2019. С. 81).

получило законодательную поддержку. Нормативно закреплённая позиция одной из сторон оставляет второй стороне лишь возможности для приспособления (вынужденное подчинение правилам), избегания (попытки обойти противоречащую его интересам норму) или соперничества (нарушение нормы, приводящее к новому конфликту, который разрешается либо привлечением нарушителя к ответственности, либо — в случае массовых нарушений — отменой неудачной нормы).

Эта теоретическая схема может быть наглядно проиллюстрирована на материале конкретных правовых институтов. Предметом статьи являются противоречия, возникающие в связи с формированием нормативно-правовой базы телемедицинской деятельности, которую Всемирная организация здравоохранения определяет как предоставление услуг здравоохранения в условиях, когда расстояние является критическим фактором³.

Телемедицина впервые упоминается в российских нормативных правовых актах в рамках принятой в 2001 г. Концепции развития телемедицинских технологий⁴. Собственно правовое

регулирование телемедицинских услуг начинается в 2017 г., когда в Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» вводятся понятие и правила использования телемедицинских технологий⁵, впоследствии конкретизированные рядом подзаконных нормативных актов⁶. Возможность установления альтернативного общим правилам порядка оказания телемедицинских услуг появляется в связи с принятием в 2020 г. Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации»⁷. В 2023 г. на основе этого Закона устанавливаются первые экспериментальные режимы в сфере телемедицины⁸.

Исследуя этапы развития нормативно-правовой базы телемедицинской деятельности, можно обнаружить, что противоречия, влияющие на правовое регулирование, неоднородны. Одну группу образуют сущностные, глубинные противоречия, которые лежат в основе социального явления, обуславливая в первую очередь само его существование и, как следствие, необходимость и специфику его правового регулирова-

³ A health telematics policy in support of WHO's Health-for-all strategy for global health development : report of the WHO Group Consultation on Health Telematics, 11–16 December, Geneva, 1997. Geneva : World Health Organization, 1998.

⁴ Приказ Минздрава России № 344, РАМН № 76 от 27.08.2001 «Об утверждении Концепции развития телемедицинских технологий в Российской Федерации и плана ее реализации» (документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Федеральный закон от 29.07.2017 № 242-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам применения информационных технологий в сфере охраны здоровья» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 30.07.2017. Ст. 0001201707300032.

⁶ Порядок организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий (утв. приказом Минздрава России от 30.11.2017 № 965н) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 10.01.2018. Ст. 0001201801100021 ; письмо Минздрава России от 09.04.2018 № 18-2/0579 «О порядке организации и оказания медицинской помощи с применением телемедицинских технологий» // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 31.07.2020. Ст. 0001202007310024.

⁸ Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан (утв. постановлением Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164 (в ред. от 01.02.2025)) // Официальный интернет-портал правовой информации.

ния. Это «генетические» противоречия, которые первичны по отношению к явлению, порождают его. Во вторую группу можно объединить противоречия производные, вторичные, возникающие уже в процессе действия правовых норм и связанные с достижением или недостижением их целей, несоответствием полученных результатов социальным ожиданиям.

Причина возникновения телемедицины (независимо от того, с каким историческим кейсом мы его связываем⁹) кроется в противоречии между спецификой медицинской помощи, требующей непосредственного контакта врача с пациентом, и необходимостью этой помощи даже в тех ситуациях, когда такой контакт объективно невозможен. Это концептуальное противоречие приводит к поиску инструментов, способных нивелировать фактор расстояния. Причем речь на первоначальном этапе идет о физическом уровне решения проблемы¹⁰, когда поиск решения заключается в том, чтобы противоречивые требования были разнесены в пространстве, во времени или через изменение системных отношений¹¹.

Техническое решение проблемы становится возможным с появлением телеграфа, телефона, других средств связи, что частично снимает первоначальное противоречие и порождает

первые примеры дистанционного оказания медицинской помощи¹². Однако никакие средства связи в доцифровую эпоху не обеспечивают полноценного оказания медицинской помощи в соответствии с существующими в обществе стандартами. Поэтому дистанционные медицинские услуги не получают в этот период ни широкого распространения, ни отдельного правового регулирования.

Современный уровень цифровизации также не решает проблему полностью, но позволяет существенно продвинуться в этом направлении¹³. Наличие видеосвязи, возможность получения, передачи, обработки диагностических данных делают целый ряд медицинских услуг потенциально реализуемыми в дистанционном режиме, позволяя на техническом уровне преодолеть первоначальное глубинное противоречие. Неслучайно в настоящее время телемедицина рассматривается как один из важнейших и интенсивно развивающихся сегментов цифрового здравоохранения или медтеха¹⁴. По мере развития технологических возможностей расширяется сфера доступного (не противоречащего критериям качественной медицинской помощи) применения таких услуг, и, соответственно, возникает необходимость их правового регулирования.

URL: www.pravo.gov.ru. 20.07.2023. Ст. 0001202307200023 ; Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности с применением технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозов граждан в отношении реализации инициативы социально-экономического развития Российской Федерации «Персональные медицинские помощники» (утв. постановлением Правительства РФ от 09.12.2022 № 2276 (ред. от 11.12.2024)) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. 15.12.2022. Ст. 0001202212150019.

⁹ Леванов В. М., Орлов О. И., Мерекин Д. В. Исторические периоды развития телемедицины в России // Врач и информационные технологии. 2013. № 4. С. 67–73.

¹⁰ «В технике человек понимает и описывает проблему, а также содержащиеся в ней противоречия на трех различных уровнях: административном, техническом, физическом» (Иванов Г. И. Противоречия (ч. 3) // Metodolog.ru. 2008. URL: <https://metodolog.ru/01499/01499.html> (дата обращения: 15.02.2025)).

¹¹ Иванов Г. И. Противоречия (ч. 4) // Metodolog.ru. 2008. URL: <https://www.metodolog.ru/01506/01506.html> (дата обращения: 15.02.2025).

¹² Леванов В. М., Орлов О. И., Мерекин Д. В. Указ. соч. С. 67–73.

¹³ Currell R., Urquhart C., Wainwright P., Lewis R. Telemedicine versus face to face patient care: effects on professional practice and health care outcomes // Cochrane Database of Systematic Reviews. 2000. Iss. 2. Art. No.: CD002098.

¹⁴ Александров Д. Что такое MedTech и как он меняет нашу жизнь // РБК Тренды. 22.04.2022. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/624628ea9a79471bccd36771> (дата обращения: 29.01.2025).

Таким образом, развитие телемедицины как правового института становится результатом разрешения объективного противоречия в отношениях по оказанию медицинской помощи.

Конечно, противоречие это нельзя считать окончательно разрешенным. Значительной частью медицинского сообщества отсутствие непосредственного контакта врача с пациентом по-прежнему рассматривается как непреодолимое препятствие для качественных медицинских услуг¹⁵. Однако на данном этапе речь идет уже не о физическом, а об административном уровне решения проблемы, который отражает конфликт между технической системой и человеком, когда техническая система не удовлетворяет экономическим, эксплуатационным, экологическим или иным требованиям, которые предъявляет ей человек¹⁶.

Попытки разработки и внедрения нормативных правил в сфере телемедицины воспринимаются рядом специалистов, в том числе ответственных за принятие решений в области медицинской деятельности, крайне негативно и встречают противодействие с их стороны. Например, разработанный в 2021 г.¹⁷ проект программы экспериментального правового

режима, существенно упрощающей правила оказания телемедицинских услуг, несмотря на большие ожидания, возлагавшиеся на него экспертами¹⁸, получил отрицательное заключение Минздрава России и был отклонен. В итоге утвержденный спустя полтора года согласованный компромиссный вариант¹⁹ содержит минимальные послабления относительно существующего регулирования в области телемедицины.

При этом необходимо понимать, что перспективы развития телемедицины не столько связаны с разрешением отдельно взятого противоречия, сколько представляют собой результирующую разнонаправленных противоречивых тенденций, включая растущий общественный запрос на дистанционное взаимодействие, обусловленный как конкретными событиями (пандемия COVID-19), так и текущими социальными процессами. К последним можно, например, отнести старение населения, повышающее востребованность медицинских услуг на дому²⁰, а также заметную тенденцию, получившую название «общество без трения» (frictionless society), когда удобство получения услуги становится важнейшим фактором, влияющим на ее выбор²¹, что обуславливает значительный спрос

¹⁵ См.: *Нараева А.* Врачи считают, что медицинские карты должны быть бумажными // Ведомости. 24.07.2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/24/932797-meditsinskie-karti-bumazhnimi> (дата обращения: 15.02.2025); *Владимирский А. В., Лебедев Г. С., Шадеркин И. А., Миронов Ю. Г.* Методология оценки рисков диагностики и назначения лечения в ходе телемедицинских консультаций пациентов и законных представителей // Врач и информационные технологии. 2022. № 2. С. 39.

¹⁶ *Иванов Г. И.* Противоречия (ч. 3).

¹⁷ Проект постановления Правительства РФ «Об установлении экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций и утверждении программы экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по применению телемедицинских технологий». ID проекта: 01/01/10-21/00121390 // URL: [https://regulation.gov.ru/Projects/List#search=цифровые инновации&npr=121390](https://regulation.gov.ru/Projects/List#search=цифровые%20инновации&npr=121390) (дата обращения: 12.07.2024).

¹⁸ *Швецов Д.* Главные тренды российского MedTech-рынка // РБК Тренды. 02.09.2021. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6130bc259a7947349c6f5302> (дата обращения: 29.01.2025).

¹⁹ Программа экспериментального правового режима в сфере цифровых инноваций по направлению медицинской деятельности, в том числе с применением телемедицинских технологий и технологий сбора и обработки сведений о состоянии здоровья и диагнозах граждан (утв. постановлением Правительства РФ от 18.07.2023 № 1164).

²⁰ *Sun L., Buijsen M.* Mobile Health in China: Well Integrated or a New Divide? // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2023. No. 32. P. 244–253.

²¹ «На протяжении всей истории решения о покупке принимались в соответствии с индивидуальным сочетанием трех основных факторов: цены, выбора и скорости. Пришло время добавить четвертый —

на бесконтактное обслуживание. По результатам опроса, в 2023 г. более 50 % пациентов в США в качестве основной причины виртуального посещения врача назвали то, что это было проще и удобнее, чем лично²².

Как представляется, противоречие между консервативностью медицинского законодательства, ограничивающего или усложняющего оказание телемедицинских услуг, и растущим общественным запросом на них — это пример вторичного противоречия, связанного не столько с сущностью телемедицины, сколько с действием регулирующих ее норм.

Термин «консервативность» в данном случае нейтральный. То, насколько строго законодатель подходит к регулированию медицинской деятельности, какие из этих ограничений необходимы и разумны, а какие действуют в силу привычки или традиции — это предмет отдельного, более квалифицированного разговора²³. При альтернативе — *доступность* или *качество* медицинских услуг — консервативность вполне уместна. Поэтому речь идет не о самой консервативности, а о возникающем в связи с ней противоречии, при котором право не отвечает социальным ожиданиям. Противоречие это довольно типично. В рассматриваемой сфере оно особенно обострилось в период пандемии, в результате чего многие государства вынужде-

ны были снять ряд запретов, значительно либерализовав законодательство о телемедицине. Так, в США в 2020 г. было принято 31 изменение в существующие правила (включая право врачей на оплату приема, независимо от того, где находился пациент, а также распространение на данные услуги программ медицинского страхования), в результате чего количество обращений за телемедицинской консультацией с февраля по апрель 2020 г. выросло в 78 раз²⁴. Если до пандемии 65 % врачей в США вообще не были вовлечены в данную сферу, то во время ее пика 43 % врачей осматривали более 50 % пациентов с помощью телемедицинских технологий²⁵.

Но даже это не сняло все юридические противоречия. Так, развивавшийся с 2018 г. сервис Amazon Care (доступные через приложение Amazon чат и возможность круглосуточной видеосвязи с врачом по всей стране), несмотря на высокую удовлетворенность пациентов, в 2022 г. объявил о закрытии в связи со сложностью соблюдения многочисленных медицинских правил, действующих в разных штатах (требований к ведению документации, отчетности, согласию, конфиденциальности, обмену данными и пр.)²⁶.

В отличие от США, в России во время пандемии не произошло либерализации законодательства о телемедицине²⁷. Установленные

беспрепятственность. В 2020 г. правила изменились; у вас может быть лучшая идея, продукт или услуга в мире, но, если вы усложните людям покупку, поиск или использование, они купят, найдут или используют что-то другое» (Lemieux C. Frictionless: Why the Future of Everything Will Be Fast, Fluid, and Made Just for You. HarperCollins, 2020).

²² United States: reasons for seeing a doctor virtually in 2023 / Statista Research Department // Statista.com. Jan. 25, 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1446001/reasons-for-virtual-doctor-visits-in-the-us/> (дата обращения: 15.02.2025).

²³ Проблемы телемедицины в России // Zdrav.expert. 21.07.2022. URL: https://zdrav.expert/index.php/Статья:Проблемы_телемедицины_в_России (дата обращения: 15.02.2025).

²⁴ Erratum to Regulatory Tensions in Telemedicine and the Realities of Virtual Care Post Pandemic // University of Pittsburgh Law Review. 2023. Vol. 84. No. 5. URL: <https://doi.org/10.5195/lawreview.2022.976>.

²⁵ Stewart C. Physician use of telehealth before and after the COVID-19 pandemic in the U.S. 2021 // Statista.com. Aug. 1, 2024. URL: <https://www.statista.com/statistics/1300411/telehealth-use-pre-and-post-pandemic-in-the-united-states/> (дата обращения: 15.02.2025).

²⁶ Erratum to Regulatory Tensions in Telemedicine and the Realities of Virtual Care Post Pandemic.

²⁷ Соответствующий законопроект вносился в Государственную Думу ФС РФ, но не был поддержан. См.: Проект № 930215-7 // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/930215-7> (дата обращения: 15.02.2025).

еще в 2017 г. правила требовали (и до сих пор требуют) обязательного первичного очного приема, что в условиях самоизоляции в 2020 г. как раз и составляло основную проблему в связи с перегруженностью медицинских учреждений и повышенной опасностью заразиться. В итоге противоречие часто разрешалось не за счет использования правовых норм о телемедицинских услугах (хотя их применение и расширилось²⁸), а за счет их обхода (например, в ходе интернет-консультации пациент предупреждался, что для постановки точного диагноза необходим очный прием, но получал справочную информацию о том, какое лечение обычно назначается в таких случаях). В этих условиях консультация проводится без каких-либо гарантий качественной медицинской помощи²⁹. Отрабатыв данную технологию в период пандемии, многие сервисы продолжают ее использовать и в настоящее время. Так, наиболее популярные³⁰ сервисы «СберЗдоровье»³¹, «Яндекс.Здоровье»³² предлагают круглосуточные онлайн-консультации, в ходе которых специалисты хотя и не поставят окончательного диагноза, но дадут полезные рекомендации, ответят на вопросы, посоветуют, какие необходимо сдать анализы. Противоречие между законодательным запретом и высоким общественным спросом в данном случае разрешается путем формального соблюдения запрета, что позволяет фактически обойти неудобную норму.

Даже в том случае, когда сами правовые нормы не вызывают нареканий, их реализация может столкнуться с противоречиями, когда оказывается, что полученные результаты не совсем соответствуют ожиданиям и первоначальным целям. Далеко не всегда, например, оправдываются связанные с телемедициной надежды на демократизацию и расширение доступа к медицинской помощи. Важным фактором является, в частности, уровень цифровизации и технической оснащенности как медицинских учреждений, так и пациентов, который снижается по мере удаления от мегаполисов к периферии, хотя именно там проблема доступности медицинской помощи стоит наиболее остро.

Для России вопрос о неравномерной цифровизации, безусловно, актуален. По статистике 2023 г., 88 % домашних хозяйств в России имеют доступ к Интернету (в Республике Корея 100 %, в Великобритании, Франции 97 %, в Турции 96 %)³³. В масштабах нашей страны оставшиеся 12 % — это значительная цифра, подразумевающая людей, которые даже теоретически не могут воспользоваться многими услугами цифрового здравоохранения. Проблема эта частично может решаться через развитие телемедицинских центров, налаживание системы консультаций в режиме «врач — врач» для территориально удаленных медицинских учреждений, использование дистанционного анализа рентгеновских снимков и т.п. В этом случае возможность

²⁸ Мотренко Е., Костенко Я. Доктор на связи: как коронавирус разбудил телемедицину в России // Известия. 08.04.2020. URL: <https://iz.ru/996865/elena-motrenko-iaroslava-kostenko/doktor-na-svizi-kak-koronavirus-razbudil-telemeditsinu-v-Rossii> (дата обращения: 15.02.2025).

²⁹ Владимирский А. В., Морозов С. П., Сименюра С. С. Телемедицина и COVID-19: оценка качества телемедицинских консультаций, инициированных пациентами с симптомами ОРВИ // Врач и информационные технологии. 2020. № 2. С. 52–63.

³⁰ Телемедицина (российский рынок) // Zdrav.expert. 29.08.2024. URL: [https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D0%B0_\(%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA\)](https://zdrav.expert/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8F:%D0%A2%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BC%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%86%D0%B8%D0%BD%D0%B0_(%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B9%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BE%D0%BA)) (дата обращения: 15.02.2025).

³¹ СберЗдоровье. Онлайн-консультации // URL: <https://lk.sberhealth.ru/telemed> (дата обращения: 15.02.2025).

³² Яндекс.Здоровье. Онлайн-консультации с врачами // URL: <https://health.genotek.ru/> (дата обращения: 15.02.2025).

³³ Цифровая экономика: 2025 : краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский [и др.]. М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. С. 17. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/995751983.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).

повысить качество медицинской помощи за счет телемедицины получит если не каждый дом (эта перспектива очень отдаленная: в настоящее время только 33 % российских пользователей в возрасте от 15 до 74 лет используют Интернет для поиска информации, связанной со здоровьем и услугами здравоохранения³⁴), то по крайней мере ближайший медицинский пункт.

Значимой является и экономическая составляющая. Так, американские исследователи показывают, что большинство пациентов обращается за телемедицинскими услугами в качестве дополнения, а не замены очного контакта с врачом. В итоге удваиваются и расходы на медицину, что лишь усиливает, а не снижает неравенство³⁵.

Тем не менее прогресс не остановить. Всемирный опрос в 2021 г. показал, что значительная доля врачей (например, в Китае 61 %, в США 1/3) считает, что через 10 лет большая часть медицинских услуг будет предоставляться на дому у пациента, а не в медицинских учреждениях³⁶. 84 % опрошенных врачей в Китае и 82 % врачей в Испании полагают, что через 10 лет у пациентов будет легкий доступ к инструментам для удаленного мониторинга здоровья³⁷.

Если удобство получения услуг выходит на первый план в ряду социальных приоритетов, то нет сомнений, что препятствующие ему как технологические, так и юридические противоречия со временем будут успешно разрешены.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Александров Д. Что такое MedTech и как он меняет нашу жизнь // РБК Тренды. — 22.04.2022. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/624628ea9a79471bccd36771> (дата обращения: 29.01.2025).
2. Анцупов А. Я., Шипилов А. И. Конфликтология : учебник для вузов. — СПб., 2019.
3. Владзимирский А. В., Лебедев Г. С., Шадеркин И. А., Миронов Ю. Г. Методология оценки рисков диагностики и назначения лечения в ходе телемедицинских консультаций пациентов и законных представителей // Врач и информационные технологии. — 2022. — № 2. — URL: https://vit-j.ru/upload/iblock/504/8cy4z2tuizzxbloyp868dv2rbrle6q5/vit_2022_02_04.pdf (дата обращения: 15.02.2025).
4. Владзимирский А. В., Морозов С. П., Сименюра С. С. Телемедицина и COVID-19: оценка качества телемедицинских консультаций, инициированных пациентами с симптомами ОРВИ // Врач и информационные технологии. — 2020. — № 2. — С. 52–63.
5. Давыдова М. Л. «Умное регулирование» как основа совершенствования современного правотворчества // Журнал российского права. — 2020. — № 11. — С. 14–29. — URL: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>.
6. Иванов Г. И. Противоречия (ч. 3, 4) // Metodolog.ru. — 2008. — URL: <https://www.metodolog.ru/01499/01499.html> (дата обращения: 15.02.2025).
7. Леванов В. М., Орлов О. И., Мерекин Д. В. Исторические периоды развития телемедицины в России // Врач и информационные технологии. — 2013. — № 4. — С. 67–73.
8. Мотренко Е., Костенко Я. Доктор на связи: как коронавирус разбудил телемедицину в России // Известия. — 08.04.2020. — URL: <https://iz.ru/996865/elena-motrenko-iaroslava-kostenko/doktor-na-svizi-kak-koronavirus-razbudil-telemeditsinu-v-Rossii> (дата обращения: 15.02.2025).

³⁴ Цифровая экономика: 2025. С. 27.

³⁵ Erratum to Regulatory Tensions in Telemedicine and the Realities of Virtual Care Post Pandemic ; Call G. Telehealth Post-COVID: Going Digital to Reduce Costs? // Medical Economists. Jan. 28, 2022. URL: <https://www.medicaleconomics.com/view/telehealth-post-covid-going-digital-to-reduce-costs-> (дата обращения: 15.02.2025).

³⁶ Stewart C. Clinicians who believed healthcare access at home will increase by 2031, by country // Statista.com. Dec. 8, 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1299239/clinicians-views-that-healthcare-will-take-place-at-home-in-future/> (дата обращения: 15.02.2025).

³⁷ Stewart C. Clinicians' views on ease of access to remote monitoring tools in 2031, by country // Statista.com. Dec. 8, 2023. URL: <https://www.statista.com/statistics/1298341/clinicians-views-on-ease-of-access-to-remote-monitoring-tools-by-country/> (дата обращения: 15.02.2025).

9. *Нараева А.* Врачи считают, что медицинские карты должны быть бумажными // *Ведомости*. — 24.07.2022. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/24/932797-meditsinskie-karti-bumazhnimi> (дата обращения: 15.02.2025).
10. *Трофимов В. В.* Конфликтная и солидарная стороны правовой жизни общества как предметные области правового регулирования (к вопросу о культуре правотворческого реагирования на социально-правовой контекст) // *Правовая культура*. — 2021. — № 3 (46). — С. 101–102.
11. *Цифровая экономика: 2025 : краткий статистический сборник / В. Л. Абашкин, Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневский [и др.]*. — М. : ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. — URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/995751983.pdf> (дата обращения: 15.02.2025).
12. *Швецов Д.* Главные тренды российского MedTech-рынка // *РБК Тренды*. — 02.09.2021. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6130bc259a7947349c6f5302> (дата обращения: 29.01.2025).
13. *A health telematics policy in support of WHO's Health-for-all strategy for global health development : report of the WHO Group Consultation on Health Telematics, 11–16 December 1997, Geneva*. — Geneva : World Health Organization, 1998.
14. *Call G.* Telehealth Post-COVID: Going Digital to Reduce Costs? // *Medical Economists*. — Jan. 28, 2022. — URL: <https://www.medicaleconomics.com/view/telehealth-post-covid-going-digital-to-reduce-costs-> (дата обращения: 15.02.2025).
15. *Currell R., Urquhart C., Wainwright P., Lewis R.* Telemedicine versus face to face patient care: effects on professional practice and health care outcomes // *Cochrane Database of Systematic Reviews*. — 2000. — Iss. 2. — Art. No.: CD002098.
16. *Erratum to Regulatory Tensions in Telemedicine and the Realities of Virtual Care Post Pandemic* // *University of Pittsburgh Law Review*. — 2023. — Vol. 84. — No. 5. — URL: <https://doi.org/10.5195/lawreview.2022.976>.
17. *Lemieux C.* Frictionless: Why the Future of Everything Will Be Fast, Fluid, and Made Just for You. — HarperCollins, 2020.
18. *Stewart C.* Clinicians who believed healthcare access at home will increase by 2031, by country // *Statista.com*. — Dec. 8, 2023. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1299239/clinicians-views-that-healthcare-will-take-place-at-home-in-future/> (дата обращения: 15.02.2025).
19. *Stewart C.* Physician use of telehealth before and after the COVID-19 pandemic in the U.S. 2021 // *Statista.com*. — Aug. 1, 2024. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1300411/telehealth-use-pre-and-post-pandemic-in-the-united-states/> (дата обращения: 15.02.2025).
20. *Sun L., Buijsen M.* Mobile Health in China: Well Integrated or a New Divide? // *Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics*. — 2023. — No. 32. — P. 244–253.
21. *United States: reasons for seeing a doctor virtually in 2023* / *Statista Research Department* // *Statista.com*. — Jan. 25, 2024. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1446001/reasons-for-virtual-doctor-visits-in-the-us/> (дата обращения: 15.02.2025).

Материал поступил в редакцию 15 февраля 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. *Aleksandrov D.* Chto takoe MedTech i kak on menyaet nashu zhizn // *RBK Trendy*. — 22.04.2022. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/624628ea9a79471bccd36771> (дата обращения: 29.01.2025).
2. *Antsupov A. Ya., Shipilov A. I.* *Konfliktologiya: uchebnik dlya vuzov*. — SPb., 2019.
3. *Vladimirskiy A. V., Lebedev G. S., Shaderkin I. A., Mironov Yu. G.* *Metodologiya otsenki riskov diagnostiki i naznacheniya lecheniya v khode telemeditsinskih konsultatsiy patsientov i zakonnykh predstaviteley // Vrach i informatsionnye tekhnologii*. — 2022. — № 2. — URL: https://vit-j.ru/upload/iblock/504/8cy4z2tuizzxblkoyp868dv2rbrle6q5/vit_2022_02_04.pdf (дата обращения: 15.02.2025).

4. Vladzimirskiy A. V., Morozov S. P., Simenyura S. S. Telemeditsina i COVID-19: otsenka kachestva telemeditsinskih konsultatsiy, initsiirovannykh patsientami s simptomami ORVI // Vrach i informatsionnye tekhnologii. — 2020. — № 2. — S. 52–63.
5. Davydova M. L. «Umnoe regulirovanie» kak osnova sovershenstvovaniya sovremennogo pravotvorchestva // Zhurnal rossiyskogo prava. — 2020. — № 11. — S. 14–29. — URL: <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.130>.
6. Ivanov G. I. Protivorechiya (ch. 3, 4) // Metodolog.ru. — 2008. — URL: <https://www.metodolog.ru/01499/01499.html> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
7. Levanov V. M., Orlov O. I., Merekin D. V. Istoricheskie periody razvitiya telemeditsiny v Rossii // Vrach i informatsionnye tekhnologii. — 2013. — № 4. — S. 67–73.
8. Motrenko E., Kostenko Ya. Doktor na svyazi: kak koronavirus razbudil telemeditsinu v Rossii // Izvestiya. — 08.04.2020. — URL: <https://iz.ru/996865/elena-motrenko-iaroslava-kostenko/doktor-na-svyazi-kak-koronavirus-razbudil-telemeditsinu-v-Rossii> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
9. Naraeva A. Vrachy schitayut, chto meditsinskie karty dolzhny byt bumazhnymi // Vedomosti. — 24.07.2022. — URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/07/24/932797-meditsinskie-karti-bumazhnymi> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
10. Trofimov V. V. Konfliktnaya i solidarnaya storony pravovoy zhizni obshchestva kak predmetnye oblasti pravovogo regulirovaniya (k voprosu o kulture pravotvorcheskogo reagirovaniya na sotsialno-pravovoy kontekst) // Pravovaya kultura. — 2021. — № 3 (46). — S. 101–102.
11. Tsifrovaya ekonomika: 2025: kratkiy statisticheskiy sbornik / V. L. Abashkin, G. I. Abdrakhmanova, K. O. Vishnevskiy [i dr.]. — M.: ISIEZ VShE, 2025. — URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/995751983.pdf> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
12. Shvetsov D. Glavnye trendy rossiyskogo MedTech-rynka // RBK Trendy. — 02.09.2021. — URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/6130bc259a7947349c6f5302> (data obrashcheniya: 29.01.2025).
13. A health telematics policy in support of WHO's Health-for-all strategy for global health development: report of the WHO Group Consultation on Health Telematics, 11–16 December 1997, Geneva. — Geneva: World Health Organization, 1998.
14. Call G. Telehealth Post-COVID: Going Digital to Reduce Costs? // Medical Economists. — Jan. 28, 2022. — URL: <https://www.medicaleconomics.com/view/telehealth-post-covid-going-digital-to-reduce-costs-> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
15. Currell R., Urquhart C., Wainwright P., Lewis R. Telemedicine versus face to face patient care: effects on professional practice and health care outcomes // Cochrane Database of Systematic Reviews. — 2000. — Iss. 2. — Art. No.: CD002098.
16. Erratum to Regulatory Tensions in Telemedicine and the Realities of Virtual Care Post Pandemic // University of Pittsburgh Law Review. — 2023. — Vol. 84. — No. 5. — URL: <https://doi.org/10.5195/lawreview.2022.976>.
17. Lemieux C. Frictionless: Why the Future of Everything Will Be Fast, Fluid, and Made Just for You. — HarperCollins, 2020.
18. Stewart C. Clinicians who believed healthcare access at home will increase by 2031, by country // Statista.com. — Dec. 8, 2023. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1299239/clinicians-views-that-healthcare-will-take-place-at-home-in-future/> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
19. Stewart C. Physician use of telehealth before and after the COVID-19 pandemic in the U.S. 2021 // Statista.com. — Aug. 1, 2024. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1300411/telehealth-use-pre-and-post-pandemic-in-the-united-states/> (data obrashcheniya: 15.02.2025).
20. Sun L., Buijsen M. Mobile Health in China: Well Integrated or a New Divide? // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. — 2023. — No. 32. — P. 244–253.
21. United States: reasons for seeing a doctor virtually in 2023 / Statista Research Department // Statista.com. — Jan. 25, 2024. — URL: <https://www.statista.com/statistics/1446001/reasons-for-virtual-doctor-visits-in-the-us/> (data obrashcheniya: 15.02.2025).

Приоритеты судебного порядка рассмотрения жалоб как составной части механизма судебной защиты прав граждан в досудебном производстве по уголовным делам

Аннотация. На основе анализа современных научных подходов к определению функционального предназначения деятельности суда первой инстанции по обеспечению судебной защиты прав граждан в досудебном производстве по уголовным делам, именуемой также судебным контролем, обосновано отнесение судебного контроля к самостоятельной функции суда. Составной частью судебного контроля является рассмотрение жалоб в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ. По итогам изучения судебной статистики установлена низкая результативность судебного контроля по жалобам, обусловленная отсутствием корреляции между правовым регулированием данного института и правоприменением. С учетом расширения присутствия суда в досудебном производстве при сохранении ограниченных ресурсов судебной власти и совмещении судьями функций по рассмотрению уголовных дел и судебному контролю для надлежащего функционирования механизма судебной защиты прав граждан предложено выделить приоритеты судебного порядка рассмотрения жалоб. Во избежание становления судебного контроля на путь экстенсивного развития и подмены/дублирования судом полномочий руководителя следственного органа и прокурора до появления в уголовном процессе следственных судей необходимо в первую очередь уменьшить свободу усмотрения суда и сосредоточиться на правообеспечительном аспекте судебного контроля по жалобам. При рассмотрении жалоб суд должен выступать неким компенсаторным механизмом, указывающим на недостатки ведомственного контроля и прокурорского надзора, посредством которых и должны быть обеспечены защита/восстановление прав граждан, нарушенных преступлением / уголовным преследованием. Решение поставленных задач потребует улучшения качества нормативного регулирования, ограничения предмета судебного обжалования только жалобами на имевшие место нарушения, которые рассмотрены руководителем следственного органа и прокурором, сужения пределов вмешательства суда в уголовно-процессуальную деятельность дознавателя, следователя и прокурора, разработки новых критериев оценки судебного порядка рассмотрения жалоб, характеризующих реальное состояние правовой защищенности граждан при возбуждении и расследовании уголовных дел.

Ключевые слова: судебная защита; досудебное производство по уголовным делам; судебный контроль; правосудие; функция суда; правообеспечительная деятельность; предмет обжалования; пределы обжалования.

© Сушина Т. Е., 2025

* Сушина Татьяна Евгеньевна, кандидат юридических наук, судья в отставке, доцент кафедры уголовно-процессуального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
tesushina@msal.ru

вания; приоритеты развития; управомочивающие, обязывающие и запрещающие нормы уголовно-процессуального права; показатели результативности.

Для цитирования: Сушина Т. Е. Приоритеты судебного порядка рассмотрения жалоб как составной части механизма судебной защиты прав граждан в досудебном производстве по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 124–138. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.124-138.

Priorities of Judicial Review of Complaints as a Component of the Judicial Protection Mechanism for Citizens' Rights in Pre-Trial Criminal Proceedings

Tatyana E. Sushina, Cand. Sci. (Law), Retired Judge, Associate Professor, Department of Criminal Procedure Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
tesushina@msal.ru

Abstract. Based on the analysis of contemporary scholarly approaches to defining the functional purpose of first-instance courts in ensuring judicial protection of citizens' rights during pre-trial criminal proceedings (also referred to as judicial oversight), this paper substantiates the classification of judicial review as an independent function of the court. An integral part of judicial review is the consideration of complaints in accordance with Articles 125 and 125.1 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. The results of the study of judicial statistics revealed low efficiency of judicial review of complaints, due to the lack of correlation between the legal regulation of this institution and law enforcement. Given the expanding role of courts in pre-trial proceedings while judicial resources remain limited and judges must balance case adjudication with review functions, the paper proposes establishing priorities for the judicial review of complaints to ensure the proper functioning of the judicial protection mechanism. To prevent judicial review from developing along an extensive path and duplicating/replacing the powers of investigative supervisors and prosecutors before the appearance of investigative judges in criminal proceedings, it is necessary to first narrow the scope of judicial discretion and focus on the rights-protective aspect of judicial review of complaints. When considering complaints, the court must act as a kind of compensatory mechanism, pointing out the shortcomings of departmental control and prosecutorial supervision, through which the protection/restoration of the rights of citizens violated by a crime/criminal prosecution must be ensured. Addressing these challenges will require improving the quality of regulatory frameworks, limiting judicial review to complaints about actual violations that have already been examined by investigative supervisors and prosecutors, reducing the scope of judicial interference in the procedural actions of investigators and prosecutors, and developing new evaluation criteria for judicial complaint review that reflect the actual state of citizens' legal protection during criminal case initiation and investigation.

Keywords: judicial protection; pre-trial proceedings in criminal cases; judicial review; justice; court function; law enforcement activities; subject of appeal; limits of appeal; development priorities; empowering; mandatory and prohibitory norms of criminal procedural law; performance indicators.

Cite as: Sushina TE. Priorities of Judicial Review of Complaints as a Component of the Judicial Protection Mechanism for Citizens' Rights in Pre-Trial Criminal Proceedings. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):124-138. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.124-138.

Судебный порядок рассмотрения жалоб на допущенные дознавателем, следователем и прокурором нарушения закона, ущемляющие конституционные права граждан, является составной частью одного из институтов

уголовно-процессуального права, получившего название судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам. Несмотря на то что имеется некоторое несогласование наименования «судебный контроль» с содержанием

деятельности суда первой инстанции на начальном этапе уголовного судопроизводства¹, термин «судебный контроль» широко используется в научной и учебной литературе, следственной, прокурорской и судебной практике.

Анализ этапов становления и развития судебного контроля по жалобам свидетельствует о том, что закрепление данного института в гл. 16 УПК РФ (2001 г.) создало условия для реализации лицами, вовлеченными в уголовный процесс, и иными лицами, полагающими, что их права и законные интересы нарушены преступлением / уголовным преследованием, прав на судебную защиту и на доступ к правосудию, гарантированных Конституцией РФ.

Дальнейшее приведение положений гл. 16 УПК РФ в соответствие с правовыми позициями Конституционного Суда РФ, дополнение ее статьей 125.1 и возложение на суды первой инстанции обязанности до внесения изменений в УПК РФ рассматривать по правилам ст. 125.1 УПК РФ жалобы подозреваемых и обвиняемых на постановления о прекращении уголовного преследования по истечении срока давности привлечения к уголовной ответственности² стали продолжением государственной политики по оптимизации уголовно-процессуальной деятельности, повышению уровня процессуальных гарантий граждан и обеспечению реализации их конституционных прав на всех стадиях уголовного судопроизводства³.

Вместе с тем суды первой инстанции при рассмотрении жалоб нередко сталкивались и продолжают сталкиваться с проблемами теоре-

тического и прикладного характера, тормозящими развитие механизма судебной защиты прав граждан в досудебном производстве. В связи с тем, что значительное число проблем требует научного осмысления, различные аспекты судебного контроля были и остаются предметом многочисленных научных исследований.

К числу стержневых и часто обсуждаемых в научной среде относится вопрос о том, является ли судебный контроль самостоятельной функцией суда первой инстанции либо он осуществляется судом первой инстанции в ходе реализации функции по отправлению правосудия.

Научное разрешение данного вопроса имеет исключительную важность, т.к. формирование правильного научного представления о сущности и содержании судебного контроля поможет прежде всего предостеречь законодателя от ошибочного внесения изменений в уголовно-процессуальный закон, касающихся наделения суда первой инстанции несвойственными ему в досудебном производстве полномочиями. Это, в свою очередь, позволит избежать возложения на суд первой инстанции обязанностей по принятию тех решений, которые, исходя из общих теоретических начал уголовного процесса, должны приниматься органами предварительного расследования и/или прокурором.

Кроме того, неоднозначное понимание роли суда первой инстанции в досудебном производстве препятствует вычленению предмета обжалования и установлению четких границ вмешательства суда в деятельность должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, что

¹ Под начальным этапом уголовного судопроизводства предлагается понимать досудебное производство, включающее стадии возбуждения и предварительного расследования уголовного дела (п. 9 ст. 5 УПК РФ).

² Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2022 № 33-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 27 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и пункта “в” части первой статьи 78 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Рудникова» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: Давыдов В. А., Качалова О. В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 29. С. 69–78; Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 6. С. 137–146.

создает опасность, с одной стороны, необоснованного сужения пределов обжалования, с другой стороны, их неоправданного расширения.

В большинстве диссертационных исследований за 2002–2024 гг., посвященных судебному контролю, обязательно затрагивался вопрос о функции суда при осуществлении судебного контроля. Несмотря на глубокую научную проработку, в уголовно-процессуальной теории на этот счет пока не достигнуто однозначного понимания. Единству мнений мешает в том числе устоявшийся постулат о том, что в уголовном процессе суд первой инстанции осуществляет только одну из трех процессуальных функций — отправлению правосудия⁴.

Кратко обобщим доминирующие научные подходы, имеющие принципиальное значение для понимания судебного контроля как правовой категории.

Ряд авторов (например, В. М. Бозров, А. П. Гуськова, Н. Н. Ковтун, В. А. Лазарева, В. М. Лебедев, Е. В. Носкова, И. Л. Петрухин), ссылаясь на ст. 18, 118 Конституции РФ и

пункт 50 ст. 5 УПК РФ, согласно которому в уголовном процессе суд осуществляет правосудие в ходе досудебного и судебного производства по уголовному делу, рассматривают судебный контроль как особую форму (способ, элемент, вид) осуществления судом функции по отправлению правосудия⁵.

Другие авторы (О. О. Аваков, П. А. Луценко) считают, что функция суда первой инстанции по отправлению правосудия включает широкий спектр направлений уголовно-процессуальной деятельности. Судебный контроль представляет собой одно из них. Поскольку в результате судебного контроля суд принимает промежуточные решения, это направление считается второстепенным по отношению к основной деятельности суда первой инстанции по разрешению уголовных дел по существу⁶.

Иного мнения по данному вопросу придерживаются В. А. Азаров, Л. А. Воскобитова, Л. М. Володина, Л. Н. Масленникова, А. Н. Рыжих, А. В. Смирнов, И. Ю. Таричко⁷ и другие авторы, выделяющие судебный контроль в

⁴ См., например: *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. М., 1968. Т. 1. С. 14 ; *Нажимов В. П.* Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР : в 2 т. : дис. ... д-ра юрид. наук. Калининград, 1969 ; Организация суда и прокуратуры в СССР : учеб. пособие / Свердл. юрид. ин-т. Свердловск, 1973. С. 64–76 ; *Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л.* Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) : монография / отв. ред. О. П. Темушкин ; АН СССР, Ин-т государства и права. М. : Наука, 1987. С. 15.

⁵ См.: *Бозров В. М.* Сущность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное // *Российский судья*. 2020. № 2. С. 39–50 ; *Гуськова А. П.* Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ : монография. Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2002. С. 13–14, 99 ; *Ковтун Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : монография. Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. С. 27 ; *Лазарева В. А.* Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе : монография. Самара : Самарский университет, 2000. С. 53–54 ; *Лебедев В. М.* Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. С. 9 ; *Носкова Е. В.* Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2011. С. 10 ; *Петрухин И. Л.* Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. М. : Проспект, 2008. С. 131–132.

⁶ См.: *Аваков О. О.* Судебная деятельность и ее направления в судебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012 ; *Луценко П. А.* Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.

⁷ См.: *Азаров В. А., Таричко И. Ю.* Функция судебного контроля в истории и практике уголовного процесса России : монография. Омск, 2004 ; *Воскобитова Л. А.* Предметная область судебной власти и виды судопроизводства // *Судебная власть и уголовный процесс*. 2017. № 1. С. 59–67 ; *Володина Л. М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика : монография. М. : Юрист, 2006. С. 187 ; Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития

качестве самостоятельной функции суда первой инстанции. Такой подход следует признать преобладающим в современной науке уголовного процесса.

Некоторые авторы предприняли попытку дать название этой функции. Например, А. Н. Рыжих именовал судебный контроль обеспечительной функцией, т.к. суд выступает гарантом различных интересов и устраняет отклоняющееся досудебное движение уголовного дела⁸. В. А. Азаров и И. Ю. Таричко назвали судебный контроль вспомогательной функцией, а отправление правосудия — доминирующей⁹.

Отдельно стоит отметить научный подход Н. Г. Муратовой, которая рассматривает судебный контроль как многофункциональную уголовно-процессуальную деятельность суда первой инстанции в досудебном уголовном производстве. К числу наиболее важных она отнесла правосстановительную, правообеспечительную и превентивно-воспитательную функции судебного контроля. При этом Н. Г. Муратова предложила признать судебный контроль принципом уголовного процесса, что вызывает обобщенные сомнения¹⁰.

Немного особняком стоит позиция Ф. Н. Фаткуллина, А. М. Ларина, Е. Г. Мартынчика, Н. А. Юркевича о наличии в уголовном процессе правообеспечительной функции, реализуемой не только судом, но и другими государствен-

ными органами в целях охраны прав и законных интересов личности, общества и государства. Судебный контроль рассматривается ими как одна из форм правообеспечительной функции и выполняет, по их мнению, служебную (обеспечительную) роль¹¹.

Имеются и иные научные точки зрения¹².

Не умаляя самостоятельной научной ценности исследований, считаем важным учитывать, что суд участвует в досудебном уголовном производстве наряду с органами предварительного расследования и прокуратуры, которые и обязаны осуществлять уголовное преследование. Суд не связан с ними так называемой обвинительной деятельностью, но в пределах своей компетенции в досудебном производстве должен рассматривать уголовно-процессуальные споры, в том числе по жалобам.

В свете того, что уголовно-процессуальная деятельность государственных органов в лице дознавателя, следователя, прокурора и судьи, несмотря на различие выполняемых уголовно-процессуальных функций, в совокупности направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства в его досудебных стадиях, стоит признать правильным определение функции государственного органа, данное М. С. Шалумовым. По мнению автора, под функцией любого государственного органа нужно понимать правовую категорию, обозначающую закреп-

цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. М. : Норма, Инфра-М, 2022. С. 114 ; *Рыжих А. Н.* Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2008 ; *Смирнов А. В.* Российский уголовный процесс: необходима новая модель // URL: http://rapsinews.ru/judicial_analyst/20150122/273010035.html (дата обращения: 26.01.2025).

⁸ *Рыжих А. Н.* Указ. соч. С. 6.

⁹ *Азаров В. А., Таричко И. Ю.* Указ. соч. С. 136.

¹⁰ *Муратова Н. Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 9, 21–22.

¹¹ См.: Вопросы эффективности советского уголовного процесса : сборник статей / науч. ред. проф. Ф. Н. Фаткуллин. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976 ; *Юркевич Н. А.* Судебный контроль как элемент системы уголовно-процессуальных функций при осуществлении производства по преданию обвиняемого суду // Администратор суда. 2014. № 3. С. 12–18.

¹² Работа по систематизации имеющихся в научной литературе суждений о месте и роли судебного контроля в досудебном производстве по уголовным делам проделана многими авторами. См., например: *Александров И. С.* Судебный контроль как самостоятельная функция судебной власти и его место в досудебном производстве по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12. С. 151–161.

ленную в законе общую обязанность данного государственного органа как составной части единого государственного механизма¹³.

С учетом этого судебный контроль в досудебном производстве по уголовным делам следует рассматривать в качестве самостоятельной функции суда первой инстанции, направленной на реализацию возложенной на него государством обязанности по обеспечению права на судебную защиту лицам, вовлеченным в сферу уголовно-процессуальных отношений.

Соглашаясь с Н. Г. Муратовой в том, что суд в рамках судебного контроля осуществляет правосстановительную, правообеспечительную, профилактическую и даже в определенной мере правотворческую деятельность¹⁴, полагаем необходимым рассматривать их не как функции, а как направления судебной деятельности, выделение которых нужно для решения определенных задач в рамках реализации судом функции по судебному контролю в досудебном производстве¹⁵.

Оптимальным вариантом судебной деятельности в досудебном производстве мог бы стать институт следственных судей, о чем на протяже-

нии последних 20 лет ведутся активные научные дискуссии¹⁶.

Впрочем, в нынешних условиях имеются некоторые сдерживающие факторы¹⁷, в связи с чем стоит полагать, что в ближайшей перспективе сохранится существующая модель уголовного судопроизводства с элементами ее цифровизации¹⁸, т.е. функцию по судебному контролю будут выполнять те же судьи, которые рассматривают уголовные дела в суде первой инстанции. Также пока не планируется существенное увеличение штатной численности судейского корпуса¹⁹.

Как уже указывалось, составной частью деятельности суда первой инстанции в досудебном производстве является судебный порядок рассмотрения жалоб, установленный статьями 125, 125.1 УПК РФ, границы которого в последнее время раздвигаются. Ввиду отсутствия у судов первой инстанции дополнительных ресурсов существует опасность становления судебного контроля по жалобам на экстенсивный путь развития, что крайне нежелательно, поскольку многие судьи и так работают на пределе своих возможностей.

¹³ Шалумов М. С. Система функций российской прокуратуры : монография. Кострома, 2003. С. 5, 7.

¹⁴ В силу ч. 6 ст. 3 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», ч. 6 ст. 2 Федерального конституционного закона от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд РФ и Верховный Суд РФ вправе выступать с законодательной инициативой по вопросам своего ведения.

¹⁵ Выделение направлений в рамках реализации возложенных государством функций широко распространено в прокурорской деятельности. См., например: Казарина А. Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов / Ин-т повышения квалификации руковод. кадров Генеральной прокуратуры РФ. М., 2005. С. 26 ; Кардашова И. Б. Правовое усмотрение в прокурорской деятельности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. 2024. № 2 (100). С. 67.

¹⁶ Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Актуальные проблемы обеспечения судом доступа к правосудию при возбуждении и расследовании уголовных дел // Уголовная юстиция. 2020. № 15. С. 47–53.

¹⁷ См.: Стельмах В. Ю. Нужны ли в Российской Федерации следственные судьи? // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2021. № 3. С. 55–58.

¹⁸ См.: Григорьев В. Н. О некоторых тенденциях в развитии уголовного судопроизводства Российской Федерации на современном этапе // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 46–49 ; Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // Актуальные проблемы российского права. 2024. № 12. С. 132–141.

¹⁹ Постановление X Всероссийского съезда судей от 01.12.2022 № 1 «О развитии судебной системы Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» ; доклад Председателя Верховного Суда РФ И. Л. Подносковой на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 3 декабря 2024 г. // URL: https://www.vsrfr.ru/press_center/news/34065/ (дата обращения: 25.01.2025).

Во избежание этого до введения в уголовный процесс института следственных судей целесообразно обозначить приоритеты судебного порядка рассмотрения жалоб и внести коррективы в содержание данного института. Это поможет сосредоточить усилия судей на действительно требующих их внимания нарушениях закона, которые не были устранены средствами ведомственного контроля и прокурорского надзора, позволит избежать излишних судебных процедур и необоснованного смешения (подмены, дублирования) судебной деятельности со следственной и прокурорской деятельностью, а также обозначить пределы вмешательства суда первой инстанции в начальный этап уголовного судопроизводства и достоверно оценить последствия такого вмешательства.

Поскольку судья не вправе осуществлять уголовное преследование, полномочия суда первой инстанции при рассмотрении жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, являющихся своего рода сигналом о нарушениях закона, необходимо в первую очередь ограничить своевременным принятием мер к тому, чтобы обязать дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора самостоятельно устранить совершённые ими нарушения закона и не допускать подобных нарушений впредь.

В связи с этим роль суда при рассмотрении жалоб должна быть сведена преимущественно к осуществлению правообеспечительной деятельности, суть которой заключается в том, что суд выступает неким компенсаторным (корректирующим) механизмом, указывающим руководителю следственного органа и прокурору о нарушениях закона и необходимости их устранения. Для этого стоит проработать вопрос о наделении участников уголовного судопроизводства и иных заинтересованных в правосудии

лиц (далее — заявители) правом подачи в суд соответствующей жалобы только после того, как такую же жалобу рассмотрит по существу руководитель следственного органа и/или прокурор.

В условиях расширения полномочий суда в досудебном производстве вышеприведенное понимание приоритета судебного контроля минимизирует риск полного попадания следственной и прокурорской деятельности под эгиду судебной власти.

Исходя из того, что нормы уголовно-процессуального права могут быть трех видов: управомочивающие, обязывающие или запрещающие²⁰, предмет судебного контроля, который из-за его размытой формулировки в ст. 125 УПК РФ толкуется крайне неоднозначно как самими судьями, так и заявителями, необходимо ограничить только жалобами на нарушения дознавателем, следователем, руководителем следственного органа и прокурором обязывающих и запрещающих правовых норм²¹, повлекшие причинение ущерба конституционным правам и свободам заявителей либо затруднившие их доступ к правосудию.

Жалобы заявителей на нарушение управомочивающих правовых норм, предусматривающих диспозитивность, свободу усмотрения, определенную автономию, альтернативность действий (нормы «может», «вправе», «имеет право»), должны стать предметом ведомственного контроля и прокурорского надзора, т.к. дискреционные полномочия по направлению хода расследования уголовного дела и принятию решений предполагают наделение должностных лиц органов предварительного расследования и прокурора правом выбора одного из нескольких вариантов поведения²².

Суд не вправе проверять законность выбора того или иного решения из нескольких возмож-

²⁰ См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Л. Н. Башкатов [и др.] ; отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. М. : Проспект, 2010. С. 22 ; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов : в 2 ч. М. : Юрайт, 2019. Ч. 1 / Г. М. Резник [и др.] ; под общ. ред. Г. М. Резника. С. 61.

²¹ Радько Т. Н. Теория государства и права : учебник для бакалавров. М. : Проспект, 2023. С. 160–161.

²² См.: Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010 ; Марфицын П. Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003 ; Кунашев М. А. Усмотрение следователя в уголовном судопро-

ных вариантов, т.к. этот выбор зависит от усмотрения субъекта доказывания и предполагает его самостоятельность, ограниченную законом. Исключением могут стать случаи, когда невозможно отложить проверку законности и обоснованности действий (бездействия) и решения должностного лица органа уголовного преследования до рассмотрения уголовного дела по существу (например, решение о переводе обвиняемого для содержания под стражей из одного следственного изолятора в другой, если оно привело к нарушению прав обвиняемого, в том числе права на получение квалифицированной юридической помощи избранным защитником²³).

Данная проблема в силу ее значимости, равно как и вопрос о совпадении/несовпадении лингвистического и содержательного определения в УПК РФ прав и обязанностей дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, требует самостоятельного изучения.

В силу ст. 37, 39 УПК РФ вопросы устранения правовой деструкции в досудебном уголовном производстве и предупреждения злоупотреблений должностными лицами органов уголовного преследования своими дискреционными полномочиями должны разрешаться руководителем следственного органа в ходе осуществления ведомственного контроля и прокурором в ходе осуществления прокурорского надзора за соблюдением прав и свобод граждан при проведении предварительного расследования и законностью решений, принимаемых органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие.

С учетом сказанного, помимо разъяснений, содержащихся в п. 3.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса

Российской Федерации», не могут быть рассмотрены судом первой инстанции жалобы заявителей о незаконности производства следственных действий в связи с несогласием с их результатами; жалобы о несогласии с решениями должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, в которых ставится вопрос о привлечении этих лиц к уголовной ответственности; жалобы на решения об отказе в удовлетворении ходатайств; жалобы по спорам органов предварительного расследования о подследственности уголовных дел; жалобы о возможном нарушении прав; жалобы на иные действия (бездействие) и решения, проверка законности и обоснованности которых относится к компетенции руководителя следственного органа, прокурора или суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

Мониторинг результатов законотворческой деятельности, связанных с изменением правовых основ судебного контроля по жалобам, позволяет утверждать, что законодательный процесс существует как бы сам по себе, в отрыве от науки и практики. Создается впечатление, что, расширяя объем полномочий суда первой инстанции в досудебном уголовном производстве путем внесения многократных косметических поправок в УПК РФ, законодатель не задумывается о качестве правотворчества.

Одним из примеров является формулировка п. 1 ч. 3 ст. 125.1 УПК РФ о принятии судом первой инстанции по результатам рассмотрения жалобы, указанной в ч. 1 ст. 125.1 УПК РФ, решения о наличии (об отсутствии) оснований для применения процедуры реабилитации. Такая формулировка противоречит части 1 ст. 134 УПК РФ, согласно которой в качестве основания для возмещения вреда реабилитированному рассматривается только решение о признании права на реабилитацию.

Таким образом, решение суда первой инстанции о наличии оснований для применения

из производстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019 ; Буланова Н. В. Дискреционные полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 1 (51). С. 22–32.

²³ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2023 № 3-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Саркисяна» // СПС «КонсультантПлюс».

процедуры реабилитации фактически неисполнимо, ибо оно не позволяет придать подзрелемому/обвиняемому статус реабилитированного лица и принять от него заявление о возмещении вреда, причиненного в результате незаконного осуществления уголовного преследования.

Вразрез с законодательством идет и судебная практика. При сохранении в нашей стране за последние 10 лет примерно на одном уровне

общего числа зарегистрированных преступлений²⁴, количество рассмотренных судами первой инстанции жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ из года в год сокращается.

В таблице 1 представлены статистические данные о результатах рассмотрения судами первой инстанции жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ на действия (бездействие) должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование, за 2014–2023 гг.²⁵

Таблица 1

Год	Окончено производством	Из числа оконченных производством		
		Удовлетворено	Отказано в удовлетворении	Прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности
2014	130 648	8 929 (6,8 %)	36 694	85 025
2015	130 962	8 086 (6,1 %)	35 240	87 636
2016	127 086	6 369 (5 %)	29 917	90 800
2017	121 848	5 900 (4,8 %)	23 695	92 253
2018	121 881	5 416 (4,4 %)	22 850	93 615
2019	119 776	5 301 (4,4 %)	22 275	92 200
2020	106 755	4 468 (4,1 %)	19 571	82 716
2021	113 147	4 533 (4 %)	20 755	87 859
2022	111 536	4 242 (3,8 %)	19 411	87 883
2023	102 951	4 588 (4,46 %)	19 371	78 992

Как видно из таблицы 1, процентное отношение удовлетворенных судами жалоб (в среднем 4 %) и жалоб, в удовлетворении которых отказано (в среднем 18 %), к общему числу оконченных производством жалоб практически не изменяется. Таким образом, ежегодно судами первой инстанции по существу рассматривается около 22 % жалоб, или примерно каждая пятая жалоба. Стабильно сохраняющаяся высокая доля жалоб (около 78 %), прекращенных производством, возвращенных, переданных по подсудности, т.е. жалоб, не рассмотренных судами первой инстанции по существу, указывает на недостаточную результативность судебного контроля.

Противоположная ситуация имеет место с отдельными категориями жалоб, перечисленными

ми в ч. 1 ст. 125.1 УПК РФ. Ввиду того что законодатель четко определил предмет обжалования (постановление дознавателя, следователя, руководителя следственного органа или прокурора о прекращении уголовного дела или уголовного преследования по основаниям, указанным в ч. 2 ст. 24 или ч. 3 ст. 27 УПК РФ) и в соответствии с ч. 2 ст. 125.1 УПК РФ данные категории жалоб рассматриваются по правилам гл. 37 УПК РФ, анализ судебной статистики за 2018–2023 гг. свидетельствует в целом о положительной динамике. Несмотря на некоторые законодательные пробелы при конструировании ст. 125.1 УПК РФ, ежегодно увеличивается процент удовлетворенных судом первой инстанции жалоб на постановления должностных лиц органов уголовного преследования о прекращении уголов-

²⁴ Единый отчет о преступности // URL: http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 25.01.2025).

²⁵ Отчеты о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2014–2023 гг. (форма № 1) // URL: <https://cdep.ru/index.php?id=79&item=8809> (дата обращения: 25.01.2025).

ного дела или уголовного преследования вследствие декриминализации деяния, в отношении несовершеннолетних, не достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, и

в отношении несовершеннолетних, достигших возраста привлечения к уголовной ответственности, но отстающих в психическом развитии (таблица 2).

Таблица 2

Год	Окончено производством	Из числа оконченных производством		
		Удовлетворено	Отказано в удовлетворении	Прекращено, отозвано, возвращено, передано по подсудности
2018	25	2 (8 %)	8	15
2019	76	10 (13,2 %)	14	52
2020	125	22 (17,6 %)	24	79
2021	31	9 (29 %)	5	17
2022	47	14 (29,8 %)	8	25
2023	25	8 (32 %)	4	13

Как видим, выделение приоритетов деятельности суда по рассмотрению жалоб, четкое законодательное закрепление предмета и пределов судебного обжалования служат своего рода алгоритмом для судей. Создание таких алгоритмов исключает необходимость самостоятельного толкования судьями правовых норм, что зачастую порождает судебные ошибки ввиду излишней инициативности, присутствия ревизионного начала или, наоборот, слишком формального подхода. Например, неоднозначное определение законодателем в ст. 125 УПК РФ предмета судебного контроля приводит к неверному пониманию судьями круга вопросов, подлежащих рассмотрению по жалобе. Имеют место случаи, когда судьи и заявители по-разному оценивают критерии приемлемости жалобы к рассмотрению. Это влечет за собой необоснованные отказы судей в принятии жалоб к производству, неверное установление субъектного состава лиц, обладающих правом обжалования, несоблюдение процессуальных требований, неправильный анализ сущности и содержания жалоб и другие нарушения, наличие которых приводит к затягиванию сроков рассмотрения жалоб и формирует негативное восприятие института судебного контроля по жалобам лицами, с ним столкнувшимися.

Выходом из создавшейся ситуации могут стать использование научных представлений

о роли суда при осуществлении судебного контроля по жалобам в законодательной и правоприменительной деятельности, исключение правовой неопределенности в понимании предмета и пределов судебного контроля, разработка новых критериев оценки результативности судебного контроля.

Для этого с учетом того, что приоритетным направлением деятельности суда по рассмотрению жалоб как составной части механизма судебной защиты прав граждан в досудебном производстве должно стать обеспечение правильного применения должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, обязывающих и запрещающих правовых норм, исполнение которых носит строго обязательный характер, предлагается:

— изучить вопрос о сужении в ч. 1 ст. 125 УПК РФ предмета судебного контроля, ограничив его рассмотрением только жалоб на нарушения, причинившие ущерб конституционным правам и свободам заявителей либо затруднившие их доступ к правосудию, по которым приняты решения руководителем следственного органа и/или прокурором;

— из категорий жалоб, подлежащих рассмотрению судом первой инстанции в порядке ст. 125 УПК РФ, исключить жалобы на нарушения дознавателем, следователем, прокурором норм так называемого дозволистического права, не ограниченного никакими запретами.

Одновременно с этим требуют серьезного осмысления вопросы конкретизации пределов судебного контроля по жалобам с целью их единообразного понимания, целесообразности совершенствования процессуальной формы подготовки и рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ, создания механизма защиты от злоупотреблений правом на судебное обжалование²⁶.

Кроме того, необходимо изменить количественные показатели оценки результативности судебного контроля по жалобам, усовершенствовав официальную статистическую отчетность о рассмотрении судом жалоб. В статистических отчетах судов целесообразно распределять жалобы по предмету и целям обжалования, а также по видам решений, принятых по жалобам руководителем следственного органа и прокурором. Тем самым можно будет установить наиболее распространенные виды нарушений уголовно-процессуального закона, допускаемые должностными лицами при возбуждении и расследовании уголовных дел, проследить

их динамику, выявить недостатки ведомственного контроля и прокурорского надзора и подготовить предложения о совершенствовании не только правовых основ судебного контроля, но и организационных основ следственной и прокурорской деятельности.

Осознавая чрезвычайную сложность научной разработки новых подходов к оценке результативности судебного контроля по жалобам, полагаем, что, помимо количественных показателей, которые не всегда попадают в поле зрения обычных граждан, нужны новые критерии оценки. Таковыми, например, могут стать своевременность, полнота и адекватность принятых судом мер, обеспечивших реальную защиту и восстановление прав граждан. Понятно, что эти критерии носят сугубо оценочный и трудноизмеримый характер, но именно такой результат судебного порядка рассмотрения жалоб в досудебном производстве, где правовая защищенность граждан остается уязвимой, будет в наибольшей степени соответствовать общественным ожиданиям.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Аваков О. О. Судебная деятельность и ее направления в судебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук. — Краснодар, 2012. — 229 с.
2. Азаров В. А., Таричко И. Ю. Функция судебного контроля в истории и практике уголовного процесса России : монография. — Омск, 2004. — 379 с.
3. Александров И. С. Судебный контроль как самостоятельная функция судебной власти и его место в досудебном производстве по уголовным делам // Актуальные проблемы российского права. — 2023. — № 12. — С. 151–161.
4. Апостолова Н. Н. Целесообразность (дискреционность) в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2010. — 369 с.
5. Бозров В. М. Сущность, содержание и форма правосудия по уголовным делам в российской правовой науке: общее и частное // Российский судья. — 2020. — № 2. — С. 39–50.
6. Буланова Н. В. Дискреционные полномочия прокурора в уголовном судопроизводстве: содержание и реализация // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — 2016. — № 1 (51). — С. 22–32.

²⁶ См.: Гордейчик С. А. Злоупотребление правом обжалования в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Адвокатская практика. 2020. № 2. С. 21–22 ; Лазарева В. А. Судебное производство по жалобе на действия и решения органов предварительного расследования: вопросы доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 3. С. 31–35.

7. Вилкова Т. Ю., Максимова Т. Ю., Ничипоренко А. А. Перспективы развития уголовного судопроизводства в условиях цифровизации общества и государства // Актуальные проблемы российского права. — 2024. — № 12. — С. 132–141.
8. Володина Л. М. Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика : монография. — М. : Юрист, 2006. — 352 с.
9. Вопросы эффективности советского уголовного процесса : сборник статей / науч. ред. проф. Ф. Н. Фаткуллин. — Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1976. — 159 с.
10. Воскобитова Л. А. Предметная область судебной власти и виды судопроизводства // Судебная власть и уголовный процесс. — 2017. — № 1. — С. 59–67.
11. Гордейчик С. А. Злоупотребление правом обжалования в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Адвокатская практика. — 2020. — № 2. — С. 21–22.
12. Григорьев В. Н. О некоторых тенденциях в развитии уголовного судопроизводства Российской Федерации на современном этапе // Криминологический журнал. — 2023. — № 2. — С. 46–49.
13. Гуськова А. П. Процессуально-правовые и организационные вопросы подготовки к судебному заседанию по УПК РФ : монография. — Оренбург : Оренбургский государственный университет, 2002. — 107 с.
14. Давыдов В. А., Качалова О. В. Современные тенденции развития российского уголовного судопроизводства // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2018. — № 29. — С. 69–78.
15. Казарина А. Х. Предмет и пределы прокурорского надзора за исполнением законов / Ин-т повышения квалификации руковод. кадров Генеральной прокуратуры РФ. — М., 2005. — 280 с.
16. Кардашова И. Б. Правовое усмотрение в прокурорской деятельности // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. — 2024. — № 2 (100). — С. 61–69.
17. Кунашев М. А. Усмотрение следователя в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2019. — 225 с.
18. Ковтун Н. Н. Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России : монография. — Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2002. — 331 с.
19. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий (ГАС «Доступ к правосудию») : монография / отв. ред. Л. Н. Масленникова. — М. : Норма, Инфра-М, 2022. — 664 с.
20. Лазарева В. А. Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе : монография. — Самара : Самарский университет, 2000. — 260 с.
21. Лазарева В. А. Судебное производство по жалобе на действия и решения органов предварительного расследования: вопросы доказывания // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2020. — № 3. — С. 31–35.
22. Лебедев В. М. Судебная власть на защите конституционного права граждан на свободу и личную неприкосновенность : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1998. — 23 с.
23. Луценко П. А. Судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014. — 173 с.
24. Марфицын П. Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003. — 418 с.
25. Масленникова Л. Н. Трансформация досудебного производства в начальный этап уголовного судопроизводства, обеспечивающий доступ к правосудию в эру Industry 4.0 // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6. — С. 137–146.
26. Масленникова Л. Н., Сушина Т. Е. Актуальные проблемы обеспечения судом доступа к правосудию при возбуждении и расследовании уголовных дел // Уголовная юстиция. — 2020. — № 15. — С. 47–53.
27. Морщакова Т. Г., Петрухин И. Л. Оценка качества судебного разбирательства (по уголовным делам) : монография / отв. ред. О. П. Темушкин ; АН СССР, Ин-т государства и права. — М. : Наука, 1987. — 238 с.
28. Муратова Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2004. — 46 с.

29. *Нажимов В. П.* Суд как орган правосудия по уголовным делам в СССР : в 2 т. : дис. ... д-ра юрид. наук. — Калининград, 1969. — 700 с.
30. *Носкова Е. В.* Производство по рассмотрению и разрешению судом жалоб в порядке статьи 125 УПК РФ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Томск, 2011. — 24 с.
31. Организация суда и прокуратуры в СССР : учеб. пособие / М-во высш. и сред. спец. образования РСФСР, Свердл. юрид. ин-т. — Свердловск, 1973. — 320 с.
32. *Петрухин И. Л.* Судебная власть: контроль за расследованием преступлений. — М. : Проспект, 2008. — 286 с.
33. *Рыжих А. Н.* Полномочия суда на досудебных стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2008. — 24 с.
34. *Стельмах В. Ю.* Нужны ли в Российской Федерации следственные судьи? // Вестник Уральского юридического института МВД России. — 2021. — № 3. — С. 55–58.
35. *Строгович М. С.* Курс советского уголовного процесса : в 2 т. Т. 1. — М. : Наука, 1968. — 245 с.
36. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / Л. Н. Башкатов [и др.] ; отв. ред. И. Л. Петрухин, И. Б. Михайловская. — М. : Проспект, 2010. — 685 с.
37. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник для вузов : в 2 ч. Ч. 1 / Г. М. Резник [и др.] ; под общ. ред. Г. М. Резника. — М. : Юрайт, 2019. — 457 с.
38. *Шалумов М. С.* Система функций российской прокуратуры : монография. — Кострома, 2003. — 139 с.
39. *Юркевич Н. А.* Судебный контроль как элемент системы уголовно-процессуальных функций при осуществлении производства по преданию обвиняемого суду // Администратор суда. — 2014. — № 3. — С. 12–18.

Материал поступил в редакцию 27 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Avakov O. O. Sudebnaya deyatel'nost' i ee napravleniya v sudebnykh stadiyakh ugovnogo sudoproizvodstva: dis. ... kand. yurid. nauk. — Krasnodar, 2012. — 229 s.
2. Azarov V. A., Tarichko I. Yu. Funktsiya sudebnogo kontrolya v istorii i praktike ugovnogo protsesssa Rossii: monografiya. — Omsk, 2004. — 379 s.
3. Aleksandrov I. S. Sudebnyy kontrol kak samostoyatel'naya funktsiya sudebnoy vlasti i ego mesto v dosudebnom proizvodstve po ugovnym delam // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2023. — № 12. — S. 151–161.
4. Apostolova N. N. Tselesoobraznost (diskreسیونnost) v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve: dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2010. — 369 s.
5. Bozrov V. M. Sushchnost, sodержanie i forma pravosudiya po ugovnym delam v rossiyskoy pravovoy nauke: obshchee i chastnoe // Rossiyskiy sudya. — 2020. — № 2. — S. 39–50.
6. Bulanov N. V. Diskreسیونnye polnomochiya prokurora v ugovnom sudoproizvodstve: sodержanie i realizatsiya // Vestnik Akademii General'noy prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2016. — № 1 (51). — S. 22–32.
7. Vil'kova T. Yu., Maksimova T. Yu., Nichiporenko A. A. Perspektivy razvitiya ugovnogo sudoproizvodstva v usloviyakh tsifrovizatsii obshchestva i gosudarstva // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. — 2024. — № 12. — S. 132–141.
8. Volodina L. M. Problemy ugovnogo protsesssa: zakon, teoriya, praktika: monografiya. — M.: Yurist, 2006. — 352 s.
9. Voprosy effektivnosti sovetskogo ugovnogo protsesssa: sbornik statey / nauch. red. prof. F. N. Fatkullin. — Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1976. — 159 s.

10. Voskobitova L. A. Predmetnaya oblast sudebnoy vlasti i vidy sudoproizvodstva // Sudebnaya vlast i ugolovnyy protsess. — 2017. — № 1. — S. 59–67.
11. Gordeychik S. A. Zloupotreblenie pravom obzhalovaniya v poryadke statii 125 Ugolovno-protsessualnogo kodeksa Rossiyskoy Federatsii // Advokatskaya praktika. — 2020. — № 2. — S. 21–22.
12. Grigorev V. N. O nekotorykh tendentsiyakh v razvitii ugolovnogo sudoproizvodstva Rossiyskoy Federatsii na sovremennom etape // Kriminologicheskii zhurnal. — 2023. — № 2. — S. 46–49.
13. Guskova A. P. Protsessualno-pravovye i organizatsionnye voprosy podgotovki k sudebnomu zasedaniyu po UPK RF: monografiya. — Orenburg: Orenburgskiy gosudarstvennyy universitet, 2002. — 107 s.
14. Davydov V. A., Kachalova O. V. Sovremennye tendentsii razvitiya rossiyskogo ugolovnogo sudoproizvodstva // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. — 2018. — № 29. — S. 69–78.
15. Kazarina A. Kh. Predmet i predely prokurorskogo nadzora za ispolneniem zakonov / In-t povysheniya kvalifikatsii rukovod. kadrov Generalnoy prokuratury RF. — M., 2005. — 280 s.
16. Kardashova I. B. Pravovoe usmotrenie v prokurorskoy deyatel'nosti // Vestnik Universiteta prokuratury Rossiyskoy Federatsii. — 2024. — № 2 (100). — S. 61–69.
17. Kunashev M. A. Usmotrenie sledovatelya v ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2019. — 225 s.
18. Kovtun N. N. Sudebnyy kontrol v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: monografiya. — N. Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2002. — 331 s.
19. Kontseptsiya postroeniya ugolovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchego dostup k pravosudiyu v usloviyakh razvitiya tsifrovyykh tekhnologiy (GAS «Dostup k pravosudiyu»): monografiya / otv. red. L. N. Maslennikova. — M.: Norma, Infra-M, 2022. — 664 s.
20. Lazareva V. A. Teoriya i praktika sudebnoy zashchity v ugolovnom protsesse: monografiya. — Samara: Samarskiy universitet, 2000. — 260 s.
21. Lazareva V. A. Sudebnoe proizvodstvo po zhalobe na deystviya i resheniya organov predvaritel'nogo rassledovaniya: voprosy dokazyvaniya // Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika. — 2020. — № 3. — S. 31–35.
22. Lebedev V. M. Sudebnaya vlast na zashchite konstitutsionnogo prava grazhdan na svobodu i lichnyuyu neprikosновенность: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 1998. — 23 s.
23. Lutsenko P. A. Sudebnyy kontrol v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa Rossiyskoy Federatsii: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2014. — 173 s.
24. Marfitsyn P. G. Usmotrenie sledovatelya (ugolovno-protsessualnyy aspekt): dis. ... d-ra yurid. nauk. — M., 2003. — 418 s.
25. Maslennikova L. N. Transformatsiya dosudebnogo proizvodstva v nachal'nyy etap ugolovnogo sudoproizvodstva, obespechivayushchiy dostup k pravosudiyu v eru Industry 4.0 // Aktual'nye problemy rossiyskogo prava. — 2019. — № 6. — S. 137–146.
26. Maslennikova L. N., Sushina T. E. Aktualnye problemy obespecheniya sudom dostupa k pravosudiyu pri vzbuzhdenii i rassledovanii ugolovnykh del // Ugolovnaya yustitsiya. — 2020. — № 15. — S. 47–53.
27. Morshchakova T. G., Petrukhin I. L. Otsenka kachestva sudebnogo razbiratel'stva (po ugolovnym delam): monografiya / otv. red. O. P. Temushkin; AN SSSR, In-t gosudarstva i prava. — M.: Nauka, 1987. — 238 s.
28. Muratova N. G. Sistema sudebnogo kontrolya v ugolovnom sudoproizvodstve: voprosy teorii, zakonodatelnogo regulirovaniya i praktiki: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2004. — 46 s.
29. Nazhimov V. P. Sud kak organ pravosudiya po ugolovnym delam v SSSR: v 2 t.: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Kaliningrad, 1969. — 700 s.
30. Noskova E. V. Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu sudom zhalob v poryadke statii 125 UPK RF: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Tomsk, 2011. — 24 s.
31. Organizatsiya suda i prokuratury v SSSR: ucheb. posobie / M-vo vyssh. i sred. spets. obrazovaniya RSFSR, Sverd'l. yurid. in-t. — Sverdlovsk, 1973. — 320 s.
32. Petrukhin I. L. Sudebnaya vlast: kontrol za rassledovaniem prestupleniy. — M.: Prospekt, 2008. — 286 s.

33. Ryzhikh A. N. Polnomochiya suda na dosudebnykh stadiyakh ugovnogo protsessa: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2008. — 24 s.
34. Stelmakh V. Yu. Nuzhny li v Rossiyskoy Federatsii sledstvennye sudi? // Vestnik Uralskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. — 2021. — № 3. — S. 55–58.
35. Strogovich M. S. Kurs sovetskogo ugovnogo protsessa: v 2 t. T. 1. — M.: Nauka, 1968. — 245 s.
36. Ugolovno-protsessualnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik / L. N. Bashkatov [i dr.]; otv. red. I. L. Petrukhin, I. B. Mikhaylovskaya. — M.: Prospekt, 2010. — 685 s.
37. Ugolovno-protsessualnoe pravo Rossiyskoy Federatsii: uchebnik dlya vuzov: v 2 ch. Ch. 1 / G. M. Reznik [i dr.]; pod obshch. red. G. M. Reznika. — M.: Yurayt, 2019. — 457 s.
38. Shalumov M. S. Sistema funktsiy rossiyskoy prokuratury: monografiya. — Kostroma, 2003. — 139 s.
39. Yurkevich N. A. Sudebnyy kontrol kak element sistemy ugovno-protsessualnykh funktsiy pri osushchestvlenii proizvodstva po predaniyu obvinyaemogo sudu // Administrator suda. — 2014. — № 3. — S. 12–18.

КРИМИНАЛИСТИКА И КРИМИНОЛОГИЯ. СУДЕБНАЯ ЭКСПЕРТИЗА

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.139-147

В. Д. Корма*

Использование теории катастроф в расследовании преступлений

Аннотация. Данную работу можно считать продолжением ранее опубликованной статьи «Использование теории катастроф в криминалистике» (Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 204–212), в которой были кратко освещены общие положения теории катастроф, сделана попытка использования этой теории в расследовании преступлений, связанных с профессиональной деятельностью, предметом которых являются техногенные источники повышенной опасности. Однако, по мнению автора, с методологической позиции исследование двух динамических систем (преступной деятельности и деятельности по ее расследованию) следует проводить на основе принципов дуализма и изоморфизма. Это позволит наиболее полно понять сущность интеграционной модели вышеуказанных динамических систем, ее закономерные и случайные связи, познание которых будет способствовать ее конструктивному отражению как в научной и методической сферах деятельности, так и в практике расследования преступлений с целью получения системы доказательств по уголовному делу. В работе основное внимание уделено наиболее важным элементам этой модели: субъекту (на примере деструктивного поведения свидетеля, потерпевшего, мотивации и мотивов их противодействия расследованию); средствам решения задач раскрытия и расследования преступных деяний, включая использование современного оборудования и новейших технологий, позволяющих принципиально по-новому, конструктивно решать идентификационные и диагностические вопросы, что значительно снижает дисбаланс между средствами антикриминальной и криминальной деятельности.

Ключевые слова: теория катастроф; бифуркация; динамическая система; дуализм; изоморфизм; криминальная деятельность; антикриминальная деятельность; моделирование деятельности; интеграционная модель; парные категории; мотивация и мотивы деструктивного поведения свидетеля, потерпевшего; средства решения задач раскрытия и расследования преступлений; молекулярно-генетическая экспертиза; ионная и электронная спектроскопия; полиграф; искусственный интеллект.

Для цитирования: Корма В. Д. Использование теории катастроф в расследовании преступлений // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 139–147. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.139-147.

© Корма В. Д., 2025

* Корма Василий Дмитриевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
v.d.korma@gmail.com

The Use of Catastrophe Theory in Crime Investigation

Vasily D. Korma, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminalistics,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
v.d.korma@gmail.com

Abstract. This study builds upon the author's earlier publication «The Use of the Theory of Catastrophes in Forensics» (*Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2022;12:204-212), which briefly outlined the general principles of catastrophe theory and attempted to apply this theory to the investigation of crimes related to professional activities involving technogenic sources of increased danger. However, according to the author, from a methodological position, the study of two dynamic systems (criminal activity and the activity of its investigation) should be approached through the principles of dualism and isomorphism. This approach enables a comprehensive understanding of the integrative model of these dynamic systems, including their deterministic and stochastic connections. Such understanding facilitates constructive applications in both theoretical and methodological domains, as well as in practical crime investigation aimed at establishing a robust body of evidence in criminal cases. The paper focuses on the most important elements of this model: the subject (examining destructive behavior of witnesses and victims, along with their motivations for obstructing investigations); the tools for solving the problems of disclosing and investigating criminal acts, including the use of advanced equipment and the latest technologies that allow for a fundamentally new, constructive solution to identification and diagnostic issues, which significantly reduces the imbalance between the means of anti-criminal and criminal activity.

Keywords: catastrophe theory; bifurcation; dynamic system; dualism; isomorphism; criminal activity; anti-criminal activity; activity modeling; integration model; paired categories; motivation and motives of destructive behavior of a witness; victim; crime-solving tools; molecular genetic analysis; ion and electron spectroscopy; polygraph; artificial intelligence.

Cite as: Korma VD. The Use of Catastrophe Theory in Crime Investigation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):139-147. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.139-147.

Ранее нами была опубликована статья, посвященная использованию теории катастроф в криминалистике, в которой кратко изложены теоретические аспекты этой теории. Сущность теории катастроф заключается в том, что при функционировании различных динамических систем, связанных с деятельностью человека и средой его обитания, образуется определенная система взаимоотношений, которая может привести как к конструктивным, так и к деструктивным катастрофическим последствиям для обеих сторон. Приобретение новых качеств в движении динамической системы происходит вследствие бифуркации (царства случайностей), т.е. малого изменения ее параметров, что в итоге может способствовать переходу (скачку) данной системы к катастрофической потере устойчивости, и ее режим поведе-

ния может быть предсказуемым или непредсказуемым¹.

В качестве динамических систем можно выделить системы (процессы) криминальной и антикриминальной деятельности, понятия которых относят в криминалистике к парным категориям наиболее общего уровня, находящимся в отношении противоположности. Они могут выступать в качестве интегративной системы, типовая модель которой предполагает наличие следующих элементов: а) субъекта; б) предмета в виде познаваемых, преобразуемых, реализуемых или создаваемых объектов; в) цели и задач деятельности; г) мотивации как процесса формирования внутреннего побуждения к действиям, возникшего в силу собственного или чужого убеждения; д) средств решения задач для достижения заданной цели (технических

¹ Подробнее об этом см.: Корма В. Д. Использование теории катастроф в криминалистике // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 204–212.

средств, методов, приемов, способов действий, информации и др.); е) процедуры использования средств; ж) обстановки осуществления деятельности (объектов окружающей среды с своими характеристиками, связями и отношениями); з) пространственно-временных, психологических, социальных и иных показателей места действий; и) механизмов слеодообразования деятельности и ее последствия; к) полученных результатов деятельности. При этом отличия в содержании вышеуказанных элементов (их компонентов) обеих систем, традиционно обращенных к предмету отечественной криминалистической науки, можно образно отметить знаком плюс для деятельности субъектов уголовного преследования (познающей системы) и знаком минус — для преступной деятельности (познаваемой в уголовном судопроизводстве системы)².

Иными словами, криминальную и антикриминальную деятельность можно рассматривать как дуалистические³ системы, имеющие структурное равенство по субъекту, предмету, мотивации, средствам решения задач и т.д. при различии этих элементов по содержанию. Деятельность субъектов уголовного преследования обусловлена динамикой преступной деятельности и соответствующими правовыми правилами, принципами, технологиями, криминалистическими рекомендациями. Имеющиеся проблемы в практике расследования преступлений демонстрируют неравенство двух видов деятельности: антикриминальной (конструктивной) и криминальной (деструктивной), основной причиной которого является несоответствие (дисбаланс) средств решения задач расследования, ограниченных в первую очередь соблюдением ряда правовых норм, средствам преступной деятельности, которые не имеют каких-либо ограничений.

Рассмотрим это на примере расследования преступлений прошлых лет. Данные преступные деяния характеризуются следующими основными криминалистическими признаками: 1) они относятся к разряду нераскрытых, производство предварительного следствия по делам которых приостановлено в соответствии с ст. 208 УПК РФ и зачастую связано с недостатками в работе следователя; 2) они обусловлены фактором времени, влияющего на обстоятельства как совершенного преступного деяния, так и его расследования до момента приостановления производства по уголовному делу. Следует отметить, что наряду с отрицательным воздействием на ход раскрытия и расследования преступления фактор времени может способствовать созданию в ряде случаев дополнительных возможностей к установлению преступника (например, потерявшие осторожность преступники, уверовав в свою неуязвимость и в отсутствии внимания к ним со стороны правоохранительных органов, зачастую совершают ошибки, способные изобличить их в совершении преступления)⁴.

В связи с несвоевременным и некачественным производством процессуальных действий по уголовным делам могут быть утрачены вещественные доказательства, которые с истечением длительного периода не всегда удается восполнить. Нередко это происходит на фоне препятствования расследованию со стороны свидетелей и потерпевших в виде уклонения их от участия в следственных действиях, имитации нетрудоспособности, несвоевременной явки к следователю и т.д., однако за прошедшее длительное время их отношение к преступлению, совершенному в прошлые годы, и виновным лицам может измениться.

Для уменьшения этого дисбаланса между исследуемыми динамическими системами, исходя из эмпирически установленного и теоретическо-

² Подробнее о этом см.: Образцов В. А. К вопросу о парных категориях в криминалистике // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2008. № 1. С. 82–95.

³ Дуализм — это учение, утверждающее равноправность любых противоположных начал или сфер (Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 178).

⁴ Подробнее об этом см.: Расследование преступлений прошлых лет : науч.-практ. пособие / под ред. А. И. Бастрыкина. М. : Юрлитинформ, 2021. С. 16–26.

го объяснения факта изоморфизма⁵, сходства, присутствующего в человеческой деятельности, необходимо осуществить моделирование криминальной деятельности и деятельности по ее раскрытию и расследованию. В основе последней лежат модели в первую очередь версионной, функциональной и информационно-познавательной направленности, разработанные на основе выявления закономерностей, включая случайные (вероятностные), совершения преступлений той или иной категории и эффективно противодействующих действий при этом субъектов уголовного преследования.

Суть распознавательной деятельности следователя как субъекта уголовного преследования такова: для него преступление, в отличие от преступника, — это идеальное явление, образ которого произведен от материального (например, обнаруженных в ходе осмотра места происшествия материальных следов, показаний свидетелей-очевидцев, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых) и которое преобразуется в выдвижение версий о событии преступления в целом, его неизвестных обстоятельствах, подлежащих доказыванию (идеальное начало), и их проверку по криминалистическим учетам, а также посредством проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, планирования своей работы по делу (материальное начало) с учетом разработанных в криминалистике программ, алгоритмов, направленных в итоге на формирование системы доказательств по уголовному делу.

В качестве участников уголовного судопроизводства рассмотрим свидетелей и потерпевших, деструктивное поведение которых на предварительном следствии, включая их мотивы и цели противодействия расследованию (например, в виде дачи заведомо ложных показаний), зависит от разных факторов (вида преступления, возраста, социальной принадлежности, психотипа, связи с преступником и др.) и в ряде случаев переходит в статус труднопрогнозируемого, неожиданного, что вызывает дополнительные

сложности в выборе следователем тактики нейтрализации такого противодействия.

О. Г. Карнаухова в зависимости от склонности к противодействию подразделяет свидетелей и потерпевших на три категории: 1) законопослушные — это участники уголовного судопроизводства, добросовестно исполняющие свои обязанности, наделенные развитым гражданским чувством долга; 2) недобросовестные — это антипод свидетелей (потерпевших) первой группы, которые имеют асоциальную направленность, зачастую ранее привлекались к уголовной ответственности; 3) непостоянные (неустойчивые) — вначале обычно ведут себя как добросовестные свидетели и потерпевшие, однако в дальнейшем под влиянием различных мотивов неоднократно меняют свою позицию, но при тактически правильном подходе следователя могут снова содействовать следствию.

Все вышеуказанные категории свидетелей и потерпевших в определенных ситуациях могут противодействовать расследованию. Законопослушный свидетель (потерпевший) — только в крайнем случае, когда существует реальная угроза жизни и здоровью его близких или его самого. Противодействие недобросовестного свидетеля (потерпевшего) проявляется, как правило, под влиянием авторитетных для него представителей преступного мира или в силу своего убеждения, основанного на неприязненном, а иногда и крайне агрессивном, отношении к работникам правоохранительных органов, активном желании помочь подозреваемому (обвиняемому) избежать привлечения к уголовной ответственности, а также боязни огласки компрометирующей информации или страха мести со стороны как подозреваемого (обвиняемого), так и связанных с ним лиц. Наиболее распространенным мотивом противодействия неустойчивого свидетеля являются внутреннее побуждение к избавлению (выгораживанию) от уголовной ответственности лиц из числа его близких, внезапно возникшее желание получить определенную материальную или иную выгоду

⁵ Изоморфными друг другу считаются две структуры, если каждому элементу одной структуры соответствует лишь один элемент другой структуры (Философский энциклопедический словарь. М. : Советская энциклопедия, 1983. С. 202–203).

либо уклонение от явки к следователю и нежелание сообщать правдивые показания по делу⁶.

При расследовании преступлений мотивация имеет большое значение, например для установления мотива совершения общественно опасного деяния или с целью побудить допрашиваемого к даче правдивых показаний.

В психологии выделяют три основных элемента мотивации социального поведения: 1) актуальный мотив и связанную с ним цель; 2) оценку значимости цели для субъекта, включая трудности ее достижения с учетом своих возможностей и способностей; 3) восприятие сложившейся обстановки и действий в ней окружающих людей; 4) оценку своих усилий и временных затрат для достижения заданной цели⁷.

Рассмотрим первый элемент структуры.

В немецком Криминалистическом словаре отмечается, что мотив возникает в результате взаимодействия внешних событий и внутренних процессов, касающихся личности, является причинным результатом движущихся факторов, скрывающихся в неосознанном инстинктивном или полусознанном эмоциональном слое, который модулируется как побуждение (стремление) с переходом в осознанное представление. Действие, деяние — это внешний результат внутренних процессов⁸. Так, если поведение человека обусловлено влечениями (половое влечение, kleptomania, ревность и т.д.), то побуждение может быть не сдерживаемым на эмоциональном уровне и не контролируемым разумом для лиц, у которых отсутствуют ограничительные начала в форме сознательного подавления. Наиболее полно проявляется мотив, обусловленный рациональными, побудительными причинами (например, корыстными при совершении убийства, служебного подлога). Знание мотива имеет большое значение в

отношении не только преступника, но и других участников предварительного расследования, включая побуждения, которыми руководствовались лицо, заявившее о преступлении, добровольный или вызванный свидетель.

В качестве факторов, способствующих даче заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших, могут выступать а) субъективные (личностные): характер, темперамент, эмоциональное состояние, отношения с участниками преступного события (дружеские, родственные, семейные), отношение к уголовно-релевантному событию, иное; б) объективные: социально-экономические условия, психологическое или физическое воздействие со стороны заинтересованных лиц⁹.

В отношении заведомо ложных показаний вышеуказанных участников уголовного судопроизводства выделим следующие наиболее часто встречающиеся мотивы: ситуативный, корыстный, а также так называемый мотив-страх.

В научной классификации мотивов в уголовном праве заслуживает внимания ситуативный мотив, характеризующий группу побуждений, которые возникают случайно, в конкретной жизненной ситуации под влиянием внешних факторов. Иными словами, доминирующую роль в решимости совершить преступление играет сложившаяся ситуация. Вместе с тем поведение личности в кажущихся одинаковыми ситуациях может быть разнообразным, и его сложно объяснить только ситуацией. Так, на одни и те же вопросы человек может отвечать по-разному в зависимости от того, где и как эти вопросы ему задаются. Поэтому внезапное, актуальное поведение человека здесь рассматривается не как реакция на определенные внутренние и внешние стимулы, а как результат взаимного влияния друг на друга субъекта действия и ситуации в

⁶ Подробнее об этом см.: Карнаухова О. Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2015. С. 57–62.

⁷ См.: Алтунина И. Р. Структура и развитие мотивов и мотивации социального поведения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2006. С. 13.

⁸ См.: Криминалистический словарь : пер. с нем. М. : Юридическая литература, 1993. С. 68.

⁹ См.: Карпенко О. А. Криминалистические средства и методы преодоления заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. С. 17.

ходе непрерывного взаимного их воздействия и преобразования¹⁰.

Корысть в русском языке понимается как аморальное, низменное побуждение, способствующее получению какой-либо выгоды посредством совершения с морально-нравственной стороны аморального деяния (поступка)¹¹. При этом корыстная цель зачастую рассматривается как криминообразующий признак преступлений¹². Так, корыстная цель как мысленно моделируемый конечный продукт социальной деятельности низменной направленности субъекта может выступать в качестве признака преступлений, предусмотренных пунктом «з» ч. 2 ст. 105, статьями 153, 155, 285, 290, 292 УК РФ.

Представляется, что корыстный мотив следует трактовать в самом широком смысле. Это стремление, направленное на извлечение любой личной выгоды, включая ее материальную и моральную составляющие (например, удовлетворение своего самолюбия (месть) или сохранение близких отношений с подозреваемым путем выгораживания (оправдывания) его на причастность к преступлению).

В мотивах-страхах побуждением к даче заведомо ложных показаний свидетелей, потерпевших могут быть такие эмоции, как состояние сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо реальной или мнимой опасностью, например в виде мести со стороны преступника, а также лиц, связанных с ним.

Одним из средств выявления вышеуказанных мотивов деструктивных действий свидетелей и потерпевших может быть организованный следователем сбор информации, характеризующей их образ жизни, связи, дополнительный круг общения. При выявлении факта перемены места жительства выясняется причина выезда, поскольку это может быть связано с боязнью мести со стороны преступников и лиц из их окружения, нежеланием давать показания и др.

Отдельно следует остановиться на средствах решения задач раскрытия и расследования преступлений, в частности на появлении и практическом применении в последние десятилетия современного оборудования и новейших технологий, которые способствовали качественному скачку, повлекшему переход исследования некоторых материальных следов к новому порядку, и позволили значительно усовершенствовать, расширить возможности получения криминалистически значимой информации. Это конструктивно отражается на динамической системе деятельности субъектов уголовного преследования и соответственно деструктивно — на преступной деятельности. Так, постоянно растут возможности молекулярно-генетической экспертизы, включая исследование митохондриальной ДНК, позволяющей в настоящее время с достаточной надежностью установить не только генотип лица, оставившего биологический след, но и его гаплотип (установление этнической принадлежности человека и места его проживания). Новейшие технологии экспертного исследования биологических следов позволили раскрыть значительное количество преступлений прошлых лет¹³. Большое значение в раскрытии и расследовании преступлений имеет функционирующий в ЭКЦ МВД России учет геномной информации, при котором собираются данные о следующих объектах: лицах, осужденных и отбывающих наказание в виде лишения свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, а также преступных деяний, предусмотренных статьями 131–135 УК РФ; неопознанных трупов; неустановленных лиц, биологический материал которых изъят при проведении следственных действий; лицах, прошедших добровольно геномную регистрацию.

Использование полиграфа в уголовном судопроизводстве давно обсуждается в юридической

¹⁰ См.: Народная энциклопедия уголовного права / под ред. А. И. Чучаева. М. : Проспект, 2023. С. 189–190.

¹¹ Корысть — какая-либо выгода, польза (см.: Современный толковый словарь русского языка. М. : Ридерз Дайджест, 2004. С. 293).

¹² См.: Гейн А. К. Корыстная цель как криминообразующий признак преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2010. Т. 11. № 1. С. 46.

¹³ Подробнее об этом см., например: Расследование преступлений прошлых лет. С. 100–107.

литературе и на законодательном уровне. Разработана Межведомственная методика производства судебных психофизиологических экспертиз с применением полиграфа, утвержденная руководителями экспертных подразделений ФСБ, МВД, СК, МО России, от 2018 г. Несмотря на это, например, в СК России не проводятся данные экспертизы, а только привлекается специалист-полиграфист при проведении опроса с целью получения ориентирующей информации. Такое положение вызвано, вероятнее всего, жесткой позицией Верховного Суда РФ о непризнании заключения психофизиологической экспертизы доказательством¹⁴. И сколько бы ни утверждалось о том, что полиграф не оценивает достоверность показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля и потерпевшего, а только указывает на наличие отклонений или отсутствие психофизиологических реакций испытуемого на ключевые слова, связанные с исследуемым событием, на законодательном уровне проведение данной экспертизы в уголовном процессе не получило одобрения. Потому использование подобных исследований возможно лишь в иных формах (например, при проведении оперативно-розыскных мероприятий).

Одним из самых высокотехнологичных средств решения задач в деятельности следователя при расследовании преступных деяний выступает искусственный интеллект (далее — ИИ), определение которого дано в п. 5 Указа Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» и в п. 3.18 национального стандарта РФ ГОСТ Р 59277-2020 «Системы искусственного интеллекта. Классификация систем искусственного интеллекта».

ИИ может способствовать обработке огромного массива данных, собранных в определенных областях знаний, значительно превосходя человека в анализе такого массива, выявлению нестандартных взаимосвязей данных, нахождению в них новых источников повышения эффективности и ускорению выполнения рутинных операций, а также получению предсказательной информации (установление будущего состояния определенной системы или отдельных ее показателей посредством анализа совокупности входных статистических данных (например, прогнозирование мест сокрытия трупа или нахождения преступника))¹⁵. Подобные исследования уже ведутся в отношении прогнозирования противоправного поведения преступника при совершении серийных убийств по сексуальному мотиву, половых преступлений, методики расследования которых основаны на разработанных в СК России алгоритмах ИИ и математической статистики¹⁶. Но этого явно недостаточно.

В настоящее время в досудебном уголовном производстве система ИИ способна обеспечивать повышение эффективности проведения поисковых операций, организации предварительного расследования, разработки методик расследования отдельных видов преступлений, включая решение задач сравнительного исследования в ходе проверки объектов по криминалистическим учетам ГИАЦ МВД России и базам данных иных органов, их исследование по определенным признакам с последующим анализом полученной информации и предложениями вариантов решения возникающих вопросов. Кроме того, алгоритмы ИИ применяются в криминалистическом изучении преступлений с

¹⁴ В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 22 «О внесении изменений в отдельные постановления Пленума Верховного Суда РФ по уголовным делам», в п. 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2010 № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» подтверждена позиция в отношении психофизиологической экспертизы.

¹⁵ См., например: *Бахтеев Д. В.* Концептуальные основы криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 346–347.

¹⁶ См., например: *Бессонов А. А.* Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 2. С. 45–53.

целью построения систем поддержки принятия решений при расследовании конкретных преступных деяний и в следственной деятельности для решения ряда задач информационного и организационного характера¹⁷.

Для обучения ИИ типичным причинам, в силу которых, например, соучастники и свидетели происшествия изменяют негативную позицию в отношении правоохранительных органов и готовы дать правдивые показания, потребуется значительный массив данных, обеспеченный возможностью его постоянного пополнения, актуализации и технического оснащения не только

на основе научных разработок криминалистов, но и посредством активного привлечения иных специалистов (в области психологии, компьютерных технологий, программирования и др.) в кооперации с практиками.

Несомненно, рассматриваемая тема требует дальнейших исследований, в частности изучения остальных элементов интегративной системы криминальной и антикриминальной деятельности, значимых с позиции теории катастроф в области совершенствования технологий расследования преступлений на научном, методическом и практическом уровнях.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алтунина И. Р. Структура и развитие мотивов и мотивации социального поведения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. — М., 2006. — 50 с.
2. Бахтеев Д. В. Концептуальные основы криминалистического мышления и использования систем искусственного интеллекта в расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук. — Екатеринбург, 2022. — 504 с.
3. Бессонов А. А. Использование алгоритмов искусственного интеллекта в криминалистическом изучении преступной деятельности (на примере серийных преступлений) // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 2. — С. 45–53.
4. Гейн А. К. Корыстная цель как криминообразующий признак преступлений в Уголовном кодексе Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2010. — № 1. — С. 46–54.
5. Карнаухова О. Г. Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших : дис. ... канд. юрид. наук. — СПб., 2015. — 225 с.
6. Карпенко О. А. Криминалистические средства и методы преодоления заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2018. — 26 с.
7. Народная энциклопедия уголовного права / под ред. А. И. Чучаева. — М. : Проспект, 2023. — 488 с.
8. Образцов В. А. К вопросу о парных категориях в криминалистике // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2008. — № 1. — С. 82–95.
9. Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Г. В. Титовой, Е. А. Громовой — М. : Проспект, 2022. — 896 с.
10. Расследование преступлений прошлых лет : науч.-практ. пособие / под ред. А. И. Бастрыкина — М. : Юрлитинформ, 2021. — 184 с.

Материал поступил в редакцию 9 января 2025 г.

¹⁷ Подробнее об этом см., например: Право цифровой среды : монография / под ред. Т. П. Подшивалова, Е. В. Титовой, Е. А. Громовой. М. : Проспект, 2022. С. 610–617.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Altunina I. R. Struktura i razvitie motivov i motivatsii sotsialnogo povedeniya: avtoref. dis. ... d-ra psikholog. nauk. — M., 2006. — 50 s.
2. Bakhteev D. V. Kontseptualnye osnovy kriminalisticheskogo myshleniya i ispolzovaniya sistem iskusstvennogo intellekta v rassledovanii prestupleniy: dis. ... d-ra yurid. nauk. — Ekaterinburg, 2022. — 504 s.
3. Bessonov A. A. Ispolzovanie algoritmov iskusstvennogo intellekta v kriminalisticheskom izuchenii prestupnoy deyatel'nosti (na primere seriynykh prestupleniy) // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). — 2021. — № 2. — S. 45–53.
4. Geyn A. K. Korystnaya tsel kak kriminoobrazuyushchiy priznak prestupleniy v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii // Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika. — 2010. — № 1. — S. 46–54.
5. Karnaukhova O. G. Taktika preodoleniya protivodeystviya rassledovaniyu so storony svideteley i poterpevshikh: dis. ... kand. yurid. nauk. — SPb., 2015. — 225 s.
6. Karpenko O. A. Kriminalisticheskie sredstva i metody preodoleniya zavedomo lozhnykh pokazaniy svideteley i poterpevshikh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2018. — 26 s.
7. Narodnaya entsiklopediya ugolovnogo prava / pod red. A. I. Chuchaeva. — M.: Prospekt, 2023. — 488 s.
8. Obratstov V. A. K voprosu o parnykh kategoriakh v kriminalistike // Sibirskie ugolovno-protsessualnye i kriminalisticheskie chteniya. — 2008. — № 1. — S. 82–95.
9. Pravo tsifrovoy sredy: monografiya / pod red. T. P. Podshivalova, G. V. Titovoy, E. A. Gromovoy — M.: Prospekt, 2022. — 896 s.
10. Rassledovanie prestupleniy proshlykh let: nauch.-prakt. posobie / pod red. A. I. Bastrykina — M.: Yurлитinform, 2021. — 184 s.

Уведомление федеральным государственным служащим о фактах склонения к совершению коррупционных преступлений: проблемы правового регулирования

Аннотация. В статье исследованы механизм уведомления федеральными государственными служащими о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений как один из инструментов предупреждения коррупционной преступности федеральных государственных служащих и его эффективность в современных реалиях. На основе анализа системы нормативно-правовой регламентации данного механизма федеральными органами исполнительной власти автор выделил ряд регуляторных недостатков, устранение которых позволило бы усовершенствовать применение рассматриваемого антикоррупционного инструмента. В рамках концептуальной характеристики исследуемого механизма с криминологической точки зрения отмечается нецелесообразность участия представителя нанимателя (работодателя) в процедурах по рассмотрению уведомления, проверке содержащихся в нем сведений и принятию по результатам такой проверки управленческого решения. Представляется, что исключение представителя нанимателя (работодателя) из упомянутых процедур позволило бы существенно сократить риски внутриведомственного вмешательства лиц, имеющих причастность к изобличаемому коррупционному противоправному деянию, выраженного в том числе в сокрытии выявленных фактов коррупции и создании негативных последствий для уведомителя.

Ключевые слова: коррупционная преступность; коррупция; представитель нанимателя (работодатель); криминологический анализ; предупреждение коррупционной преступности; государственные служащие; государственная служба; уведомление о фактах склонения; антикоррупционная экспертиза; федеральные органы исполнительной власти.

Для цитирования: Мулявко Д. Е. Уведомление федеральным государственным служащим о фактах склонения к совершению коррупционных преступлений: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 148–160. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.148-160.

© Мулявко Д. Е., 2025

* Мулявко Денис Евгеньевич, аспирант кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права имени В.Е. Эминова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
denis.mulyavko@yandex.ru

Notification by Federal Civil Servants of Incitement to Commit Corruption Offenses: Issues of Legal Regulation

Denis E. Mulyavko, Postgraduate Student, Department of Criminology and Penal Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
denis.mulyavko@yandex.ru

Abstract. The paper examines the mechanism for federal civil servants to report instances of incitement to commit corruption offenses as a tool for preventing corruption among federal civil servants, assessing its effectiveness in contemporary practice. Through an analysis of the regulatory framework governing this mechanism in federal executive bodies, the author identifies several regulatory shortcomings. Addressing these deficiencies could enhance the application of this anti-corruption instrument. A criminological analysis of the mechanism's conceptual framework reveals the inappropriateness of involving the employer's representative (or employer) in procedures related to reviewing notifications, verifying the information contained therein, and making managerial decisions based on such verification. The author argues that excluding the employer's representative (or employer) from these procedures would significantly reduce the risks of internal interference by individuals associated with the alleged corrupt practices. Such interference may manifest in concealing identified corruption cases and creating adverse consequences for the whistleblower.

Keywords: corruption crime; corruption; employer's representative (employer); criminological analysis; prevention of corruption-related crime; civil servants; civil service; notification of incitement; anti-corruption expertise; federal executive authorities.

Cite as: Mulyavko DE. Notification by Federal Civil Servants of Incitement to Commit Corruption Offenses: Issues of Legal Regulation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):148-160. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.148-160.

Проблемам коррупции и мерам ее предупреждения постоянно уделяется большое внимание со стороны государственного аппарата, научного сообщества и представителей общественности. Несмотря на заметную тенденцию усиления мер борьбы с данным явлением со стороны государства, что наглядно проявляется, согласно докладу министра внутренних дел РФ В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России в апреле 2024 г.¹, в увеличении объема выявленных коррупционных преступлений, много фактов коррупции всё еще остаются нераскрытыми.

Применение организационно-правовых и институциональных мер, безусловно, влияет на выявление коррупционных посягательств. В свою очередь, эффективность этих мер оказывает обратное воздействие как на раскрываемость указанных противоправных актов, так

и на степень противодействия коррупционной деятельности.

Современная система антикоррупционной деятельности предполагает применение широкого спектра механизмов воздействия на правомерное поведение государственных служащих: декларирования доходов и расходов указанных лиц; уведомления представителя нанимателя (работодателя) о потенциальном возникновении конфликта интересов; антикоррупционного просвещения должностных лиц и иных механизмов административного, правового и дисциплинарного характера (например, сообщения отдельными категориями лиц о получении подарков в связи с протокольными мероприятиями; антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов и т.п.). При этом среди значительного массива антикоррупционных мер особое внимание обращает на себя механизм

¹ См.: Расширенное заседание коллегии МВД России, 2 апреля 2024 г. // URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73770> (дата обращения: 08.12.2024).

уведомления федеральными государственными служащими о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений (далее — уведомление). Остановимся на нем более подробно.

Прежде всего, применение механизма уведомления на федеральном уровне регулируется статьей 9 Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон № 273-ФЗ), согласно которой осуществление уведомления является обязанностью государственного служащего.

Согласно вышеупомянутой норме уведомление представляет собой обязанность государственного служащего по извещению лица, являющегося по отношению к нему представителем нанимателя (работодателем), а также органов прокуратуры или других государственных органов обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Помимо установления обязанности государственного служащего в виде уведомления, указанная норма также, на наш взгляд, в самом общем виде регулирует вопросы ответственности за ее выполнение либо невыполнение. При этом Закон № 273-ФЗ не содержит регламентации четкого порядка исполнения такой обязанности, устанавливая лишь императивное предписание лицам, являющимся представителями нанимателя (работодателями), на его правовое регулирование.

На практике определение порядка уведомления может быть как в форме издания соответствующих ведомственных актов государственных органов² нормативного характера, так и в

форме применения документов ненормативного (рекомендательного) характера³.

Впрочем, существующий до сих пор подход децентрализованной правовой регламентации порядка уведомления вызывает ряд проблем, связанных с реализацией данного антикоррупционного механизма на практике.

Увеличение массива нормативных правовых актов

Поскольку определение порядка уведомления является не только полномочием, но и обязанностью представителя нанимателя (работодателя) конкретного ведомства, исполнение такой обязанности влечет за собой определенные риски. Не является тайной низкий уровень правовой культуры отдельно взятых государственных служащих, ответственных за разработку и организационное сопровождение принятия нормативного правового акта. При таких обстоятельствах государственные служащие предпочитают идти по легкому пути. В данном случае это подготовка государственным служащим проекта нормативного правового акта, устанавливающего порядок уведомления, путем дословного копирования текста изданного и вступившего в силу аналогичного нормативного правового акта другого ведомства с минимальными изменениями его содержания (наименования ведомства; реквизитов акта; наименований должностей государственных служащих, имеющих отношение к процедуре уведомления; сроков направления уведомления).

Как отмечалось М. Ю. Зенковым, возложение полномочий и обязанности по определе-

² См., например: приказ Минспорта России от 12.07.2012 № 18 «Об утверждении Порядка уведомления федеральными государственными гражданскими служащими Министерства спорта Российской Федерации о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений» // Российская газета. № 197. 29.08.2012.

³ См., например: письмо Минздравсоцразвития России от 20.09.2010 № 7666-17 «О Методических рекомендациях о порядке уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения государственного или муниципального служащего к совершению коррупционных правонарушений, включающих перечень сведений, содержащихся в уведомлениях, вопросы организации проверки этих сведений и порядок регистрации уведомлений».

нию порядка уведомления на представителей нанимателя (работодателя) понуждает органы публичной власти утверждать порядок уведомления в своем ведомстве путем издания нормативного правового акта, текст которого зачастую не отличается от текстов нормативных правовых актов иных ведомств по аналогичному вопросу. Указанная практика увеличивает число нормативных правовых актов с одинаковым содержанием, что оказывает негативное влияние как на применение рассматриваемого нами антикоррупционного механизма, так и на нормотворческую деятельность Российской Федерации в целом⁴.

Несмотря на то что издание нормативного правового акта федеральным органом исполнительной власти, как правило, включает в себя обязательные этапы проведения в отношении него правовой и антикоррупционной экспертизы как самим органом-разработчиком⁵, так и Минюстом России⁶, нередко случаи выявления Генеральной прокуратурой РФ коррупционных факторов в нормативных правовых актах, прошедших государственную регистрацию и вступивших в законную силу. Так, согласно данным органов прокуратуры РФ, количество нормативных правовых актов, в которых было выявлено содержание коррупционных факторов в 2024 г., составляет 55,4 тыс. (в 2023 г. — 53,6 тыс.; в 2022 г. — 51,4 тыс.). Принятые меры прокурорского реагирования способствовали исключению 58,8 тыс. обнаруженных коррупционных факторов в 2024 г. (в 2023 г. — 57,6 тыс.; в 2022 г. — 57,8 тыс.)⁷. В целом приведенная статистика свидетельствует об относительно стабильной динамике ежегодно выявляемых коррупционных факто-

ров в нормативных правовых актах с небольшим нарастанием.

В этой связи есть основания полагать, что существующий массив нормативных правовых актов, регламентирующих порядок уведомления, не только усложняет процедуру контроля правового обеспечения противодействия коррупции, но и выявление коррупционных факторов в одном из таких актов автоматически будет означать наличие точно таких же упомянутых факторов в актах других ведомств. С учетом того что факт обнаружения коррупционных факторов предполагает их устранение органом-разработчиком путем внесения изменений в соответствующий нормативный правовой акт, возникает ряд существенных рисков.

Первый риск, по нашему мнению, — это возможность возникновения цепочки изменений порядка уведомления, утвержденного ведомством. С учетом сложившейся тенденции копирования ведомствами содержания текстов нормативных правовых актов, регламентирующих порядок уведомления, друг у друга, не исключается следующая ситуация: представители органа, издавшего нормативный правовой акт об уведомлении путем дословного копирования оригинального текста аналогичного акта другого органа, в целях упрощения собственной деятельности не будут принимать никаких мер по устранению коррупционных факторов до тех пор, пока этого не будет сделано представителями государственного органа, разработавшего и издавшего первоначальный (оригинальный) нормативный правовой акт об уведомлении. Кроме того, даже в случае исключения представителями органов, осуществивших заимствование текста нормативного правового акта,

⁴ *Зенков М. Ю.* Проблемы организации работы с антикоррупционными уведомлениями на государственной гражданской службе // Развитие территорий. 2016. № 3–4 (6). С. 47.

⁵ П. 5 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации, утв. постановлением Правительства РФ от 13.08.1997 № 1009 // СЗ РФ. 1997. № 33. Ст. 3895.

⁶ П. 11 Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации.

⁷ Приведены данные статистической отчетности «О реализации органами прокуратуры Российской Федерации отдельных полномочий по надзору за исполнением законодательства о противодействии коррупции» по форме К.

подобного сценария поведения своевременное инициирование ими процедуры по устранению коррупционных факторов в утвержденном ведомством порядке уведомления требует определенного количества времени. При этом до тех пор, пока указанная процедура не будет завершена, государственные служащие будут вынуждены применять ведомственный порядок уведомления (несмотря на наличие в нем коррупционных факторов) ввиду отсутствия его правовой регламентации вне собственного ведомства. Такой риск крайне негативно сказывается на релевантности и качестве применения рассматриваемого антикоррупционного механизма.

Второй риск — это возможное отсутствие у представителей органа, издавшего нормативный правовой акт о порядке уведомления вышеописанным способом, инициативы по устранению коррупционных факторов в утвержденном им порядке уведомления. В случае выявления коррупционных факторов в порядке уведомления, утвержденном одним ведомством, другое ведомство, утвердившее собственный порядок уведомления с аналогичным содержанием, может продолжать его применение до тех пор, пока по указанному акту не будет вынесена мера прокурорского реагирования.

Таким образом, на наш взгляд, децентрализация правового регулирования порядка уведомления является регуляторным недостатком деятельности органов государственной власти по предупреждению коррупционных правонарушений. В этой связи необходимо применение

централизованного подхода к нормативно-правовому регулированию порядка уведомления путем издания нормативного правового акта федерального уровня, утверждающего единый порядок уведомления, применимый ко всем видам государственной службы.

Отсутствие единообразия в части исчерпывающей регламентации процедуры уведомления

Несмотря на наличие некоторых ведомственных нормативных правовых актов, уникальным образом устанавливающих порядок уведомления⁸, до настоящего времени остается актуальной проблема исчерпывающей регламентации процедуры уведомления и детализации оснований ее применения.

Очевидно, что своевременность уведомления должна не только влиять на эффективность изобличения факта коррупционного правонарушения и его оперативного пресечения, но и позволять установить добросовестность и надлежащее исполнение государственным служащим возложенной на него Законом № 273-ФЗ обязанности. Однако вопрос о сроках направления государственным служащим уведомления в адрес установленного должностного лица не до конца урегулирован. Так, ряд подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих порядок уведомления, не предусматривает каких-либо сроков уведомления, устанавливая лишь нормы, регулирующие общую процедуру уведомления, его регистрации и рассмотрения⁹.

⁸ См., например: Порядок уведомления военнослужащими и федеральными государственными гражданскими служащими органов федеральной службы безопасности о фактах обращения в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений, утв. приказом ФСБ России от 10.06.2010 № 291 // Российская газета. № 180. 13.08.2010 ; Порядок уведомления представителя нанимателя (работодателя) федеральными государственными гражданскими служащими Федерального агентства по делам молодежи и работниками организаций, созданных для выполнения задач, поставленных перед Федеральным агентством по делам молодежи, о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений, утв. приказом Росмолодежи от 01.04.2024 № 103 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405080002> (дата обращения: 08.01.2025).

⁹ См., например: Порядок уведомления федеральными государственными гражданскими служащими Федерального агентства морского и речного транспорта о фактах обращения в целях склонения их к

Также большой объем подзаконных актов, закрепляющих порядок уведомления, содержит размытые сроки направления уведомления государственным служащим, прибегая к пространственной формулировке «незамедлительно»¹⁰. Как справедливо отметил профессор М. В. Пресняков, формулировка «незамедлительно», применяемая к срокам уведомления о коррупционном правонарушении, не позволяет практически определить конкретный временной промежуток, в течение которого возможно было бы судить о своевременном либо несвоевременном исполнении государственным служащим своей должностной обязанности: «если с момента такого обращения прошел час или два, означает ли это, что служащий не исполнил обязанность уведомить о фактах склонения к совершению коррупционного правонарушения?»¹¹. В этой связи возникает и вопрос о надлежащем исполнении государственным

служащим своей должностной обязанности о незамедлительном уведомлении в случае получения им сообщения о склонении к коррупционному правонарушению в нерабочее время, выходные дни или в процессе его длительного командирования в субъект Российской Федерации не по месту службы. Ряд подзаконных актов предусматривает сроки уведомления в вышеперечисленных случаях¹², однако в большинстве данный момент остается неурегулированным.

Отсутствие полного перечня коррупционных деяний

Целесообразно обратить внимание на еще один проблемный аспект правовой регламентации порядка уведомления. Установив обязанность государственных служащих уведомлять представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения к совершению кор-

совершению коррупционных правонарушений, регистрации таких уведомлений и организации проверки содержащихся в них сведений, утв. приказом Росморречфлота от 02.12.2009 № 94 // Российская газета. № 46. 05.03.2010 ; Порядок уведомления представителя нанимателя (работодателя) о фактах обращения в целях склонения федерального государственного гражданского служащего Федерального агентства по государственным резервам (его территориального органа) к совершению коррупционных правонарушений, утв. приказом Росрезерва от 29.10.2010 № 218 // Российская газета. № 277. 08.12.2010.

¹⁰ См., например: п. 3 Порядка уведомления военнослужащими и федеральными государственными гражданскими служащими органов государственной охраны о фактах обращения к ним в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений, утв. приказом ФСО России от 06.10.2020 № 194 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=17&nd=102903811&bpa=cd000000&bpas=cd000000&intelsearch=%D4%D1%CE++ (дата обращения: 25.12.2024) ; п. 3 Порядка уведомления представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения федеральных государственных гражданских служащих Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации и руководителей территориальных органов подведомственных Минприроды России федеральных органов исполнительной власти к совершению коррупционных правонарушений и организации проверки содержащихся в уведомлениях сведений, утв. приказом Минприроды России от 10.07.2020 № 433 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: (дата обращения: 24.12.2024).

¹¹ Пресняков М. В. Обязанность уведомлять о фактах обращения с целью склонения к совершению коррупционных правонарушений: проблемы практической реализации // Административное право и процесс. 2019. № 2. С. 41.

¹² См., например: п. 3 Порядка уведомления представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения федерального государственного гражданского служащего Федеральной службы по труду и занятости к совершению коррупционных правонарушений, утв. приказом Роструда от 23.12.2009 № 335-к // Российская газета. № 46. 05.03.2010 ; п. 2 Порядка уведомления представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения федерального государственного гражданского служащего Федеральной службы по надзору в сфере природопользования и ее территориальных органов к совершению коррупционных правонарушений, утв. приказом Росприроднадзора от 11.07.2022 № 326 // Официальный

рупционных правонарушений, законодатель не предусмотрел перечень деяний, которые могли бы быть оценены в качестве коррупционных. Наделение таким образом государственных служащих правом (и обязанностью) самостоятельной оценки коррупционности деяния ставит под сомнение эффективность рассматриваемого антикоррупционного механизма.

Во-первых, дозволительный характер конструкции правовых норм о самостоятельной оценке государственным служащим коррупционных деяний в каком-то смысле может рассматриваться как фактическое наделение государственных служащих широкими дискреционными полномочиями в указанной сфере. Как отмечал С. А. Денисов, на государственной службе нередки случаи формирования аппарата должностных лиц конкретного государственного органа на основе личной преданности его руководителем. В таком случае сотрудники начинают служить своему начальнику, а сама ответственность за проступки может становиться предметом коррупционной сделки¹³.

Поскольку уведомление предполагает в том числе применение мер дисциплинарного воздействия к государственным служащим, указанным в уведомлении в качестве предположительно склоняющих к совершению коррупционного деяния, а частью 4 ст. 9 Закона № 273-ФЗ декларируется гарантия безопасности уведомляющего государственного служащего (далее — уведомитель) в связи с направляемым им уведомлением, представляется, что механизм уведомления может быть использован недобросовестными государственными служащими в качестве легального инструмента дискредитации коллег или устранения конкурентов по службе.

Во-вторых, с учетом субъективного фактора затруднительным представляется практическое исполнение обязанности уведомления добросовестными государственными служащими. Отсутствие единого перечня коррупционных правонарушений (равно как и легального понятия «коррупционное правонарушение») вынуждает государственного служащего оценивать и квалифицировать деяние в качестве коррупционного исходя из собственных субъективных представлений о коррупции. Несмотря на декларируемую гарантию безопасности, о которой было сказано выше, уведомитель так или иначе рискует ошибиться в квалификации и тем самым испортить отношения с коллегами, что чревато для него негативной репутацией на службе на долгие годы, а может быть и навсегда. Даже фактически правильная квалификация деяния уведомителем не гарантирует такую же квалификацию иными должностными лицами, участвующими в процедуре уведомления, ввиду недостаточной компетентности сотрудников подразделений по вопросам профилактики коррупционных и иных правонарушений, что в том числе отмечается правоведами¹⁴. В целях устранения указанных противоречий Минтрудом России разработан документ¹⁵, содержащий примерный перечень деяний, относящихся к категории коррупционных правонарушений, однако принятый перечень носит рекомендательный характер, и, следовательно, его можно назвать декларативным.

В этой связи, на наш взгляд, следует согласиться с рядом исследователей, поддерживающих инициативу по разработке и утверждению нормативного правового акта, содержащего исчерпывающий перечень коррупционных правонарушений и их общую характеристику¹⁶.

интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202208110012> (дата обращения: 08.01.2025).

¹³ Денисов С. А. Возможности применения института административной ответственности для борьбы с коррупцией государственных служащих. Административная ответственность: вопросы теории и практики (восьмые «Лазаревские чтения») // Государство и право. 2005. № 1. С. 9.

¹⁴ См.: Зенков М. Ю. Указ. соч. С. 49.

¹⁵ Рекомендации по порядку проведения оценки коррупционных рисков в организации // Приложение к газете «Солидарность». 2019. № 36.

¹⁶ См.: Коврова В. Г. Обязанность сообщения о фактах склонения к совершению коррупционных правонарушений на государственной службе как одна из форм дисциплинарного принуждения // Полицейский

Помимо этого, стоит обратить особое внимание на концептуальную характеристику самого механизма уведомления с участием представителя нанимателя (работодателя) в качестве средства предупреждения коррупционных преступлений с криминологической точки зрения.

Для начала необходимо рассмотреть результаты применения механизма уведомления с участием вышеупомянутого субъекта. Так, например, согласно п. 13–14 Порядка уведомления, утвержденного приказом Минпросвещения России от 06.09.2022 № 807, после окончания проверки сведений, изложенных в уведомлении, представителем нанимателя (работодателем) принимается одно из следующих решений: 1) направление результатов проверки в органы прокуратуры; 2) направление результатов проверки в другие государственные органы; 3) отказ в направлении сведений о результатах проверки в какие-либо государственные органы. Вместе с тем пунктом 8 указанного Порядка на государственного гражданского служащего возлагается обязанность по информированию представителя нанимателя (работодателя) о фактах направления им подобного уведомления в органы прокуратуры или иные государственные органы, включая раскрытие содержания такого уведомления.

В этой связи неясна целесообразность направления уведомления представителю нанимателя (работодателю), поскольку госслужащий не лишен возможности направления уведомления в соответствующие государственные органы напрямую. Прежде чем уведомление по решению представителя нанимателя (работодателя) будет направлено в соответствующие государственные органы, пройдет существенный промежуток времени, необходимый для проведения служебной проверки, направления сведений и материалов в надлежащие государственные органы и их фактического поступления адресатам. Таким образом, на данном примере направление уведомления представителю нанимателя (работо-

дателю) ставит под угрозу своевременность выявления и изобличения коррупционного преступления. Также следует учитывать и тот факт, что некоторые коррупционные преступления (например, воспрепятствование законной предпринимательской деятельности, злоупотребление должностными полномочиями) могут иметь длящийся характер, в связи с чем промедление с выявлением факта коррупции может повлечь за собой нарастание объема причиненного вреда коррупционным противоправным деянием.

Кроме того, остается неясным вопрос об обязательности направления уведомления представителю нанимателя (работодателю) в том случае, когда государственный служащий уже направил такое уведомление в компетентные государственные органы напрямую. Несмотря на то что согласно буквальному толкованию ч. 1 ст. 9 Закона № 273-ФЗ государственному служащему предоставляется возможность по своему выбору направить уведомление одному из нескольких субъектов, ряд подзаконных актов, включая представленный в качестве примера акт Минпросвещения России, возлагает обязанность на служащего по направлению данного уведомления представителю нанимателя (работодателю) в любом случае. В этой связи возникает закономерный вопрос, может ли государственный служащий, направивший уведомление, например, в органы прокуратуры, не проинформировав об этом представителя нанимателя (работодателя), быть подвергнутым дисциплинарному взысканию либо иным санкциям.

С одной стороны, на данный вопрос можно было бы ответить отрицательно, поскольку частью 3 ст. 9 Закона № 273-ФЗ государственному служащему предоставляется гарантия безопасности в связи с направлением им уведомления. Однако, по справедливому мнению Р. А. Сабитова, установленная гарантия носит лишь декларативный характер, а фактически защита уведомителей не обеспечена¹⁷.

вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2021. № 1 (4). С. 56 ; *Шерстобоев О. Н.* Обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять обо всех случаях склонения к коррупционному правонарушению: некоторые проблемы реализации // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 5. С. 72.

¹⁷ *Сабитов Р. А.* Правовое стимулирование сообщений о коррупции // Виктимология. 2017. № 4 (14). С. 8.

Помимо этого, само наличие представителя нанимателя (работодателя) в числе участников процедуры рассмотрения уведомления и принятия по результатам такого рассмотрения мер принудительного воздействия, на наш взгляд, ставит под сомнение достижение целей и задач, которые преследует сам механизм уведомления.

Механизм уведомления представителя нанимателя (работодателя) является не чем иным, как средством внутреннего контроля и противодействия коррупции в государственном органе. Получатель уведомления — это государственный служащий того же ведомства, в котором проходит службу уведомитель, являющийся, по смыслу механизма уведомления, руководителем последнего. С учетом того что уведомление с участием представителя нанимателя (работодателя) происходит внутри одной и той же группы сотрудников конкретного государственного органа, очевидно, что все участники реализации обозначенного механизма, включая государственных служащих, указанных в уведомлении в качестве склоняющих к совершению коррупционного деяния, хорошо знакомы друг с другом и находятся в определенных служебных отношениях подчиненности. В данном случае важно осветить несколько ключевых моментов, которые сводят полезность представителя нанимателя (работодателя) в роли получателя уведомления к минимуму.

Невозможно согласиться с представителями отечественной правовой науки, рассматривающими механизм уведомления с участием представителя нанимателя (работодателя) в качестве довольно эффективного способа борьбы с коррупцией на государственном уровне. Так, А. А. Богунова, анализируя применение военнослужащими механизма уведомления, приходит к выводу о том, что указанный механизм ак-

тивно способствует принятию руководителями ведомств своевременных мер по устранению коррупционного правонарушения и контролю коррупционной ситуации¹⁸. При этом не следует забывать, что коррупционные деяния, и в особенности коррупционные преступления, обладают высокой степенью латентности. Участники коррупционного преступления не заинтересованы в изобличении друг друга, а на государственной службе и вовсе могут осуществлять взаимное покровительство. Ввиду высокого уровня латентности даже самый добросовестный государственный служащий, являющийся уведомителем, не способен предугадать, относится ли его руководитель, получающий уведомление, к участникам того же коррупционного преступления, о котором уведомитель сообщает в уведомлении, но в отношении другого государственного служащего. Сомнения в эффективности рассматриваемого механизма уведомления обусловлены не только этим.

Во-первых, подзаконными актами ведомств, регулирующими внутренний порядок уведомления, устанавливается ряд должностных лиц, ответственных за рассмотрение уведомления и принятие по нему управленческого решения. Как правило, такими должностными лицами в федеральных органах исполнительной власти являются заместители министров либо начальники кадровых управлений. Однако в последнее время именно в отношении указанных должностных лиц нередко выдвигаются обвинения в коррупции. Так, например, ответственным должностным лицом, участвующим в рассмотрении уведомления, в Минобороны России является начальник Главного управления кадров¹⁹, а в Минкультуры России — первый заместитель министра культуры (в отношении государственных гражданских служащих, замещающих должности, назначение на которые и освобождение

¹⁸ Богунова А. А. Уведомления о фактах обращения к военнослужащим в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений как одна из мер профилактики коррупции // Военное право. 2018. № 5 (51). С. 109–111.

¹⁹ П. 6 и 9 Порядка уведомления представителя нанимателя о фактах обращения в целях склонения федерального государственного гражданского служащего Министерства обороны Российской Федерации к совершению коррупционных правонарушений, утв. приказом министра обороны РФ от 28.06.2011 № 1050 // Российская газета. № 184. 22.08.2011.

от которых осуществляет первый заместитель министра культуры РФ)²⁰. При этом лица, замещавшие указанные должности, были задержаны в связи с совершением коррупционных преступлений в 2024²¹ и в 2016 гг.²² соответственно.

В данном случае представляется, что участие должностных лиц ведомства, в котором государственный служащий сообщает о факте коррупции, в процедуре рассмотрения уведомления и принятия по нему соответствующего решения позволяет лицам, проходящим службу в указанном ведомстве на руководящих должностях, своевременно узнавать о коррупционных фактах в мельчайших подробностях. Сведения, указываемые в уведомлении, дают возможность руководителям, оказывающим покровительство обозначенным в уведомлении в качестве склоняющих к совершению коррупционного деяния лицам, с высокой степенью оперативности произвести действия по одному из следующих сценариев: а) принять решение о якобы отсутствии в описываемой уведомлением ситуации факта коррупционного правонарушения; б) начать процесс, который можно назвать «заметанием следов» коррупционного преступления, выраженный в уничтожении либо сокрытии документов или иных материалов, свидетельствующих о наличии состава преступления; в) предупредить (информировать) лиц, осуществляющих и (или) получающих покровительство, об осведомленности других государственных служащих о коррупции и дать им возможность скрыть не только такие факты, но и всех лиц, причастных к коррупции.

С учетом изложенного механизм уведомления с участием представителя нанимателя (работодателя), на наш взгляд, представляет собой не столько меру противодействия коррупции, сколько узаконенное средство по сокрытию признаков преступности коррупционного деяния и повышению и без того высокой латентности коррупционной преступности, поэтому с выводами ученых об эффективности уведомления в нынешней интерпретации не представляется возможным согласиться.

Во-вторых, участие представителя нанимателя (работодателя) в процедуре рассмотрения уведомления и принятия по нему управленческого решения превращает данный антикоррупционный механизм в инструмент борьбы с неугодными государственным служащим, применившими механизм уведомления. Действующие внутриведомственные порядки уведомления устанавливают обязательное требование к направлению уведомления в письменной форме, с обязательным указанием сведений об уведомителе, позволяющих его безошибочно идентифицировать. С учетом того что, как было отмечено ранее, уведомление рассматривается и разрешается внутри одной обособленной социальной группы сотрудников государственного органа, обеспечение конфиденциальности уведомителя представляется затруднительным, особенно тогда, когда должностные лица ведомства, принимающие участие в процедурах уведомления, сами причастны к изобличаемому факту коррупции. Борьба с неугодными может быть выражена в манипуляции коррупционны-

²⁰ Порядок уведомления, утв. приказом Минкультуры России от 31.01.2017 № 95, не уточняет, какие должностные лица исполняют функции представителя нанимателя. Конкретизация должности, исполняющей функции представителя нанимателя, содержится в п. 4 Порядка уведомления представителя нанимателя федеральными государственными гражданскими служащими Министерства культуры Российской Федерации и его территориальных органов о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, утв. приказом Минкультуры России от 31.01.2022 № 98 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202203110002> (дата обращения: 08.01.2025).

²¹ Начальника Главного управления кадров МО РФ генерала-лейтенанта Кузнецова задержали // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/20786197> (дата обращения: 08.01.2025).

²² Три высокопоставленных чиновника Минкультуры задержаны по делу о хищении госсредств // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/proisshestviya/2739597> (дата обращения: 08.01.2025).

ми инструментами в отношении уведомителя, иными словами, в интерпретации фактов коррупции против того, кто их представил, по разным причинам: а) из личной неприязни; б) из мести; в) из боязни действительной огласки нежелательных фактов; г) из-за банального сведения личных счетов; д) чтобы устранить конкурента (очевидно, что перечень причин, почему процедура уведомления может быть использована против инициатора такого уведомления, может быть расширен).

В подтверждение сказанного можно привести следующий пример. Так, в 2016 г. стало известно о деле капитана А. Золотарева — военнослужащего, ранее служившего в Вооруженных Силах РФ, которому стало известно о фактах коррупции по месту службы. После обращения к военнослужащему со стороны его коллег с предложением участия в коррупционной схеме А. Золотарев незамедлительно в установленном порядке применил механизм уведомления. Спустя некоторое время коллегам по месту его службы, включая руководство, стало известно о направлении А. Золотаревым уведомления, после чего со стороны действовавшего на тот момент начальства и сослуживцев в его сторону начали поступать угрозы применения насилия и начало оказываться психологическое давление. Позднее ему были неправомерно объявлены дисциплинарные взыскания, что стало поводом для возбуждения в отношении него уголовного дела по ч. 4 ст. 337 УК РФ (самовольное оставление части). Однако решением Курского гарнизонного военного суда от 10.10.2018 по делу № 1-5/2018 капитан А. Золотарев был оправдан в связи с отсутствием в его действиях состава вменяемого ему преступления²³.

В-третьих, отсутствие действенного механизма защиты уведомителей о коррупции в России

и недостаток антикоррупционного просвещения государственных служащих²⁴ в совокупности приводят к умолчанию о фактах коррупции со стороны государственных служащих и сведению эффекта от уведомления к минимуму. Страх получения ярлыка «предатель», усиленный страхом возмездия со стороны руководства или изобличаемого лица, безусловно, порождает такой феномен, как «заговор молчания». Кроме того, минимизация применения уведомления усиливается ложным пониманием служебной солидарности²⁵ со стороны государственного служащего, выраженным в том числе в пренебрежении тем, что традиционно в обществе считается доносом на своего начальника, нежелании «выносить сор из избы», которое в числе прочего также отмечается другими учеными²⁶. Всё это нивелирует общее значение уведомления с участием представителя нанимателя (работодателя) как такового и способствует повышению реального уровня коррупционной преступности.

Представляется возможным перейти к некоторым выводам.

1. Децентрализованный подход нормативно-правового регулирования порядка уведомления негативно влияет на его надлежащее применение и контроль за его реализацией. В этой связи необходимо перейти к централизованному подходу путем издания нормативного правового акта федерального уровня (например, в виде указа Президента РФ), который бы содержал единый порядок уведомления, применимый ко всем видам государственной службы.

2. Следует согласиться с учеными, высказывающими мнение в пользу издания единого перечня коррупционных правонарушений, в особенности коррупционных преступлений (как коррупционных правонарушений, носящих ха-

²³ См.: *Богунова А. А.* Указ. соч. С. 113.

²⁴ *Зенков М. Ю.* Указ. соч. С. 49.

²⁵ Подробнее см. об этом: *Мулявко Д. Е.* Истинное и ложное понимание служебной солидарности государственных служащих органов государственной власти Российской Федерации // Традиции и новации в системе современного российского права : материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 7–8 апреля 2023 г. : в 3 т. М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. Т. 1. С. 383–385.

²⁶ См.: *Сабитов Р. А.* Указ. соч. С. 7.

рактер наибольшей общественной опасности), с определением единых критериев их распознавания, применимых к федеральной государственной службе. Данный подход существенно бы упростил квалификацию коррупционных деяний государственными служащими, применяющими механизм уведомления. Полагаем очевидным, что более подробное исследование данного вопроса и разработка по нему конкретных предложений относятся к теме отдельной научной статьи.

3. Необходимо исключить участие представителя нанимателя (работодателя) в процедуре уведомления. Существующая возможность направления государственными служащими

уведомления в органы прокуратуры и (или) в другие государственные органы позволит трансформировать данный антикоррупционный механизм в процедуру внешнего контроля, существенно сокращая при этом вмешательство лиц внутри ведомства, имеющих причастность к изобличаемому коррупционному деянию. Такой подход также минимизирует риски, связанные с сокрытием выявленных фактов коррупции и изобличением уведомителя, а также последующим сведением личных счетов и (или) устранением негодных государственных служащих. В этом случае вы получите другую крайность — сведение счетов недовольными служащими со своим руководителем.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Богунова А. А.* Уведомления о фактах обращения к военнослужащим в целях склонения их к совершению коррупционных правонарушений как одна из мер профилактики коррупции // *Военное право*. — 2018. — № 5 (51). — С. 108–116.
2. *Денисов С. А.* Возможности применения института административной ответственности для борьбы с коррупцией государственных служащих. Административная ответственность: вопросы теории и практики (восьмые «Лазаревские чтения») // *Государство и право*. — 2005. — № 1. — С. 9–10.
3. *Зенков М. Ю.* Проблемы организации работы с антикоррупционными уведомлениями на государственной гражданской службе // *Развитие территорий*. — 2016. — № 3–4 (6). — С. 46–50.
4. *Коврова В. Г.* Обязанность сообщения о фактах склонения к совершению коррупционных правонарушений на государственной службе как одна из форм дисциплинарного принуждения // *Полицейский вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации*. — 2021. — № 1 (4). — С. 54–57.
5. *Мулявко Д. Е.* Истинное и ложное понимание служебной солидарности государственных служащих органов государственной власти Российской Федерации // *Традиции и новации в системе современного российского права : материалы XXII Международной научно-практической конференции молодых ученых, Москва, 7–8 апреля 2023 г. : в 3 т. Т. 1*. — М. : Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА), 2023. — С. 383–385.
6. *Пресняков М. В.* Обязанность уведомлять о фактах обращения с целью склонения к совершению коррупционных правонарушений: проблемы практической реализации // *Административное право и процесс*. — 2019. — № 2. — С. 38–43.
7. *Сабитов Р. А.* Правовое стимулирование сообщений о коррупции // *Виктимология*. — 2017. — № 4 (14). — С. 5–13.
8. *Шерстобоев О. Н.* Обязанность государственных и муниципальных служащих уведомлять обо всех случаях склонения к коррупционному правонарушению: некоторые проблемы реализации // *Конституционное и муниципальное право*. — 2011. — № 5. — С. 71–74.

Материал поступил в редакцию 8 января 2025 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bogunova A. A. Uvedomleniya o faktakh obrashcheniya k voennosluzhashchim v tselyakh skloneniya ikh k soversheniyu korruptsionnykh pravonarusheniy kak odna iz mer profilaktiki korruptsii // Voennoe pravo. — 2018. — № 5 (51). — S. 108–116.
2. Denisov S. A. Vozmozhnosti primeneniya instituta administrativnoy otvetstvennosti dlya borby s korruptsией gosudarstvennykh sluzhashchikh. Administrativnaya otvetstvennost: voprosy teorii i praktiki (vosmye «Lazarevskie chteniya») // Gosudarstvo i pravo. — 2005. — № 1. — S. 9–10.
3. Zenkov M. Yu. Problemy organizatsii raboty s antikorrupsionnymi uvedomleniyami na gosudarstvennoy grazhdanskoй sluzhbe // Razvitie territoriy. — 2016. — № 3–4 (6). — S. 46–50.
4. Kovrova V. G. Obyazannost soobshcheniya o faktakh skloneniya k soversheniyu korruptsionnykh pravonarusheniy na gosudarstvennoy sluzhbe kak odna iz form distsiplinarnogo prinuzhdeniya // Politseyskiy vestnik Vserossiyskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov Ministerstva vnutrennikh del Rossiyskoy Federatsii. — 2021. — № 1 (4). — S. 54–57.
5. Mulyavko D. E. Istinnoe i lozhnoe ponimanie sluzhebnoy solidarnosti gosudarstvennykh sluzhashchikh organov gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy Federatsii // Traditsii i novatsii v sisteme sovremennogo rossiyskogo prava: materialy XXII Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh, Moskva, 7–8 aprelya 2023 g.: v 3 t. T. 1. — M.: Universitet imeni O.E. Kutafina (MGYuA), 2023. — S. 383–385.
6. Presnyakov M. V. Obyazannost uvedomlyat o faktakh obrashcheniya s tselyu skloneniya k soversheniyu korruptsionnykh pravonarusheniy: problemy prakticheskoy realizatsii // Administrativnoe pravo i protsess. — 2019. — № 2. — S. 38–43.
7. Sabitov R. A. Pravovoe stimulirovanie soobshcheniy o korruptsii // Viktimologiya. — 2017. — № 4 (14). — S. 5–13.
8. Sherstoboev O. N. Obyazannost gosudarstvennykh i munitsipalnykh sluzhashchikh uvedomlyat obo vseh sluchayakh skloneniya k korruptsionnomu pravonarusheniyu: nekotorye problemy realizatsii // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. — 2011. — № 5. — S. 71–74.

Признание решений иностранных судов по делам о трансграничной несостоятельности в разрезе компаративистского анализа

Аннотация. Актуальность исследования правового регулирования трансграничной несостоятельности в условиях современных трансформаций и тенденций значительно возрастает. В частности, вывод Верховного Суда РФ о возможности банкротства на территории Российской Федерации иностранных юридических лиц вновь обращает внимание на необходимость специального правового регулирования данной категории трансграничных споров. В этой связи необходимо определить оптимальный способ унификации ключевых аспектов правового регулирования трансграничной несостоятельности в Российской Федерации с учетом современных вызовов и тенденций. Вопрос целесообразности разработки международного многостороннего договора специальной компетенции либо пересмотра позиции о формировании отдельного нормативного правового акта на уровне национального законодательства — ключевой для настоящего исследования. Автором проведен сравнительный анализ нормативных основ и практики признания иностранных банкротств в разрезе опыта зарубежных стран и Российской Федерации для выделения ключевых точек соприкосновения и различий в регламентации трансграничной несостоятельности на территории разных стран и для сравнения исследованного опыта с предпосылками формирования полноценной модели правового регулирования трансграничной несостоятельности в России. По результатам компаративистского анализа формируется вывод о целесообразности разработки специального международного многостороннего соглашения по вопросам признания и приведения в исполнение иностранных арбитражных решений.

Ключевые слова: трансграничная несостоятельность; иностранное банкротство; признание иностранных судебных решений; экстерриториальный эффект; правовое регулирование; международное частное право; универсализм; модель регулирования; публичный порядок; основания признания.

Для цитирования: Скопцова Е. И. Признание решений иностранных судов по делам о трансграничной несостоятельности в разрезе компаративистского анализа // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 161–171. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.161-171.

© Скопцова Е. И., 2025

* Скопцова Екатерина Ивановна, аспирант кафедры международного частного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, г. Москва, Российская Федерация, 125993
skoptsova.ekaterina@yandex.ru

Recognition of Foreign Court Decisions in Cross-Border Insolvency Cases: A Comparative Analysis

Ekaterina I. Skoptsova, Postgraduate Student, Department of Private International Law,
Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
skoptsova.ekaterina@yandex.ru

Abstract. The relevance of studying the legal framework for cross-border insolvency is significantly increasing amid contemporary transformations and global trends. In particular, the recent ruling by the Supreme Court of the Russian Federation on the possibility of bankrupting foreign legal entities within Russian jurisdiction has revived the debate on the need for specialized legal regulation of such cross-border disputes. This necessitates identifying the optimal approach to harmonizing key aspects of cross-border insolvency regulation in Russia, taking into account modern challenges and international developments. The core scientific issue addressed in this research is whether it is more appropriate to develop a specialized multilateral international treaty or to revise the current approach of creating a separate national legislative framework. The author conducts a comparative analysis of regulatory frameworks and practices concerning the recognition of foreign insolvency proceedings, drawing on the experiences of foreign jurisdictions and the Russian Federation. This analysis identifies both commonalities and divergences in cross-border insolvency regulation across different countries, comparing these findings with the prerequisites for establishing a comprehensive legal model for cross-border insolvency in Russia. Based on the comparative analysis, the study concludes that developing a specialized multilateral international agreement governing the recognition and enforcement of foreign insolvency judgments would be the most effective solution.

Keywords: cross-border insolvency; foreign bankruptcy; recognition of foreign judgments; extraterritorial effect; legal regulation; private international law; universalism; regulatory model; public order; grounds for recognition.

Cite as: Skoptsova EI. Recognition of Foreign Court Decisions in Cross-Border Insolvency Cases: A Comparative Analysis. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):161-171. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.161-171.

Трансграничная несостоятельность остается крайне сложным и вызывающим множество вопросов явлением. Несмотря на активную научную разработку темы зарубежными исследователями, такими как К. Андерсен (K. Andersen)¹, Х. Л. Баксбаум (H. L. Buxbaum)²,

С. Л. Баффорд (S. L. Bufford)³, М. Бальц (M. Balz)⁴, Л. Бебчук (L. Bebchuk)⁵, Дж. Л. Вестбрук (J. L. Westbrook)⁶, М. Виргос (M. Virgós)⁷, Ф. Р. Вуд (P. R. Wood)⁸, Дж. Дж. Спигельман (J. J. Spigelman)⁹, И. Флетчер (I. Fletcher)¹⁰, в отечественной доктрине тема предоставляет зна-

¹ Andersen K. The cross-border insolvency paradigm: a defense of the modified universal approach considering the Japanese experiment // *University of Pennsylvania Journal of Economic Law*. 2000. No. 20.

² Buxbaum H. Rethinking International Insolvency: The Neglected Choice-of-Law Rules and Theory // *Stanford Journal of International Law*. 2000. Vol. 36. No. 23.

³ Bufford S. L. Global Venue Controls Are Coming: A Reply to Professor LoPuck // *American Bankruptcy Law Journal*. 2005. No. 79.

⁴ Balz M. The European Convention on Insolvency Proceedings // *American Bankruptcy Law Journal*. 1996. No. 70.

⁵ Bebchuk L., Guzman A. T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // *Journal of Law & Economics*. 1999. Vol. 42.

⁶ Westbrook J. Theory and Pragmatism in Global Insolvencies: Choice of Law and Forum // *American Bankruptcy Law Journal*. 1991. No. 65.

⁷ Virgós M., Garcimartín F. The EC Regulation on Insolvency Proceedings : A Practical Commentary. The Hague : Kluwer Law International, 2004.

⁸ Wood P. R. The Bankruptcy Ladder of Priorities // *Business Law International*. 2013. No. 14.

чительное поле для исследования. Несомненно, следует указать на ряд крайне важных и значимых для науки специальных исследований, осуществленных С. В. Бахиным¹¹, А. А. Костиным¹², Е. В. Моховой¹³, А. А. Рягузовым¹⁴, однако представляется, что указанный научный дискурс необходимо активно расширять и развивать, особенно в свете интенсификации внешне-экономических связей Российской Федерации, изменения рынков экономической активности и качественной трансформации устоявшейся позиции российских судов о компетенции на рассмотрение такого рода споров.

Следует сказать о том, что российским правом порядком длительное время не уделялось должного внимания проблеме трансграничной несостоятельности, а проект федерального закона, подготовленный Министерством экономического развития РФ в 2010 г., был и вовсе отклонен, в том числе по причине несоответствия, с одной стороны, экономическим интересам государства, а с другой — отечественной правовой традиции. Действительно, анализ экспертных заключений, сформированных в период рассмотрения проекта данного федерального закона в 2011 г., свидетельствует об опасениях относительно закрепления на уровне национального законодательства Российской Федерации любых нормативных предписаний, касающихся трансграничной несостоятельности, способных оказать влияние на баланс интересов Российской Федерации и зарубежных государств. Такие опасения небеспочвенны: по состоянию на

2010–2011 гг., и правда, устойчивой статистики попыток инициирования банкротства иностранных организаций на территории Российской Федерации не прослеживалось, в то время как деятельность транснациональных корпораций с участием российских лиц только зарождалась и не вызвала значительных опасений и необходимости особого регулирования. Кроме того, до принятия столь значимого решения крайне важно было обеспечить независимость и определить границы юрисдикции российских судов, поскольку принятие нормативных предписаний формировало не только ряд преференций в отношении иностранных субъектов и активов, но и значительный ряд ограничений, в особенности необходимость применения иностранного права в случае открытия основного производства по делу о трансграничной несостоятельности на территории иностранного государства, а также возможный риск нарушения публичного порядка Российской Федерации.

На момент рассмотрения проекта экспертам представлялось наиболее безопасным, но в то же время действенным способом регулирования отношений, возникающих в сфере трансграничной несостоятельности, заключение двусторонних соглашений, закрепляющих указанный пул вопросов. Однако к 2024 г. стало абсолютно ясно, что указанный путь отнюдь не панацея. По состоянию на 2024 г. не только не подписано ни одного специального двустороннего соглашения между Российской Федерацией и иным государством, но и заключенные ранее двусторонние

⁹ *Spigelman J. J.* International commercial litigation: An Asian perspective // *Australian Business Law Review*. 2007. No. 10.

¹⁰ *Fletcher I. F.* International insolvency at the crossroads: a critical appraisal of current trends // *Foundations and Perspectives of International Trade Law* / I. F. Fletcher, L. Mistelis and M. Cremona (eds.). London : Sweet & Maxwell, 2001.

¹¹ *Бахин С. В., Леонтьева Е. А.* Международно-правовая унификация регулирования трансграничной несостоятельности // *Журнал международного частного права*. 2001. № 4 (34). С. 15–42.

¹² *Костин А. А.* Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи: анализ российского и иностранного опыта // *Закон*. 2022. № 5. С. 75–92.

¹³ *Мохова Е. В.* Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // *Закон*. 2016. № 5. С. 137–149.

¹⁴ *Рягузов А. А.* Правовое регулирование трансграничной несостоятельности : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

соглашения о правовой помощи в условиях санкционного противостояния подвергаются денонсации (например, Договор о правовой помощи 1992 г. с Литвой).

Отрицание необходимости закрепления хотя бы минимального стандарта правовых оснований в отношении споров по делам о трансграничной несостоятельности приводит лишь к ограничению юрисдикции как отечественных, так и иностранных судов в отношении активов иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации, а также трудностям в признании решений российских судов в связи с транспонированием на такие решения критериев определения юрисдикции, характерных для того государства, где истребуется признание.

Помимо этого, под влиянием санкционных ограничений 2022–2024 гг. и фиксации фактов реального ущемления прав российских граждан и юридических лиц на доступ к правосудию в иностранных юрисдикциях приходится признать трансформацию устоявшегося порядка рассмотрения споров о банкротстве иностранных юридических лиц на территории Российской Федерации: в настоящее время отечественная модель всё больше склоняется к принципам универсализма и анализа наличия тесной связи.

На основании вышеуказанного необходимо вернуться к вопросу определения допустимого и оптимального для Российской Федерации пути разрешения проблемы трансграничной несостоятельности. Решение данного вопроса невозможно без проведения практико-ориентированных научных исследований опыта разных стран в правовом регулировании трансграничной несостоятельности, в особенности практики признания иностранных банкротств, для выявления сходства и отличительных черт национального регулирования института трансграничной несостоятельности и возможности выделения универсальных компонентов такой регламентации.

С целью анализа определены четыре правовые семьи: романо-германская, англосаксонская, социалистическая и мусульманская. Данные правовые семьи выбраны неслучайно: первые две — наиболее крупные по представленности стран мира, последние две представ-

ляют интерес для Российской Федерации, т.к. местные юридические лица имеют тесные экономические связи с российскими, а в условиях санкционных ограничений восточное направление — перспективная сфера капиталовложений российских инвесторов, а следовательно, и поле возможных рисков.

Методологической основой сравнительного исследования является анализ российского и зарубежного законодательства, судебной практики и специальной литературы. На основании собранной информации отмечены следующие тенденции и закономерности.

Прежде всего, в странах романо-германской, англосаксонской, социалистической и мусульманской семей отмечаются различия в толковании сущности механизма несостоятельности. В романо-германской правовой семье несостоятельность в первую очередь выступает механизмом коллективного удовлетворения и справедливой защиты прав кредиторов. В англосаксонской — несостоятельность воспринимается как механизм реабилитации должника. В социалистической правовой семье длительное время механизм несостоятельности был применим исключительно к предприятиям всенародной собственности и рассматривался как механизм сохранения и укрепления народного хозяйства, но в связи с потребностями современного экономического оборота в практике китайских судов появились кейсы и с несостоятельностью частных юридических лиц. В мусульманской правовой семье несостоятельность также механизм удовлетворения требований кредитора, но в случае неспособности должника погасить долг, он может перерасти в карательный механизм, поскольку такой должник может быть привлечен к уголовной ответственности. Для Российской Федерации справедливо утверждение о том, что несостоятельность — это сложное социально-экономическое явление, выражающееся как в особом экономическом положении должника, так и в его особом правовом статусе по отношению к кредиторам и третьим лицам.

Вопрос признания иностранных банкротств тесно связан и напрямую вытекает из проблемы признания иностранных судебных решений. Если в континентальной правовой семье при-

знание иностранных банкротств допускается исключительно при условии вынесения судами соответствующего решения (получения экзекватуры), то в странах англосаксонской правовой семьи зачастую юридическая сила иностранного решения по делу о трансграничной несостоятельности признается автоматически, в силу признания юрисдикционной компетенции иностранного суда. Хотя, разумеется, необходимо сделать оговорку о том, что для принудительного исполнения все равно потребуются обратиться в местный суд.

Интересным представляется анализ мусульманской правовой семьи. В Саудовской Аравии Положение о банкротстве было введено в действие Королевским указом от 14.02.2018 № М/50, а Правила его применения были изданы 4 сентября 2018 г. 329 статей направлены на регулирование несостоятельности. В свою очередь, они дополняются различными нормативными актами, изданными Министерством торговли, Министерством юстиции и Комиссией по делам о банкротстве.

Единственными международными договорами о взаимном исполнении судебных решений, стороной которых выступает Саудовская Аравия, являются Договор Лиги арабских государств об исполнении судебных решений, подписанный в Эр-Рияде 16 апреля 1983 г., и Конвенция Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива об исполнении судебных решений 1996 г.

Традиционно суды Саудовской Аравии отказывались признавать решения, вынесенные в юрисдикциях, не имеющих договоров о взаимном исполнении решений с королевством, последний раз в 2018 г. вынесен отказ в признании решения английского суда. Такой результат был обусловлен ограничением пределов применения категории «взаимность»: наличие взаимности признавалось аравийским судом исключительно в случае наличия международного договора или двустороннего соглашения о правовой помощи.

В то же время в Объединенных Арабских Эмиратах ситуация несколько иная. Здесь действуют одновременно два правовых режима, которые потенциально применяются в ситуа-

циях трансграничной несостоятельности. Гражданско-правовой режим ОАЭ, действующий на основной территории страны, не устанавливает специального порядка признания иностранного решения по делу о несостоятельности, на такие решения будут распространяться общие, универсальные положения Гражданского процессуального закона о приведении в исполнение иностранных судебных решений, не учитывающие специфику банкротных споров. Вместе с тем для двух специальных зон — Dubai International Financial Centre (DIFC) и Abu Dhabi Global Market (ADGM) — существует иной порядок признания, основанный на положениях Типового закона ЮНСИТРАЛ, воспринятых Законом о несостоятельности ОАЭ. В результате закрепления такого режима признания, несмотря на жесткие критерии признания решений иностранных судов в ОАЭ, на территории особых экономических зон сложилась современная и передовая практика, соответствующая международным принципам и тенденциям, которая значительно повысила ценность указанных территорий для иностранных инвесторов со всего мира и интерес к ним. Показательным примером является недавняя редомициляция компаний NMC, ранее базировавшихся в ОАЭ, в ADGM с целью получения возможности реализации процедуры несостоятельности в соответствии с принципами Типового закона ЮНСИТРАЛ.

В Китае вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений по делам о трансграничной несостоятельности разрешаются с применением специального закона, Закона о банкротстве КНР, и Гражданского процессуального закона КНР. Основания для признания в целом сходны с основаниями, закрепленными в Федеральном законе от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», что отнюдь не случайно, поскольку гражданское законодательство КНР и России достаточно близко, что во многом обусловлено и общими корнями — влиянием советского законодательства. Для признания иностранных судебных решений необходимо представить доказательства, что иностранное судебное решение обладает юридической обязательной силой и подлежит исполнению на территории государства,

которое его вынесло. Признание может быть осуществлено с использованием двух возможных оснований: действующего международного соглашения о правовой помощи (таких у КНР заключено уже более 39), предусматривающего взаимное признание судебных решений, или наличия взаимности.

Признание иностранных банкротств не может нарушать основных принципов внутреннего законодательства или посягать на общественные интересы, угрожать национальной безопасности, ущемлять законные права и интересы кредиторов на территории КНР, т.е. противоречить публичному порядку КНР. Пожалуй, это один из примеров наиболее полной и точной формулировки публичного порядка.

Протоколом заседания совета Верховного народного суда по делам о несостоятельности 2018 г. закреплено, что Китай стремится использовать новый подход к применению принципа взаимности¹⁵, что ознаменовало готовность перехода Китая от обособленного и закрытого развития к открытости в международных отношениях и в скором времени отразилось на судебной практике — в виде смягчения позиций китайских судов и увеличения числа признанных на основе критерия взаимности решений иностранных судов. Следует отметить, что благодаря данной инициативе Китаю удалось значительно улучшить статистику признания решений китайских судов за рубежом (признание судом США решения по делу Zhejiang Topoint Photovoltaic Co, Ltd., Reward Science and Technology Industry Group, признание в Гонконге — по делу CEFC Shanghai International Group Limited и др.).

Обращаясь к опыту Российской Федерации, следует отметить, что признание иностранных банкротств в соответствии с Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» возможно при соблюдении следующих условий: наличие международного договора или

соблюдение принципа взаимности¹⁶. При этом наблюдается ряд проблемных аспектов:

Во-первых, ввиду отсутствия специальных международных договоров, в том числе и двусторонних, российскому суду приходится проводить анализ допустимости использования того или иного международного или двустороннего соглашения о правовой помощи для банкротного спора. Например, в постановлении от 31.07.2023 по делу № А40-25652/2023 Арбитражным судом Московского округа при рассмотрении кассационной жалобы должника на решение Арбитражного суда г. Москвы о признании решений суда Республики Армении по заявлению управляющего по делу о банкротстве были использованы ссылки на Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22.01.1993 и Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, от 20.03.1992. Обращаясь к данным актам, суд указал на соблюдение внешним управляющим требований, предъявляемых к порядку предъявления ходатайства в российский суд о признании иностранного судебного решения, а также на несостоятельность доводов истца о противоречии испрашиваемого признания публичному порядку. Несмотря на то что вышеупомянутые конвенции не содержат указаний на порядок признания и исполнения решений по банкротным спорам, для анализа соблюдения судом процессуальных и материальных аспектов их использование следует признать успешным.

Во-вторых, такое основание, как взаимность, в российской судебной практике традиционно применяется не проактивно, расширительно. Напротив, при ссылке на данное основание необходимо предъявить доказательства признания иностранным судом российских решений на регулярной основе. Подход российских судов можно проследить на примере дела «ВК Фэ-

¹⁵ Стрелкова И. И. Законодательство Китая о банкротстве: основные этапы эволюции // Юридические исследования. 2017. № 1. С. 75.

¹⁶ Костин А. А. Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи: анализ российского и иностранного опыта // Закон. 2022. № 5. С. 75.

мили Прайвит Фаундейшн» (ПАО «Банк Санкт-Петербург») о признании решения суда Кюрасао о признании банкротом частного фонда «ВК Фэмили Прайвит Фаундейшн» на территории Российской Федерации¹⁷, в рамках которого суд установил наличие взаимности.

В-третьих, в последние годы порядок признания трансграничной несостоятельности, применяемый российскими судами, прежде исключительно территориальный, всё больше приобретает универсальные черты. Процесс

наблюдается с появления осторожной судебной практики до публикации определения Верховного Суда РФ от 08.02.2024 № 305-ЭС23-15177, от публикации позиции Верховного Суда РФ до представления проекта соглашения Министерством экономического развития РФ.

В результате компаративистского анализа можно сделать вывод, что модель признания иностранных банкротств, универсальная для всех рассмотренных государств, состоит из следующих ключевых элементов (см. рисунок).

Универсальная модель признания иностранного банкротства¹⁸

¹⁷ В данном деле суд аргументировал взаимность следующим образом: «В Кюрасао сложилась устойчивая практика признания решений судов РФ, включая решения по делам о банкротстве. В частности, Верховный суд Нидерландов в г. Гааге, который является высшим судебным органом Кюрасао, решением от 26.09.2014 по делу № А56-42444/201513/04272 признал решение, вынесенное судом Черемушкинского района г. Москвы, решениями от 19.12.2008 по делу № 07/11447 и от 19.09.2013 по делу № 11/00860 были признаны решения о банкротстве по делу ПК «Юкос», вынесенные Арбитражным судом города Москвы» (определение Арбитражного суда Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 21.01.2016 по делу № А56-42444/2015 // СПС «КонсультантПлюс»).

¹⁸ Диаграмма составлена автором по результатам исследования.

По итогам компаративистского анализа следует сделать вывод, что заключение специального многостороннего международного договора, регулирующего вопросы трансграничной несостоятельности, разумеется, позволило бы решить проблему неопределенности в признании иностранных банкротств, однако заключение универсального международного договора для стран различных правовых традиций и с региональными особенностями представляется еще более призрачной перспективой решения проблемы, нежели заключение двусторонних специальных соглашений. Причем причиной тому становятся вовсе не санкции и противоречия на мировой арене, а значительные отличия регулирования несостоятельности на территории разных стран: от качественных различий в понимании сущности и целей указанного института до значительных противоречий в выделении критериев компетентной юрисдикции и выборе модели правового регулирования. В этой связи на международном уровне регламентация трансграничной несостоятельности достигла существенных успехов в рамках региональных моделей правового регулирования, объединяющих страны, правовые традиции которых близки, а следовательно, возможность компромисса значительно выше. В связи с этим большие надежды внушает представленный Министерством экономического развития РФ проект соглашения о трансграничном банкротстве со странами СНГ, включивший как прошлые значительные наработки министерства в данной сфере на основе текста Типового закона ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г., так и сходные черты правового регулирования стран постсоветского пространства.

Кроме того, представляется, что принятие исключительно одного международного соглашения без транспонирования ключевых положений в национальное законодательство не вполне эффективно, неслучайно наиболее успешной следует считать именно европейскую модель правового регулирования, нормы соглашений и регламентов которой подлежат транспонированию в национальное законодательство стран — участниц Европейского Союза. В этой

связи целесообразно вернуться к рассмотрению возможности закрепления на уровне национального законодательства Российской Федерации хотя бы минимального набора норм, регламентирующих вопросы трансграничной несостоятельности по отношению не только к российским должникам, но и к иностранным.

Для начала необходимо проанализировать обоснованность рисков, отмеченных некогда Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства, нарушения публичного порядка Российской Федерации в результате принятия норм, предоставляющих возможность иностранным юрисдикциям вмешиваться в рассмотрение споров по делам о трансграничной несостоятельности российскими судами.

Следует отметить, что негативная реакция на представленный проект во многом обусловлена слишком резкими и значительными предлагаемыми изменениями. Кроме того, эксперты опасались, что включение положений о регулировании трансграничной несостоятельности может привести к возникновению острых экономических противоречий, перерастающих в противоречия интересов соответствующих государств, а следовательно, к риску нарушения публичного порядка Российской Федерации.

По первому доводу необходимо согласиться с позицией экспертов о том, что резкое и значительное изменение действующего законодательства может вызвать ряд негативных аспектов, таких как трудности для участия в процедуре несостоятельности российских кредиторов, увеличение количества случаев переноса в иную юрисдикцию центра основных интересов должника в целях исключить юрисдикцию российских судов, а также неэффективность использования модели параллельных производств. При этом за 14 лет ситуация в стране значительно изменилась. Ввиду сложившейся политической и международной обстановки рассмотрение споров о трансграничной несостоятельности в российских судах соответствует целям защиты прав отечественных должников и ответчиков, которые могут не получить надлежащей правовой защиты и удовлетворения своих интересов в иностранной юрисдикции. Кроме того,

включение в действующее законодательство норм, регулирующих вопросы трансграничной несостоятельности, способно, по мнению автора, привести к увеличению числа признаваемых за рубежом отечественных банкротств. Данный вывод подтверждается тем, что по итогам компаративистского анализа особенностей признания иностранных банкротств на территории зарубежных государств выявлена общая тенденция — при принятии решения судом о возможности признания проводится анализ не фактических аспектов дела о трансграничной несостоятельности, а соблюдения процессуальных аспектов, таких как юридическая сила решения, компетентность суда, предоставление и защита прав и гарантий участников процесса. Закрепление оснований юрисдикции российского суда в национальном законодательстве будет способствовать представлению иностранному суду обоснованной позиции в части наличия соответствующей юрисдикции.

Для оценки второго довода необходимо проанализировать особенности оговорки о публичном порядке в качестве защитного инструмента отечественного правопорядка.

Очевидно, что категория публичного порядка как не предусматривает блокировку применения правовых норм (только последствий), так и не включает в себя вопросы юрисдикционной компетенции.

В этой связи само принятие в рамках действующего законодательства новых норм, регулирующих вопросы трансграничной несостоятельности, не может нарушать публичного порядка, но регламентация практики по делам о трансграничной несостоятельности на уровне нормативного документа снизит гибкость и степень самостоятельности судов при рассмотрении такой категории споров.

Кроме того, нецелесообразно транспонирование большого числа норм из разработанного Министерством экономического развития РФ проекта, поскольку он, несомненно, предусматривает преференциальный режим для стран СНГ, который не может быть предоставлен всем без исключения зарубежным странам, тем более в условиях санкционного противостояния. В этой связи на уровне национального законо-

дательства для снижения рисков, возникающих в результате принятия жестких требований, необходимо отдельное закрепление в специальном нормативном правовом акте оговорки о публичном порядке, учитывающей специфику сферы несостоятельности, но закрепляющей универсальные пределы использования механизма.

Использование оговорки о публичном порядке возможно как на стадии инициирования трансграничной несостоятельности, определения процедуры удовлетворения интересов кредиторов и реструктуризации долга, рассмотрения обособленных споров в рамках трансграничной несостоятельности, так и непосредственно в разрезе института признания иностранного банкротства на территории иного государства. В зависимости от стадии, в рамках которой суд принимает решение о необходимости применения оговорки о публичном порядке, прослеживается разное целевое назначение данного механизма: защита прав кредиторов как наиболее слабой стороны, блокирование действия норм иностранного правопорядка, несовместимых с правопорядком, в рамках которого рассматривается спор или испрашивается признание, и нарушающих фундаментальные принципы, отказ в содействии и правовой помощи и иные цели.

Оговорка о публичном порядке не должна являться основанием для пересмотра судом дела или проверки правильности процесса: публичный порядок направлен исключительно на защиту неотъемлемых прав и гарантии прав должника, кредиторов и иных участвующих в деле о банкротстве лиц, а также на защиту основ экономического строя государства.

Таким образом, в результате сравнительного анализа выявлены особенности признания иностранных банкротств в различных странах, которые свидетельствуют о формировании индивидуальных моделей и практики решения данного вопроса с учетом правовых традиций и политических особенностей того или иного государства, не исключением стала и Российская Федерация. В регулировании признания иностранных банкротств в России всё еще присутствует множество проблемных аспектов, которые необходимо ко-

ренным образом проанализировать и урегулировать на нормативном уровне. С учетом опыта зарубежных стран следует сделать вывод о том, что урегулирование противоречий при разрешении споров о трансграничной несостоятельности в настоящий момент не эффективно ни в рамках двусторонних отношений государств, ни в рамках глобального международного взаимодействия. При этом отсутствие развитого правового регулирования на уровне государства имеет такие негативные последствия, как непоследовательная практика рассмотрения банкротных споров, осложненных иностранным элементом, на территории Российской Федерации, трудности при признании иностранных банкротств как в России, так и за рубежом.

В этой связи целесообразно внесение изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» касательно регулирования трансграничной несостоятельности. В частности, представляется наиболее актуальным нормативное закрепление возможности открытия на территории Российской Федерации производств

по делам о трансграничной несостоятельности в отношении активов, расположенных на территории Российской Федерации, и критериев, на основании которых будет определяться подсудность спора российскому суду. С учетом сложившейся практики предлагается включение таких критериев, как:

- принцип наиболее тесной связи;
- направленность деятельности иностранного должника на территорию Российской Федерации;
- экономическое присутствие.

Кроме того, следует уточнить категорию публичного порядка с учетом специфики сферы банкротных споров. Помимо этого, автор считает необходимым закрепить, что категория публичного порядка призвана обеспечить справедливый баланс интересов кредиторов и должника, что соответствует не только современным тенденциям трансформации отношений в сфере несостоятельности, но и отражает реальную ситуацию, в которой кредитор не всегда действительно выступает слабой стороной.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бахин С. В., Леонтьева Е. А. Международно-правовая унификация регулирования трансграничной несостоятельности // Журнал международного частного права. — 2001. — № 4 (34). — С. 15–42.
2. Дубинчин А. А. Правовое регулирование несостоятельности (банкротства) юридического лица : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — 215 с.
3. Костин А. А. Признание иностранных решений об открытии процедуры банкротства на основании международных договоров о правовой помощи: анализ российского и иностранного опыта // Закон. — 2022. — № 5. — С. 75–92.
4. Мохова Е. В. Трансграничные банкротства за рубежом и в России: в поисках баланса между универсализмом и территориальностью // Закон. — 2016. — № 5. — С. 137–149.
5. Рягузов А. А. Правовое регулирование трансграничной несостоятельности : дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2008. — 62 с.
6. Собина Л. Ю. Признание иностранных банкротств в международном частном праве. — М. : Статут, 2012. — 236 с.
7. Andersen K. The cross-border insolvency paradigm: a defense of the modified universal approach considering the Japanese experiment // University of Pennsylvania Journal of Economic Law. — 2000. — No. 20.
8. Balz M. The European Convention on Insolvency Proceedings // American Bankruptcy Law Journal. — 1996. — No. 70.
9. Bebchuk L., Guzman A. T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // Journal of Law & Economics. — 1999. — Vol. 42.
10. Bufford S. L. Global Venue Controls Are Coming: A Reply to Professor LoPuck // American Bankruptcy Law Journal. — 2005. — No. 79.
11. Buxbaum H. Rethinking International Insolvency: The Neglected Choice-of-Law Rules and Theory // Stanford Journal of International Law. — 2000. — Vol. 36. — No. 23.

12. Fletcher I. F. International insolvency at the crossroads: a critical appraisal of current trends // Foundations and Perspectives of International Trade Law / I. F. Fletcher, L. Mistelis and M. Cremona (eds.). — London : Sweet & Maxwell, 2001.
13. Spigelman J. J. International commercial litigation: An Asian perspective // Australian Business Law Review. — 2007. — No. 10.
14. Virgós M., Garcimartin F. The EC Regulation on Insolvency Proceedings : A Practical Commentary. — The Hague: Kluwer Law International. — 2004. — 28 p.
15. Westbrook J. Theory and Pragmatism in Global Insolvencies: Choice of Law and Forum // American Bankruptcy Law Journal. — 1991. — No. 65.
16. Wood P. R. The Bankruptcy Ladder of Priorities // Business Law International. — 2013. — No. 14.

Материал поступил в редакцию 23 октября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bakhin S. V., Leonteva E. A. Mezhdunarodno-pravovaya unifikatsiya regulirovaniya transgranichnoy nesostoyatelnosti // Zhurnal mezhdunarodnogo chastnogo prava. — 2001. — № 4 (34). — S. 15–42.
2. Dubinchin A. A. Pravovoe regulirovanie nesostoyatelnosti (bankrotstva) yuridicheskogo litsa: dis. ... kand. yurid. nauk. — Ekaterinburg, 1999. — 215 s.
3. Kostin A. A. Priznanie inostrannykh resheniy ob otkrytii protsedury bankrotstva na osnovanii mezhdunarodnykh dogovorov o pravovoy pomoshchi: analiz rossiyskogo i inostrannogo opyta // Zakon. — 2022. — № 5. — S. 75–92.
4. Mokhova E. V. Transgranichnye bankrotstva za rubezhom i v Rossii: v poiskakh balansa mezhdunarodnogo i territorialnogo prava // Zakon. — 2016. — № 5. — S. 137–149.
5. Ryaguzov A. A. Pravovoe regulirovanie transgranichnoy nesostoyatelnosti: dis. ... kand. yurid. nauk. — M., 2008. — 62 s.
6. Sobina L. Yu. Priznanie inostrannykh bankrotstv v mezhdunarodnom chastnom prave. — M.: Statut, 2012. — 236 s.
7. Andersen K. The cross-border insolvency paradigm: a defense of the modified universal approach considering the Japanese experiment // University of Pennsylvania Journal of Economic Law. — 2000. — No. 20.
8. Balz M. The European Convention on Insolvency Proceedings // American Bankruptcy Law Journal. — 1996. — No. 70.
9. Bebachuk L., Guzman A. T. An Economic Analysis of Transnational Bankruptcies // Journal of Law & Economics. — 1999. — Vol. 42.
10. Bufford S. L. Global Venue Controls Are Coming: A Reply to Professor LoPuck // American Bankruptcy Law Journal. — 2005. — No. 79.
11. Buxbaum H. Rethinking International Insolvency: The Neglected Choice-of-Law Rules and Theory // Stanford Journal of International Law. — 2000. — Vol. 36. — No. 23.
12. Fletcher I. F. International insolvency at the crossroads: a critical appraisal of current trends // Foundations and Perspectives of International Trade Law / I. F. Fletcher, L. Mistelis and M. Cremona (eds.). — London: Sweet & Maxwell, 2001.
13. Spigelman J. J. International commercial litigation: An Asian perspective // Australian Business Law Review. — 2007. — No. 10.
14. Virgós M., Garcimartin F. The EC Regulation on Insolvency Proceedings: A Practical Commentary. — The Hague: Kluwer Law International. — 2004. — 28 p.
15. Westbrook J. Theory and Pragmatism in Global Insolvencies: Choice of Law and Forum // American Bankruptcy Law Journal. — 1991. — No. 65.
16. Wood P. R. The Bankruptcy Ladder of Priorities // Business Law International. — 2013. — No. 14.

Доктрина Дж. Л. Кунца о системных изменениях науки международного права в XX в.

Аннотация. Анализ научного наследия австрийско-американского юриста-международника Джозефа Лоуренца Кунца (1890–1970) особенно актуален в сфере вопросов истории новой и новейшей зарубежной науки международного права. Исследование адаптирует совокупность методов интеллектуальной истории, юридической герменевтики и формальной логики с целью выявления сущности научных представлений Дж. Л. Кунца о системных изменениях международного права и его науки в XX в. Выявлено, что Кунц негативно оценивал смешение международного публичного и международного частного права, полагая такие опыты несостоятельными и вредящими развитию единственно подлинной международно-правовой науки — науки международного публичного права. Признавая беспрецедентные изменения в международном праве с 1914 г., Кунц указывал, что появление новых отраслей международного права, переход от адаптации частноправового инструментария к публично-правовому, появление многообразных международных организаций и иные новые тенденции международного общения вызвали к жизни острые дискуссии между представителями различных направлений международно-правовой мысли: юридического позитивизма, социологических подходов к международному праву, школы естественного права и прочих научных школ. Демонстрируется, что Кунц отчасти разделял оптимизм относительно движения системы международного права в сторону глобального общества, подчеркивая, что наука международного права должна своевременно и адекватно реагировать на изменения. Однако современное движение государств в сторону построения многополярного мирового порядка позволяет говорить о центральности принципа плюрализма суверенных государств, а не о формировании монистического глобального общества. Результаты исследования могут быть применены в учебном процессе в сфере теории и истории международного права.

Ключевые слова: наука международного права; доктрина в международном праве; система науки международного права; Венская школа международного права; Дж. Кунц; плюрализм; солидаризм; глобальное общество; теория международного права; интеллектуальная история; транснациональное право.

Для цитирования: Сигаури-Горский Е. Р. Доктрина Дж. Л. Кунца о системных изменениях науки международного права в XX в. // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 172–180. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.172-180.

© Сигаури-Горский Е. Р., 2025

* Сигаури-Горский Егор Русланович, аспирант кафедры международного права МГИМО МИД России, научный сотрудник Центра изучения Вьетнама и АСЕАН ИКСА РАН
пр. Вернадского, д. 76, г. Москва, Российская Федерация, 119454
gyers91@gmail.com

J.L. Kunz's Doctrine on Systemic Transformations in the Science of International Law during the 20th Century

Egor R. Sigauri-Gorsky, Postgraduate Student, Department of International Law, MGIMO University, Research Fellow, Center for Vietnam and ASEAN Studies, Institute of Asian and Asian Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
gyers91@gmail.com

Abstract. The analysis of the scientific legacy of the Austrian-American international lawyer Joseph Lawrence Kunz (1890–1970) holds particular relevance for studying the history of modern and contemporary foreign science of international law. This research adapts methodological tools from intellectual history, legal hermeneutics, and formal logic to examine Kunz's conceptual framework regarding systemic transformations in international law and its doctrine during the 20th century. The study reveals that Kunz critically assessed the conflation of public and private international law scholarship, considering such approaches theoretically flawed and detrimental to the development of what he viewed as the only genuine legal science — that of public international law. While acknowledging unprecedented changes in international law since 1914, Kunz observed that emerging new branches of international law, the shift from private to public legal instruments, the proliferation of international organizations, and other novel trends in international relations had sparked intense debates among various schools of thought: legal positivism, sociological approaches to international law, natural law theory, and other doctrinal movements. The paper demonstrates that Kunz partially shared the optimistic vision of international law evolving toward a «global society», emphasizing that the science of international law must respond promptly and adequately to these transformations. However, contemporary trends toward a multipolar world order reaffirm the centrality of pluralism among sovereign states rather than the formation of a monistic «global society». The research findings hold pedagogical value for theoretical and historical studies of international law.

Keywords: science of international law; doctrine in international law; system of science of international law; Vienna School of International Law; J. Kunz; pluralism; solidarism; global society; theory of international law; intellectual history; transnational law.

Cite as: Sigauri-Gorsky ER. J.L. Kunz's Doctrine on Systemic Transformations in the Science of International Law during the 20th Century. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):172-180. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.172-180.

Введение: вехи интеллектуальной биографии

Фигура Джозефа Лоуренса Кунца (1890–1970) по праву занимает одно из ведущих мест в истории науки международного права XX в. Дж. Кунц родился в Вене 1 апреля 1890 г. Получил две докторские степени в Венском университете¹. До переезда в США, где он преподавал международное право на юридическом факультете Университета Толедо с 1934 г. и до выхода на пенсию, Дж. Кунц был приват-доцентом по

международному праву в Венском университете и консультантом Министерства иностранных дел Венгрии по делу о венгерско-румынских опантах². Будучи представителем Венской школы международного права, сформировавшейся вокруг главного теоретика нормативизма Г. Кельзена (1881–1973), Кунц внес существенный вклад в общую теорию международного права, одновременно с этим проявляя живой интерес к латиноамериканской философии права и правовой практике латиноамериканских

¹ Dr. Joseph L. Kunz, Writer on Law, 80 // The New York Times. Aug. 7, 1970. URL: <https://www.nytimes.com/1970/08/07/archives/dr-joseph-l-kunz-writer-on-law-80.html> (дата обращения: 09.11.2024).

² См.: Hungarian optants in Romania 1919–1946 // United Nations Library & Archives. URL: <https://archives.ungeneva.org/optants-hongrois-en-roumanie> (дата обращения: 09.11.2024).

государств, опубликовав множество монографий на испанском языке³.

Для данной работы международно-правовая доктрина Дж. Кунца представляет особый интерес ввиду того, что вопросы науки международного права, ее истории, назначения и прогрессивного развития занимают в ней особое место. Не менее актуальным представляется исследование доктринальных представлений Кунца о науке международного права в контексте вышеобозначенной Венской школы, возникшей в короткий период существования Первой Австрийской Республики (1918–1934). Эта школа оставила после себя значительный и своеобразный свод теоретических работ, касающихся международного права, общей теории права и государства, политической теории и социальной философии. Помимо Кельзена и Кунца, среди авангарда Венской школы выделяют Феликса Кауфманна (1895–1949), Фрица Шрайера (1897–1981), Адольфа Дж. Меркля (1890–1970), Альфреда Фердросса (1890–1980) и др.⁴ Меркль и Фердросс впоследствии дистанцировались от нормативистской парадигмы. Впрочем, отмечается, что в своем понимании международного права и сам Кунц хотя и сохранял некоторые идеи Кельзена, но в то же время и скептически оценивал некоторые из них (например, о *bellum justum*)⁵. В то же время именно Дж. Кунц, составив краткий академический обзор вклада

Венской школы в международное право, после эмиграции в США способствовал распространению идей Венской школы в Америке⁶.

Системные проблемы международного права и его науки в XX в.

Первой и главной задачей науки международного права, по мысли Кунца, является представление действующего международного права во всей полноте и систематизированном виде. Однако наука международного права традиционно сталкивается с проблемой *системности*, т.к. система публично-частного международного права (*public-private international law*)⁷ *несостоятельна*, поскольку не является системой одной и той же науки. Подлинно *международным* в соответствующем смысле слова, по мнению Кунца, является именно *международное (публичное) право*⁸. Вопрос о соотношении международного частного и международного права, разумеется, является давним предметом обсуждений как в отечественной, так и в зарубежной международно-правовой литературе⁹. Наше исследование не ставит целью подробное погружение в эту проблему. Однако данный тезис Кунца представляется справедливым. Как отмечал Д. И. Фельдман, «по мнению многих специалистов международного частного права,

³ Briggs H. W. Joseph L. Kunz (1890–1970) // American Journal of International Law. 1971. Vol. 65. Iss. 1. P. 129.

⁴ Carrozza P. Kelsen and Contemporary Constitutionalism: The Continued Presence of Kelsenian Themes // Kelsenian Legal Science and the Nature of Law / P. Langford, I. Bryan, J. McGarry (eds.). Springer, 2017. P. 76. (Law and Philosophy Library. Vol. 118.)

⁵ Mitchell R. International Law as a Coercive Order: Hans Kelsen and the Transformation of Sanction // Indiana International & Comparative Law Review. 2019. Vol. 29. No. 2. P. 270.

⁶ Spitra S. M. After the Great War: International Law in Austria's First Republic, 1918 — mid 1920 // Historie du droit international. 2020. Vol. 18. P. 14.

⁷ Речь в данном случае идет о проблеме смешения международно-правовой науки с наукой международного частного права — наукой цивилистической.

⁸ Kunz J. L. The Systematic Problem of Science of International Law // The American Journal of International Law. 1959. Vol. 53. No. 2. P. 379.

⁹ На наш взгляд, исчерпывающий анализ данной темы был представлен Г. М. Вельяминовым. См.: Вельяминов Г. М. Соотношение международного права и международного частного права (ч. 1) // Московский журнал международного права. 2005. № 1. С. 3–21; Он же. Соотношение международного права и международного частного права (ч. 2. Окончание) // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 3–21.

оно входит в гражданское право, а наука международного частного права является одной из гражданско-правовых наук. В классификационном ряду юридических наук международное частное право находится на стыке между гражданским правом и международным публичным правом (курсив наш. — Е. С.-Г.)»¹⁰. Говоря о понимании системы международного права и, как его отражения, системы науки международного права, Г. И. Тункин указывал на тенденции смешения различных по характеру правовых норм в концепциях транснационального права¹¹, которое охватывает международное, международное частное право и даже в определенной мере национальное право государств¹². Подобный подход адаптирует современный китайский юрист-международник проф. Хуан Цзинь, который вводит концепцию макронауки международного права, стремясь расширить рамки традиционной трактовки науки международного права. По его мысли, сегодня международное право уже не является традиционным международным публичным правом, но есть «совокупность норм правового поведения, имеющих обязательную силу, представляющих собой гармонию государственных волей и регулирующих все виды международных отношений (а не только политические отношения между государствами). Наука права, которая под ма-

кроскопическим углом зрения систематически изучает эти международные нормы, и есть та самая макронаука международного права»¹³. В отечественной литературе философ В. Н. Алалыкин-Извеков утверждает, что «возникла новая категория глобальных “наук”, например Большая история, всемирная история, универсальная история, мегаистория, макросоциология, макроэкономика, космическая наука, наука о планетах (планетология), наука об окружающей среде, наука о климате (климатология), наука о жизни, наука о Земле, системная наука и др. Фактически все они являются обширными междисциплинарными областями, которые могут включать как многие существовавшие ранее, так и совершенно новые науки и дисциплины»¹⁴. Тем не менее В. Н. Алалыкин-Извеков не касается подобного опыта среди юридических наук. На наш взгляд, подобный подход вряд ли эффективно применим к вопросу об объединении наук международного и международного частного права в рамках единой макронауки. Вопреки известной близости и тесному взаимодействию международно-правовой науки и науки международного частного права, попытка их смешения в единое создает препятствия для их развития в индивидуальной и взаимосвязанной перспективе. Международное частное право, в отличие от международного права, регулирует

¹⁰ Фельдман Д. И. О системе международного права // XXI Ежегодное собрание Советской ассоциации международного права, 31 января, 1 и 2 февраля 1978 г. : тезисы докладов. М., 1978. С. 13.

¹¹ Научное направление транснационального права восходит к Гарвардской школе права и получило широкое распространение в американской юридической науке. В 1968 г. вышла одноименная книга А. Чейеса, Т. Эрлиха и А. Лоуэнфельда, где авторы обосновывают смещение исследовательской оптики с содержания международно-правовых норм к тому, как они применяются акторами во внешней политике. Данная концепция предвосхищала опыты включения негосударственных субъектов в исследования международно-правовой науки (см.: Hathaway O. A., Koh H. H. Foundations of International Law and Politics. New York : Foundation Press, 2005. P. 190–191). Ныне имеет место тенденция к слиянию данной школы с известной своим политико-ориентированным подходом Нью-Хэйвенской школой международного права Йельского университета.

¹² Тункин Г. И. XXV Съезд КПСС и основные проблемы советской науки международного права // Советский ежегодник международного права. 1976. М. : Наука, 1978. С. 19.

¹³ Huang J. On Macro-Science of International Law and International Law System // Archiv des Völkerrechts. 1993. 31. Bd. No. 4. P. 383.

¹⁴ Алалыкин-Извеков В. Н. Макронауки и макротеории как производные и составляющие научной цивилизационной парадигмы // Эволюция. Мегаистория и глобальная эволюция : материалы симпозиума. Волгоград : Учитель, 2015. С. 160.

международные отношения гражданско-правового характера между *несуверенными* субъектами международной жизни¹⁵. Различные объектные и методологические (методы правового регулирования) компоненты международного и международного частного права не позволяют им существовать в качестве единой правовой системы и единой отрасли юридической науки. Неслучайно в связи с этим паспорта научных специальностей номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Министерства науки и высшего образования РФ от 24.02.2021 № 118, разделяют международное право и международное частное право как принадлежащие к международно-правовым (5.1.5) и к частно-правовым (цивилистическим) наукам (5.1.3)¹⁶ соответственно.

Примечательно доктрину Кунца в связи с этим оценивает современный израильский теоретик транснационального права О. Перез: «В правовой сфере вестфальский нарратив был преобразован в артикулированную доктрину действительности и авторитета (*validity and authority*). Эта доктрина в той форме, в которой она излагается здесь, представляет собой то, что я называю “чистым видением международного права”. Одним из наиболее красноречивых сторонников тезиса о чистоте был Дж. Кунц. Он утверждал, что международное право регулирует создание международных норм посредством двух иерархически упорядоченных процедур: обычая и договора. Обе основаны на понятии согласия государства»¹⁷. Впрочем, как сторонник школы транснационального права Перез отвергает классический строгий иерархический подход к созданию между-

народно-правовых норм Кунца. Желаемый вид современного международного права Перез характеризует как процесс полиморфизма, внутренне порожденный процесс усложнения системы международного права: «Это чисто внутреннее явление — внутренне обусловленная реконструкция оснований права, при этом право реагирует на внешние источники, но не уступает им. Обращение к демократии, науке, морали, прямому согласию и технологии является не признаком колонизации права, а скорее расширением горизонта возможностей, посредством которых международное право в своих различных реализациях реагирует на внешнее давление. Но процесс полиморфизма представляет собой более глубокое послание. Он порождает новый вид глобального права — поистине космополитическое явление. Единство этого нового корпуса глобального права не вытекает из идеала национального суверенитета или из некоей спроецированной глобальной иерархии; скорее оно конституируется посредством общего обращения к концепциям нормативности и обоснования, которые постулируются как универсально применимые различия»¹⁸. Подобный опыт представления оснований международного права как укорененных в многообразных размытых неправовых источниках (социальная солидарность, общедемократические/общечеловеческие ценности, религиозные постулаты и т.д.) в целом не является разительно новым для истории новой и новейшей науки международного права. В конечном итоге Перез приходит к тому же желаемому глобальному праву всемирного общества, о котором писали представители солидаризма в международно-правовой науке¹⁹.

¹⁵ Международное частное право: современные проблемы : в 2 кн. М. : Наука, 1993. Кн. 1. С. 84.

¹⁶ Паспорта научных специальностей номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утв. приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 // Научная периодика. Консалтинговый центр. URL: <https://nppir.com/pasporta-vak/> (дата обращения: 09.11.2024).

¹⁷ Perez O. Purity Lost: The Paradoxical Face of the New Transnational Legal Body // Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper No. 23/2007. P. 4–5.

¹⁸ Perez O. Op. cit. P. 55.

¹⁹ См.: Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права / под ред. Д. А. Гайдукова. М. : Госюриздат, 1958. С. 65–68.

По верному замечанию Кунца, с 1914 г. международное право последовательно изменяется. С одной стороны, оно всё больше расширяется по охватываемой проблематике и содержанию, с другой — меняются уже устоявшиеся нормы, что приводит к неопределенности как в отдельных нормах, так и в целых отраслях и институтах. Формируются новые отрасли международного права, такие как международное трудовое, уголовное, финансовое, воздушное, космическое, ядерное право и др. Происходит переход от использования частноправовых категорий («сделки», «деликты» и пр.), характерного для времен Г. Гроция, к применению понятийного аппарата публичного права. Возрастает роль международных межправительственных и неправительственных организаций. Наблюдаются тенденции к надгосударственности/наднациональности в европейской интеграции. Такое развитие международного права бросило науке международного права множество вызовов в плане общего отношения к международному праву (от утопистов до неореалистов); методологии (атака на юридический позитивизм со стороны возрожденного естественного права и усиливающих свое влияние социологических и реалистических школ); в отношении фактического содержания многих международных норм, теоретических проблем и проблем построения, а также перспектив — от мрачных предсказаний хаоса до оптимистических пророчеств мирового права человечества²⁰. Действительно, XX век по праву можно полагать эпохой великих споров для истории науки международного права. На страницах научных журналов и монографий сталкиваются представители разнообразных научных школ и направлений международно-правовой мысли: теории согласования воли, юридического позитивизма и нормативизма, многообразных социологических подходов к международному праву, возрождается школа естественного права, складываются основы направления критических правовых исследований (Critical Legal Studies), глобального права, мирового конституционного и транснационального

права и многих других. Одновременно параллельно развитию науки международного права происходит обособление теории международных отношений, представители разнообразных научных школ которой вступают в яркие дискуссии с юристами-международниками относительно различных аспектов мирового порядка.

Заключение: диалектика тенденций развития глобального и плюралистического международного сообщества

В подтверждение высказанных тезисов Кунц ссылается на своего современника, выдающегося юриста-международника Кларенса Уилфреда Дженкса (1909–1973), который, хотя и не принимал сторону транснационального права, тем не менее исходил из того, что международное право в первой половине XX в. изменило характер и содержание до такой степени, что оно больше не может быть представлено в рамках классического права народов (Law of Nations). Дженкс рассматривает фактическое развитие международного права как тенденцию к общему праву человечества, только на ранней, несовершенной, ненадежной и шаткой стадии. Фактическая тенденция, по его мнению, направлена на право организованного мирового сообщества, всё еще на основе суверенных государств, но выполняющего всё больше общих функций через комплекс международных организаций. Право суверенных государств остается важной частью, но лишь частью, классического права народов²¹. Во многом Дж. Кунц здесь предвосхитил те тенденции международного общения, которые и сегодня получают всё большее расширение. Справедливо и то, что система науки международного права должна быть адекватна его системе в правовой и социально-политической, экономической реальностях. Еще Ф. Ф. Мартенс (1845–1909) верно отмечал, что система науки международного права должна удовлетворять двум ключевым требованиям: 1) охватывать всю область подлежащих ее изучению вопросов и

²⁰ Kunz J. L. Op. cit. P. 380–384.

²¹ Kunz J. L. Op. cit. P. 385.

2) привести последние в известный порядок, проникнутый одной общей идеей²². Однако идеи космополитического оптимизма многих представителей науки международного права XX в. вряд ли можно полагать воплотившимися в жизнь в XXI в. Вопреки беспрецедентному увеличению числа разнообразных международных организаций, а также тенденциям к консолидации международного сообщества государств на основе многосторонних форумов, современное международное право представляется по-прежнему регулирующим прежде всего *именно отношения между суверенными образованиями — государствами*. У сложившейся ситуации есть две стороны. С одной стороны, как отмечал первооткрыватель социологического направления в международно-правовой науке М. Губер (1874–1960), «к сожалению, свободный ход развития в международной сфере, особенно усилия по созданию лучших и более справедливых условий, сильно тормозится коллективным эгоизмом каждой нации»²³. Действительно, «эгоизм» государств, преследующих национальные интересы, является, пожалуй, ключевым препятствием для консолидации субъектов международного общения в единое мировое сообщество. Примечательно, что другой представитель социологического направления в международно-правовой науке, Б. Ландхир (1904–1989), убедительно доказывал ложность презумпции рациональности национального интереса в международных отношениях, что традиционно яро отстаивают представители политического реализма: «Всё, что может казаться

рациональным с точки зрения национальной политики власти, совершенно нерационально с точки зрения мирового общества. Только после того, как цели согласованы, возникают рациональные вопросы, требующие решения. Однако сами цели принадлежат к видению будущего, которое имеет мало или совсем ничего общего с рациональностью. Фактически мировое общество не более рационально, чем люди, которые его составляют, *но они могут хотеть мирового общества, а не конкуренции за власть. Точно так же нет ничего особенно рационального в национальных обществах* (курсив наш. — Е. С.-Г.)»²⁴. Однако в условиях перестройки современного мирового порядка на основе перехода к многополярности в политической и экономической сфере международных отношений уместнее говорить именно о тенденциях *плюрализма*, нежели чем о монистической консолидации в глобальное общество или мировую федерацию. В связи с этим представляется, что в конечном итоге именно идея о доминировании национального государства как ключевого актора в международных отношениях на основе принципа суверенитета, который является священным и нерушимым, отвечает внешнеполитическим интересам глобального большинства на современном этапе. Это, впрочем, совершенно не подразумевает неизбежности такой ситуации в будущем. На основе складывающегося плюрализма могут возникнуть совершенно новые тенденции к солидарности государств, наций и народов и новое движение к глобальному обществу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алалыкин-Извеков В. Н. Макронауки и макротеории как производные и составляющие научной цивилизационной парадигмы // Эволюция. Мегаистория и глобальная эволюция : материалы симпозиума. — Волгоград : Учитель, 2015. — С. 159–168.

²² Фельдман Д. И. О системе международного права // Советский ежегодник международного права. 1977. М. : Наука, 1979. С. 93.

²³ Huber M. Some Observations upon the Christian Understanding of International Law // The Universal Church and The World of Nations. London, 1938. P. 98. (The Official Oxford Conference Books. Vol. VII.)

²⁴ Landheer B. On the Sociology of International Law and International Society. Martinus Nijhoff, 1966. P. 54–55.

2. Вельяминов Г. М. Соотношение международного права и международного частного права (ч. 1) // Московский журнал международного права. — 2005. — № 1. — С. 3–21.
3. Вельяминов Г. М. Соотношение международного права и международного частного права (ч. 2. Окончание) // Московский журнал международного права. — 2005. — № 2. — С. 3–21.
4. Левин Д. Б. Основные проблемы современного международного права / под ред. Д. А. Гайдукова. — М. : Госюриздат, 1958. — 275 с.
5. Международное частное право: современные проблемы : в 2 кн. Кн. 1. — М. : Наука, 1993. — 272 с.
6. Тункин Г. И. XXV Съезд КПСС и основные проблемы советской науки международного права // Советский ежегодник международного права. 1976. — М. : Наука, 1978. — С. 11–30.
7. Фельдман Д. И. О системе международного права // Советский ежегодник международного права. 1977. — М. : Наука, 1979. — С. 91–116.
8. Briggs H. W. Joseph L. Kunz (1890–1970) // American Journal of International Law. — 1971. — Vol. 65. — Iss. 1. — P. 129.
9. Carrozza P. Kelsen and Contemporary Constitutionalism: The Continued Presence of Kelsenian Themes // Kelsenian Legal Science and the Nature of Law / P. Langford, I. Bryan, J. McGarry (eds.). Springer, 2017. (Law and Philosophy Library. Vol. 118.)
10. Hathaway O. A., Koh H. H. Foundations of International Law and Politics. — New York : Foundation Press, 2005. — 393 p.
11. Huber M. Some Observations upon the Christian Understanding of International Law // The Universal Church and The World of Nations. London, 1938. P. 97–143. (The Official Oxford Conference Books. Vol. VII.)
12. Huang J. On Macro-Science of International Law and International Law System // Archiv des Völkerrechts. — 1993. — 31. Bd. — No. 4. — P. 380–386.
13. Kunz J. L. The Systematic Problem of Science of International Law // The American Journal of International Law. — 1959. — Vol. 53. — No. 2. — P. 379–385.
14. Landheer B. On the Sociology of International Law and International Society. — Martinus Nijhoff, 1966. — 118 p.
15. Mitchell R. International Law as a Coercive Order: Hans Kelsen and the Transformation of Sanction // Indiana International & Comparative Law Review. — 2019. — Vol. 29. — No. 2. — P. 245–302.
16. Perez O. Purity Lost: The Paradoxical Face of the New Transnational Legal Body // Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper No. 23/2007. — P. 1–70.
17. Spitra S. M. After the Great War: International Law in Austria's First Republic, 1918 — mid 1920 // Historie du droit international. — 2020. — Vol. 18. — P. 1–30.

Материал поступил в редакцию 11 ноября 2024 г.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Alalykin-Izvekov V. N. Makronauki i makroteorii kak proizvodnye i sostavlyayushchie nauchnoy tsivilizatsionnoy paradigmy // Evolyutsiya. Megaistoriya i globalnaya evolyutsiya: materialy simpoziuma. — Volgograd: Uchitel, 2015. — S. 159–168.
2. Velyaminov G. M. Sootnoshenie mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnogo chastnogo prava (ch. 1) // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2005. — № 1. — S. 3–21.
3. Velyaminov G. M. Sootnoshenie mezhdunarodnogo prava i mezhdunarodnogo chastnogo prava (ch. 2. Okonchanie) // Moskovskiy zhurnal mezhdunarodnogo prava. — 2005. — № 2. — S. 3–21.
4. Levin D. B. Osnovnye problemy sovremennogo mezhdunarodnogo prava / pod red. D. A. Gaydukova. — M.: Gosyurizdat, 1958. — 275 s.
5. Mezhdunarodnoe chastnoe pravo: sovremennye problemy: v 2 kn. Kn. 1. — M.: Nauka, 1993. — 272 s.

6. Tunkin G. I. XXV Sezd KPSS i osnovnye problemy sovetskoy nauki mezhdunarodnogo prava // Sovetskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1976. — M.: Nauka, 1978. — S. 11–30.
7. Feldman D. I. O sisteme mezhdunarodnogo prava // Sovetskiy ezhegodnik mezhdunarodnogo prava. 1977. — M.: Nauka, 1979. — S. 91–116.
8. Briggs H. W. Joseph L. Kunz (1890–1970) // American Journal of International Law. — 1971. — Vol. 65. — Iss. 1. — P. 129.
9. Carrozza P. Kelsen and Contemporary Constitutionalism: The Continued Presence of Kelsenian Themes // Kelsian Legal Science and the Nature of Law / P. Langford, I. Bryan, J. McGarry (eds.). Springer, 2017. (Law and Philosophy Library. Vol. 118.)
10. Hathaway O. A., Koh H. H. Foundations of International Law and Politics. — New York: Foundation Press, 2005. — 393 p.
11. Huber M. Some Observations upon the Christian Understanding of International Law // The Universal Church and The World of Nations. London, 1938. P. 97–143. (The Official Oxford Conference Books. Vol. VII.)
12. Huang J. On Macro-Science of International Law and International Law System // Archiv des Völkerrechts. — 1993. — 31. Bd. — No. 4. — P. 380–386.
13. Kunz J. L. The Systematic Problem of Science of International Law // The American Journal of International Law. — 1959. — Vol. 53. — No. 2. — P. 379–385.
14. Landheer B. On the Sociology of International Law and International Society. — Martinus Nijhoff, 1966. — 118 p.
15. Mitchell R. International Law as a Coercive Order: Hans Kelsen and the Transformation of Sanction // Indiana International & Comparative Law Review. — 2019. — Vol. 29. — No. 2. — P. 245–302.
16. Perez O. Purity Lost: The Paradoxical Face of the New Transnational Legal Body // Comparative Research in Law & Political Economy. Research Paper No. 23/2007. — P. 1–70.
17. Spitra S. M. After the Great War: International Law in Austria's First Republic, 1918 — mid 1920 // Historie du droit international. — 2020. — Vol. 18. — P. 1–30.

СУДЕБНАЯ СИСТЕМА И СУДОУСТРОЙСТВО

DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.181-190

Д. А. Шаманский*

Проблемы эффективности организационно-распорядительных функций и полномочий судебной власти РФ

Аннотация. Актуальной задачей развития судебной системы РФ является совершенствование организации судопроизводства. Цель работы — определение проблем, препятствующих прогрессивному развитию судопроизводства в Российской Федерации. В статье раскрываются основные нормативно-правовые, административно-управленческие и организационно-распорядительные причины и обстоятельства, которые негативно влияют на эффективность российского судопроизводства. На этом фоне продолжается рост служебной нагрузки на офис судьи. Многие офисы судей не имеют возможности выполнять служебные обязанности в срок и в соответствии с установленными правилами внутреннего распорядка. Проблемы, связанные с полномочиями судей и излишней ответственностью работников аппаратов судов, также негативно влияют на развитие судопроизводства в Российской Федерации, создают условия для высокой текучести кадров в судебной системе. В статье обосновывается необходимость устранения выявленных проблем организации судопроизводства. В условиях децентрализованного делопроизводства полномочия офиса судьи должны быть четко регламентированы. Для развития и повышения эффективности системы централизованного делопроизводства предлагается создание новой должности — младшего секретаря судебного заседания.

Ключевые слова: судебная власть; судебная система; офис судьи; судья; секретарь судебного заседания; помощник судьи; аппарат суда; судопроизводство; делопроизводство.

Для цитирования: Шаманский Д. А. Проблемы эффективности организационно-распорядительных функций и полномочий судебной власти РФ // Актуальные проблемы российского права. — 2025. — Т. 20. — № 7. — С. 181–190. — DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.181-190.

Issues of Efficiency of Organizational and Administrative Functions and Powers of the Judicial Authority of the Russian Federation

Dmitriy A. Shamanskiy, Cand. Sci. (Law), Associate Professor Department of Criminal Law and Procedure, Law Institute, North Caucasian State Academy, Cherkessk, Russian Federation
shama.80@mail.ru

Abstract. The improvement of the organization of court proceedings is an urgent task for the development of the judicial system of the Russian Federation. The purpose of the study is to identify problems that impede the progressive development of court proceedings in the Russian Federation. The paper discloses the main regulatory,

© Шаманский Д. А., 2025

* Шаманский Дмитрий Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказской государственной академии
д. 36, Ставропольская ул., г. Черкесск, Российская Федерация, 369001
shama.80@mail.ru

administrative, managerial and organizational reasons and circumstances that adversely affect the effectiveness of Russian legal proceedings. Against the background of these problems, the official burden on the judge's office continues to grow. Many judges' offices are not capable to fulfill official duties in a timely manner and in accordance with established internal regulations. Problematic issues of the powers of judges and excessive responsibility of court staff also negatively affect the development of legal proceedings in the Russian Federation, create conditions for high staff turnover in the judicial system. The paper justifies the need to eliminate the identified organizational problems of court proceedings. In conditions of decentralized office work, the powers of the judge's office should be clearly regulated. In order to develop and improve the efficiency of the centralized records management system, it is proposed to establish a new position — a junior clerk of the court session.

Keywords: judiciary; judicial system; judge's office; judge; court session secretary; judicial assistant; court administration; court proceedings; record-keeping.

Cite as: Shamanskiy DA. Issues of Efficiency of Organizational and Administrative Functions and Powers of the Judicial Authority of the Russian Federation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2025;20(7):181-190. (In Russ.). DOI: 10.17803/1994-1471.2025.176.7.181-190.

Введение

В силу требований ст. 1 Федерального конституционного закона «О судебной системе в РФ»¹ отправление правосудия в стране осуществляют судьи, а также присяжные и арбитражные заседатели.

Деятельность судов обеспечивается Судебным департаментом при Верховном Суде РФ либо аппаратом соответствующего суда. Аппарат суда обеспечивает работу суда и подчиняется его председателю.

На основании ст. 6.2 Закона РФ «О статусе судей в РФ»² председатель суда организует работу суда, устанавливает правила внутреннего распорядка, распределяет обязанности между заместителями председателя, а также между судьями, осуществляет иные полномочия по организации работы суда.

Система делопроизводства и подчинение работников аппарата суда

Следует отметить, что в системе арбитражных судов РФ применяются две основные системы

организации делопроизводства: централизованная и децентрализованная. При централизованной системе создается отдельное подразделение, которое осуществляет все необходимые операции с делом и при необходимости передает готовое дело судье по запросу для проведения процессуальных действий. В данной системе секретарь судебного заседания работает не в составе офиса судьи, а в крупном отделе. При децентрализованной системе делопроизводство осуществляется непосредственно в офисе судьи помощником судьи, секретарем судебного заседания или специалистом. Здесь дело находится в офисе судьи до окончательного рассмотрения и последующей передачи его в архив. Термины «офис судьи», «децентрализованная» и «централизованная» системы делопроизводства впервые были закреплены в инструкции по делопроизводству в арбитражных судах РФ³. На основании изложенного видится целесообразным отличать работников аппарата суда от работников офиса судьи. Традиционно в состав офиса судьи входят: судья, помощник судьи, секретарь судебного заседания и иные специалисты. К работникам аппарата суда на-

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» // Российская газета. 06.01.1997. № 3.

² Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 27.11.2023) «О статусе судей в Российской Федерации» // Российская газета. 29.07.1992. № 170.

³ См.: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.12.2013 № 100 (ред. от 11.07.2014) «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в арбитражных судах Российской Федерации (первой, апелляционной и кассационной инстанций)» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 10.10.2024).

ряду с вышеперечисленными следует относить: IT-специалистов; работников кадровых служб, бухгалтерии; специалистов судебной практики; иных специалистов, которые не работают в офисе судьи.

Необходимо отметить, что не все судьи сегодня имеют возможность применять централизованную систему организации делопроизводства. Практически во всех судах применяется децентрализованная система делопроизводства. Это обусловлено отсутствием дополнительных помещений для организации централизованной системы либо тем, что офис судьи не всегда готов отказаться от секретаря судебного заседания. Непосредственное руководство офисом судьи (помощником судьи, секретарем судебного заседания, специалистом) осуществляет судья определенного офиса. В сложившейся ситуации и при реализации децентрализованной системы делопроизводства секретарь судебного заседания и помощник судьи де-факто подчиняются судье, а де-юре — председателю суда, его заместителям либо начальнику отдела. Соответственно, основную массу вопросов организации эффективного судопроизводства в офисе судьи решает судья. По сути, судья в этой ситуации реализует в отношении своих подчиненных организационно-управленческие функции. Например, судья самостоятельно определяет, кто из его работников будет ходить в судебные процессы и вести протокол судебного заседания. Председателю суда, его заместителям и начальникам отдела делопроизводства и обеспечения судопроизводства остается решение общих вопросов, касающихся направления и организации деятельности секретарей судебного заседания и помощников судьи.

В свою очередь, де-факто выполнение поручений, распоряжений и указаний судьи для работников офиса судьи является обязательным и первоочередным. Более того, ввиду отсутствия детально регламентированных должностных полномочий судьи по отношению к работникам офиса, а также отсутствия ответственности за их неэффективное выполнение у судьи появляется не только возможность произвольного толкования своих полномочий в сфере организации судопроизводства в офисе судьи, но и безграничная власть над подчиненными.

Например, судья Н. в течение двух лет сменила шестерых секретарей судебного заседания и троих помощников судьи. Секретари и помощники, увольняясь, указывали на тяжелый характер судьи и сложные условия труда, при которых Н. требовала работать во время официального отпуска и задерживаться после работы до 22:00.

В данном случае если судья отказывается работать с конкретным специалистом, то председатель суда не всегда имеет возможность влияния на ситуацию и сохранения работника аппарата суда. В результате полномочия по приему и увольнению работников офиса судьи могут де-факто принадлежать судье, а де-юре — председателю суда.

Таким образом, в качестве главных причин возникновения проблем организации эффективной системы судопроизводства в офисе судьи стоит назвать нормативно-правовые и административно-управленческие обстоятельства (фактическое отсутствие регламента должностных полномочий судьи в сфере организации судопроизводства).

Полномочия в сфере организации судопроизводства

Должностными полномочиями по организации судопроизводства в Российской Федерации наделены председатель соответствующего суда, его заместители, председатели судебных коллегий и начальники соответствующих отделов. Закон «О статусе судей в РФ» не раскрывает полномочия судьи в сфере организации судопроизводства. При этом судья является важным и судообразующим элементом судебной системы РФ. В различных правовых актах законодатель регламентирует полномочия суда в целом, а также полномочия председателя, заместителей и руководителей судебных коллегий.

Например, арбитражный суд субъекта РФ рассматривает дела в первой инстанции, пересматривает дела по вновь открывшимся обстоятельствам, изучает и обобщает судебную практику, готовит и вносит предложения по совершенствованию законов и иных нормативных правовых актов, анализирует

материалы судебной практики и статистики и т.п.⁴

Офис судьи реализует основную массу полномочий, возложенных на судебную систему РФ. Фактически работники офиса судьи выполняют прямые указания, поручения, приказы и распоряжения, которые исходят от судьи соответствующего офиса. Соответственно, вопросы организации эффективного судопроизводства и отправления правосудия в офисе судьи не могут не входить в круг основных полномочий судьи.

Полномочия судьи по организации судопроизводства, организационно-распорядительные, административно-управленческие функции и т.п. отдельно не прописаны. В статье 12 Кодекса судейской этики⁵ лишь отчасти регламентированы организационно-распорядительные полномочия судьи и отмечено, что судья вправе реализовывать их в отношении работников аппарата суда. Практика работы дисциплинарных коллегий также указывает на наличие у судьи организационно-распорядительных полномочий со ссылкой на Кодекс судейской этики⁶.

Несмотря на сложившуюся практику, целесообразно подчеркнуть, что Кодекс судейской этики не направлен на регулирование организационно-распорядительных полномочий, его цель — правовое закрепление и регулирование этических правил поведения судьи.

Ю. Н. Старилов относит к предмету административного права управленческие отношения внутриорганизационного характера, возникаю-

щие в процессе функционирования субъектов представительной власти, судебной власти и прокуратуры⁷. По совершенно справедливому мнению Е. Н. Воронова, внутриорганизационные управленческие отношения в судах носят административно-правовой характер. Поэтому при их регулировании следует использовать формы, характерные для административного права, предусматривающие довольно подробную регламентацию управленческих функций и полномочий в законах, подзаконных актах, регламентах⁸.

В отличие от полномочий судьи, деятельность и полномочия работников аппарата суда детально регламентированы должностными инструкциями, а также этическими правилами поведения, закрепленными в Кодексе этики и служебного поведения государственных гражданских служащих⁹. Подобное положение дел зачастую вызывает вольную интерпретацию полномочий судьи и усложняет привлечение его к дисциплинарной ответственности.

Порядок привлечения судьи к дисциплинарной ответственности

Следующая причина возникновения проблемы организации эффективной системы судопроизводства в офисе судьи — существующий порядок привлечения к дисциплинарной ответственности судьи и работников аппарата суда. В силу требований ст. 120 Конституции РФ¹⁰ судьи неза-

⁴ См.: Федеральный конституционный закон от 28.04.1995 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «Об арбитражных судах в Российской Федерации» // Российская газета. 16.05.1995. № 93.

⁵ Кодекс судейской этики (утв. VIII Всероссийским съездом судей 19 декабря 2012 г., ред. от 01.12.2022) // Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <https://www.ksrf.ru/ru/Info/LegalBases/Kodeks/Pages/Chapter2.aspx> (дата обращения: 22.11.2024).

⁶ См.: решение Дисциплинарной коллегии Верховного Суда РФ от 12.09.2023 № ДК23-84 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 22.11.2024).

⁷ См.: Старилов Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. Т. 1. М., 2002. С. 312.

⁸ См.: Воронов Е. Н. Управление судом (административно-правовое регулирование) // Российский судья. 2012. № 9. С. 22–23.

⁹ Кодекс этики и служебного поведения государственных гражданских служащих Верховного Суда РФ // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://vsrf.ru/files/562/> (дата обращения: 22.11.2024).

¹⁰ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Российская газета. 25.12.1993. № 237 ; Российская газета. 04.07.2020. № 144.

висимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону.

Статьей 12.1 Закона «О статусе судей РФ» предусмотрены основные меры дисциплинарной ответственности судей: замечание, предупреждение и досрочное прекращение полномочий судьи.

Установленный порядок привлечения судьи к дисциплинарной ответственности, а также факт отсутствия детальной регламентации его полномочий в сфере организационно-распорядительных и административно-управленческих функций в совокупности создают благоприятные условия для возникновения и развития латентности значительной части нарушений, которые проявляются в неэффективном осуществлении организационно-распорядительных функций и полномочий судьи.

Вследствие этого, несмотря на существующую у председателя суда обязанность, он и его заместители фактически не всегда имеют реальную возможность реализовать в отношении нерадивых судей организационно-распорядительные и административно-управленческие функции.

Например, заместитель председателя суда К. поручил судьям судебной коллегии А., Н., С., Б. подготовить аналитические материалы и сформировать правовую позицию суда по ряду проблемных вопросов судебной практики. Судьи А., Н., С., Б., сославшись на занятость, отказались выполнить поручение в установленные сроки.

В подобной ситуации для председателя суда и его заместителей применение мер дисциплинарного воздействия к судьям — непростая задача, так как решение о наложении на судью дисциплинарного взыскания принимается квалификационной коллегией судей¹¹.

Существующее ограничение возможности оперативного применения председателем суда организационно-распорядительных и административно-управленческих функций в отношении судей зачастую становится причиной или

благоприятным условием для совершения судьями иных дисциплинарных проступков.

Например, судья К. посчитал удобным приходить на работу в 12:00 и трудиться до поздней ночи, аргументируя это тем, что по ночам работать эффективней, нет шума, никто не отвлекает от творческого процесса и т.п. Кроме того, К. обосновал свое решение тем, что днем существует возможность заниматься спортом и иными личными делами.

Однако председателю суда сложно организовать рабочий процесс и решать текущие вопросы с судьей, который отсутствует в рабочее время на рабочем месте. Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности судей за нарушение правил внутреннего трудового распорядка аналогичен. Председатель суда с весьма простым, казалось бы, вопросом вынужден обращаться в квалификационную коллегию судей. В результате, как совершенно справедливо отмечают отдельные авторы, такое положение дел может привести к росту внутрикорпоративной солидарности судей и их клановости¹².

В процессе реализации судопроизводства и отправления правосудия в офисе судьи могут возникать и иные вопросы, требующие со стороны руководства суда оперативного административного управления.

Например, сторона судебного разбирательства в лице представителя Н. обратилась к председателю суда с жалобой на бездействие судьи К. В заявлении представитель Н. указал на то, что офис судьи первой инстанции К. не направил своевременно дело в суд апелляционной инстанции.

Похожие и иные нарушения периодически случаются в офисах судей. В целях повышения качества судопроизводства и отправления правосудия в офисе судьи председатель суда обязан соответствующим образом отреагировать на них. В качестве адекватной меры реагирования к офису судьи применяется дисциплинарная ответственность. Ввиду существующей сложности привлечения к дисциплинарной ответ-

¹¹ См.: п. 7 ст. 12.1 Закона «О статусе судей в РФ».

¹² См.: Шокумов Ю. Ж. Актуальные вопросы развития арбитражного судопроизводства и процессуальных функций суда в России // Вестник экономической безопасности. 2019. № 2. С. 193–199.

ственности судей зачастую к ответственности привлекается секретарь судебного заседания или помощник судьи. Нужно заметить, что привлечение к дисциплинарной ответственности может повлечь лишение премий. В связи с тем что полномочия судьи в сфере организации судопроизводства подробно не изложены, появляется возможность произвольного толкования норм, регламентирующих полномочия и ответственность за неэффективную организацию судопроизводства в офисе судьи, и перекладывания ответственности на иных лиц. В подобных условиях судьи имеют возможность совершать различные нарушения в области организации и осуществления судопроизводства в офисе судьи либо непосредственно влиять на эффективность данной деятельности, но при этом не нести никакой личной ответственности.

Нагрузка на офис судьи

Еще одна причина возникновения проблем при организации эффективной системы судопроизводства в офисе судьи — существующая высокая нагрузка на офис судьи. В последние годы под воздействием современной экономической политики активно меняется и совершенствуется правовое поле Российской Федерации. Значительным изменениям подверглось действующее законодательство о несостоятельности (банкротстве). В этой связи в стране ощутимо выросло (+37 %) число банкротных споров¹³.

В 2023 г. количество заявлений о несостоятельности (банкротстве) физических лиц составило свыше 80 % от общего количества заявлений о несостоятельности (банкротстве). В среднем дневная нагрузка на судью в зависимости от региона и вида судебной инстанции варьировалась от 10 до 50 дел¹⁴.

В более ранних фундаментальных исследованиях были достаточно детально раскрыты проблемы правового регулирования и роста служебной нагрузки судей¹⁵. Более того, неоднократно указывалось на недостаточность научных исследований и существование проблем судебного администрирования¹⁶. В такой ситуации максимальная годовая нагрузка на судью может достигать 10 тыс. дел. К государствам с наибольшей годовой нагрузкой на судью относятся страны Латинской и Южной Америки, среди которых лидером является Чили с нагрузкой около 8 тыс. дел¹⁷.

В 1996 г. разработаны и утверждены нормы нагрузки на судей и работников аппарата судов субъектов РФ¹⁸, содержащие подробные таблицы, расчеты и нормативы количества судей и работников аппарата суда в зависимости от сложности дела и существующей нагрузки на судью. Следует отметить, что с тех пор нагрузка на судей существенно возросла, а нормативы не менялись. В условиях цифровизации судебной системы, активного развития системы электронного правосудия появилась возможность подачи документов в электронном виде. Всё это не могло не отразиться на итоговой нагрузке на

¹³ См.: официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8687> (дата обращения: 22.11.2024).

¹⁴ См.: Нагрузка на судей Арбитражного суда Пермского края // URL: <https://www.business-class.su/news/2024/01/30/v-2023-goda-nagruzka-na-sudei-arbitrazhnogo-suda-permskogo-kрая-dohodila-do-300-del-v-mesyac> (дата обращения: 25.10.2024) ; Цифровизация судов и новые постановления: как прошел Совет судей // URL: <https://pravo.ru/story/250266/> (дата обращения: 25.10.2024).

¹⁵ См.: Бурдина Е. В., Петухов Н. А. Служебная нагрузка на судей: проблемы определения, оценки, управления : монография / под ред. В. В. Ершова. М. : РГУП, 2017. С. 15–20.

¹⁶ См.: Ершов В. В., Петухов Н. А., Бурдина Е. В. Служебная нагрузка на судей как предмет научного анализа: теоретические и методологические вопросы // Российское правосудие. 2017. № 6 (134). С. 5–23.

¹⁷ См.: Нешатаева В. О., Бугрова С. С. К вопросу о регулировании нагрузки судей // Российское правосудие. 2017. № 3 (131). С. 48.

¹⁸ Постановление Минтруда РФ № 41а, Минюста РФ № 06-74-124 от 27.06.1996 «Об утверждении норм нагрузки судей и работников аппарата судов субъектов РФ» // Бюллетень Минтруда РФ. 1996. № 8.

офисы судей. Работники офиса судьи вынуждены выполнять как дополнительные виды работ, так и прежние виды работ, но в значительно большем объеме. На сегодняшний день работники офиса судьи осуществляют: сканирование документов, вызов участников процесса, ведение протокола судебного заседания, организацию и проведение видео-конференц-связи, отправку уведомлений, подшивку и подготовку судебного дела, передачу дел в архив, своевременное прикрепление электронных документов, подготовку проектов судебных актов и др.

Кроме того, рассмотрение заявлений о несостоятельности (банкротстве) юридических лиц, граждан и индивидуальных предпринимателей относится к подведомственности арбитражных судов РФ. В каждом субъекте РФ был создан один арбитражный суд, который уполномочен рассматривать данную категорию дел. Соответственно, крупные регионы столкнулись с бесконечным потоком заявлений и постоянным ростом служебной нагрузки. Работники офиса судьи вынуждены выполнять свои обязанности с колоссальным превышением норм служебной нагрузки. При этом чем позже судья передает материалы дела работникам офиса судьи, тем меньше у них остается времени для своевременного выполнения обязанностей в течение дня. Выполнение служебных обязанностей до глубокой ночи для работников офиса судьи стало суровой реальностью. В крупных регионах и этого времени превышения норм служебной нагрузки становится недостаточно. Сложившаяся ситуация может спровоцировать делегирование технической работы (отправка уведомлений, подшивка и подготовка дела) третьим лицам с оплатой их труда за счет собственных средств судьи. Подобная модель поведения вполне спасает положение офиса судьи, но может стать причиной появления иных проблем, таких как неправомерный доступ к служебной информации и иным сведениям, развитие теневой экономики, отсутствие налоговых и пенсион-

ных отчислений и т.п. С учетом существующей нагрузки на офис судьи несложно представить, какое количество неподготовленных или не переданных в архив дел может единовременно находиться в различных офисах судьи, если не прибегнуть к помощи третьих лиц.

В заключение надо сказать, что в целях эффективной организации судопроизводства в Российской Федерации необходимо наделить судью соответствующими организационно-распорядительными и административно-управленческими функциями и полномочиями в сфере организации судопроизводства в офисе судьи и предусмотреть ответственность за их неэффективное исполнение. Видится, что независимость судьи не должна переходить в некую зависимость, но в то же время должны быть детально регламентированы должностные полномочия и ответственность судьи и исключена возможность их произвольного толкования. Практическая целесообразность данного предложения обусловлена тем, что неэффективная деятельность судьи в виде организации судопроизводства, делопроизводства и отправления правосудия в офисе судьи зачастую остается без соответствующего внимания со стороны руководства суда. В более ранних исследованиях указывалось, что самостоятельность и независимость судебной власти зачастую приводят к тому, что она становится неконтролируемой и неуправляемой¹⁹.

Принимаемые меры, направленные на развитие судебной системы и организацию эффективного судопроизводства в Российской Федерации, должны основываться на текущем положении дел и существующем историческом положительном опыте.

В. Ф. Яковлев, формируя и развивая систему арбитражных судов, ввиду острой нехватки в судах специалистов реализовал идею создания должности помощника судьи²⁰. В конечном итоге институт помощника судьи получил свое дальнейшее развитие и распространился на всю судебную систему РФ.

¹⁹ См.: Солдатов В. А. Независимость судей арбитражных судов в системе принципов арбитражного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. № 1. С. 12–15.

²⁰ См.: Яковлев В. Ф. Опыт создания арбитражных судов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 1. С. 6–25.

Таким образом, в целях эффективной организации судопроизводства в Российской Федерации необходимо усовершенствовать существующую систему обеспечения судопроизводства путем создания новой должности младшего секретаря судебного заседания. Целесообразно наделить данного специалиста полномочиями по выполнению технической работы (отправка уведомлений, подшивка материалов, подготовка дела и т.п.) и тем самым освободить офис судьи от чрезмерной нагрузки. Следует предусмотреть более мягкие требования к уровню образования подобных специалистов, ограничившись наличием начального или среднего специального образования. Введение такой должности позволит создать благоприятные условия для профессионального роста судебного служащего, а также в некоторой степени решит проблему подготовки и обучения молодых кадров. Наивысшая эффективность функционирования системы централизованного делопроизводства может быть достигнута путем объединения младших секретарей судебного заседания в общий отдел делопроизводства. В качестве иной меры, направленной на развитие судебной системы, можно предложить создание в районных судах дополнительной единицы судей, рассматривающих споры и дела о несостоятельности (банкротстве). Нужно учитывать, что подобная мера также требует решения спорных вопросов подсудности дел о несостоятельности (банкротстве).

И. В. Фролов отмечает, что разносторонний характер отношений, складывающихся при производстве по делам о несостоятельности (банкротстве), дает основание относить рассмотрение дела о несостоятельности (банкротстве) к отдельному виду судопроизводства²¹.

По совершенно справедливому мнению ряда авторов, сегодня имеется обоснованная необходимость в создании специализированных судов, рассматривающих дела о банкротстве, решения по которым непосредственно влияют на ход и результаты банкротного процесса²².

Необходимость в выделении дел о несостоятельности (банкротстве) в отдельное судопроизводство или создании специализированных коллегий по рассмотрению подобных споров становится на сегодняшний день объективной реальностью. Эта мера позволит существенно снизить нагрузку на судей арбитражных судов, а также повысить уровень доступности банкротного судопроизводства для граждан, проживающих в отдаленных районах региона.

Стоит заметить, что в 2001 г. были предприняты попытки приведения штатной численности судей и работников аппаратов судов в соответствие с нормами нагрузки, но данный законопроект был отклонен Государственной Думой РФ. В 2023 г. Верховный Суд разработал иной законопроект, направленный на урегулирование вопроса штатной численности и судебной нагрузки, однако и он не получил должного развития²³.

Заключение

На основании изложенного можно заключить, что эффективное развитие и совершенствование системы судопроизводства и судебной системы страны в целом сегодня невозможно без дополнительного финансирования и увеличения штатной численности судей и работников аппаратов судов РФ.

²¹ См.: Фролов И. В. Управленческие функции судебных органов, их место в системе государственного (административного) управления сферы финансового оздоровления, несостоятельности (банкротства) // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 324. С. 253–256.

²² См.: Свириденко О. М. Материально-правовое и процессуальное обоснование специализации банкротных судов // Право и экономика. 2004. № 7. С. 38–40; Зуева И. В. Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. 2005. № 2. С. 35–45.

²³ Законопроект № 90030194-3 «О приведении штатной численности судей и работников аппаратов федеральных судов общей юрисдикции в соответствие с нормами нагрузки» // Официальный сайт Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/90030194-3> (дата обращения: 25.10.2024).

В силу экономических причин, внешних санкций и иных обстоятельств государство не всегда имеет возможность своевременно реализовать необходимые судебные реформы. Более того, в подобных условиях штатная численность работников судебной системы зачастую может быть подвергнута сокращению²⁴. В этой связи представляется, что предложенные меры развития и совершенствования системы судопроизводства и судебной системы РФ не должны игнорироваться государством, напротив, их нужно реализовывать поэтапно, несмотря на существующие экономические сложности.

Бездействие в данном вопросе способно спровоцировать еще большие проблемы:

- понижение уровня профессиональной подготовки судебного служащего;
- нарушение сроков рассмотрения судебных споров;
- понижение уровня доступности правосудия для граждан;
- возникновение, развитие и рост коррупционных факторов в судебной системе;
- понижение существующего уровня доверия граждан к органам судебной власти;
- высокие показатели текучести кадров.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бурдина Е. В., Петухов Н. А. Служебная нагрузка на судей: проблемы определения, оценки, управления : монография / под ред. В. В. Ершова. — М. : РГУП, 2017. — 236 с.
2. Воронов Е. Н. Управление судом (административно-правовое регулирование) // Российский судья. — 2012. — № 9. — С. 22–23.
3. Ершов В. В., Петухов Н. А., Бурдина Е. В. Служебная нагрузка на судей как предмет научного анализа: теоретические и методологические вопросы // Российское правосудие. — 2017. — № 6 (134). — С. 5–23.
4. Зуева И. В. Судопроизводство по делам о несостоятельности (банкротстве) // Вестник Арбитражного суда Западно-Сибирского округа. — 2005. — № 2. — С. 35–45.
5. Нешатаева В. О., Бугрова С. С. К вопросу о регулировании нагрузки судей // Российское правосудие. — 2017. — № 3 (131). — С. 35–48.
6. Свириденко О. М. Материально-правовое и процессуальное обоснование специализации банкротных судов // Право и экономика. — 2004. — № 7. — С. 38–40.
7. Солдатов В. А. Независимость судей арбитражных судов в системе принципов арбитражного правосудия // Арбитражный и гражданский процесс. — 2013. — № 1. — С. 12–15.
8. Старилов Ю. Н. Курс общего административного права : в 3 т. Т. 1. — М., 2002. — 711 с.
9. Фролов И. В. Управленческие функции судебных органов, их место в системе государственного (административного) управления сферы финансового оздоровления, несостоятельности (банкротства) // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 324. — С. 253–256.
10. Шокумов Ю. Ж. Актуальные вопросы развития арбитражного судопроизводства и процессуальных функций суда в России // Вестник экономической безопасности. — 2019. — № 2. — С. 193–199.
11. Яковлев В. Ф. Опыт создания арбитражных судов // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. — 2012. — № 1. — С. 6–25.

Материал поступил в редакцию 21 ноября 2024 г.

²⁴ См.: Указ Президента РФ от 29.10.2024 № 922 «О дополнительных мерах по совершенствованию оплаты труда федеральных государственных гражданских служащих территориальных органов (органов) федеральных государственных органов, аппаратов федеральных судов общей юрисдикции и федеральных арбитражных судов, управлений Судебного департамента при Верховном Суде РФ в субъектах РФ» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202410290050> (дата обращения: 31.10.2024).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Burdina E. V., Petukhov N. A. Sluzhebnyaya nagruzka na sudey: problemy opredeleniya, otsenki, upravleniya: monografiya / pod red. V. V. Ershova. — M.: RGUP, 2017. — 236 s.
2. Voronov E. N. Upravlenie sudom (administrativno-pravovoe regulirovanie) // Rossiyskiy sudya. — 2012. — № 9. — S. 22–23.
3. Ershov V. V., Petukhov N. A., Burdina E. V. Sluzhebnyaya nagruzka na sudey kak predmet nauchnogo analiza: teoreticheskie i metodologicheskie voprosy // Rossiyskoe pravosudie. — 2017. — № 6 (134). — S. 5–23.
4. Zueva I. V. Sudoproizvodstvo po delam o nesostoyatelnosti (bankrotstve) // Vestnik Arbitrazhnogo suda Zapadno-Sibirskogo okruga. — 2005. — № 2. — S. 35–45.
5. Neshataeva V. O., Bugrova S. S. K voprosu o regulirovanii nagruzki sudey // Rossiyskoe pravosudie. — 2017. — № 3 (131). — S. 35–48.
6. Sviridenko O. M. Materialno-pravovoe i protsessualnoe obosnovanie spetsializatsii bankrotnykh sudov // Pravo i ekonomika. — 2004. — № 7. — S. 38–40.
7. Soldatov V. A. Nezavisimost sudey arbitrazhnykh sudov v sisteme printsipov arbitrazhnogo pravosudiya // Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess. — 2013. — № 1. — S. 12–15.
8. Starilov Yu. N. Kurs obshchego administrativnogo prava: v 3 t. T. 1. — M., 2002. — 711 s.
9. Frolov I. V. Upravlencheskie funktsii sudebnykh organov, ikh mesto v sisteme gosudarstvennogo (administrativnogo) upravleniya sfery finansovogo ozdorovleniya, nesostoyatelnosti (bankrotstva) // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 324. — S. 253–256.
10. Shokumov Yu. Zh. Aktualnye voprosy razvitiya arbitrazhnogo sudoproizvodstva i protsessualnykh funktsiy suda v Rossii // Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. — 2019. — № 2. — S. 193–199.
11. Yakovlev V. F. Opyt sozdaniya arbitrazhnykh sudov // Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF. — 2012. — № 1. — S. 6–25.

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г., ISSN 2618-8198;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

✓ Государственное регулирование цифровой экономики.	✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.	✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).	✓ Правовой статус смарт-контрактов.
✓ Правовое регулирование больших данных.	✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).	✓ Информационная безопасность.
✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.	✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

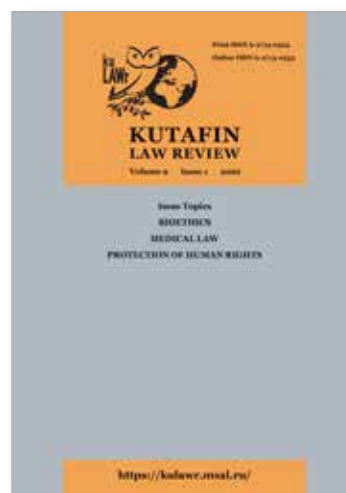
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит четыре раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:

«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex russica – 11198,

«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.

Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

Том 20 № 7 (176) июль 2025

Журнал распространяется через
объединенный каталог «Пресса России»
и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».

Подписной индекс: 11178.

Подписаться на журнал можно с любого месяца.

ISSN 1994-1471

9 771994 147002